

РУССКИЙ ЯЗЫК
В МНОГОРЕЧНОМ
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

THE RUSSIAN LANGUAGE
IN THE MULTI-LANGUAGE
SOCIAL AND CULTURAL
ENVIRONMENT

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

РУССКИЙ ЯЗЫК В МНОГОРЕЧНОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2014

УДК 811.161.1'276
ББК 81.2 Рус-5
Р 894

Рецензенты

И. А. Стернин, доктор филологических наук,
профессор Воронежского государственного университета

Ю. Е. Прохоров, доктор филологических наук,
доктор педагогических наук, профессор
Государственного Института русского языка им. А. С. Пушкина

Ответственные редакторы

Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина

Русский язык в многоречном социокультурном простран-
Р 894 стве : [монография] / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. —
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 324 с.

ISBN 978-5-7996-1083-8

В монографии исследуется феномен многоречия – существования и функционирования подсистем русского национального языка, функциональных разновидностей литературного языка, субъязыков разных социальных и профессиональных групп, а также субъязыков отдельных личностей. Предложена теоретическая интерпретация многоречия в проекции на категории коммуникативной толерантности и коллективной идентичности. На материале языкового существования описаны особенности формальной представленности и функций многоречия в социокультурных коммуникативных практиках и в индивидуальной практике отдельной языковой личности. Специальный раздел монографии посвящен анализу положения русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья.

УДК 811.161.1'276
ББК 81.2 Рус-5

ISBN 978-5-7996-1083-8

© Уральский федеральный университет, 2014
© Гаспаров Б. М., Купина Н. А., предисловие, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. МНОГОРЕЧИЕ И РАЗНОЯЗЫЧИЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	
1.1. Язык – разноречное единство: плюрализм речевого поведения как основа коммуникативного взаимодействия говорящих (<i>Б. М. Гаспаров</i>)	14
1.2. Русский язык в мультикультурном обществе: теоретические вопросы и прикладные задачи (<i>Н. А. Купина</i>)	41
1.3. Метаязыковые измерения многогочечия (<i>И. Т. Вепрева</i>)	51
1.4. Полиглоссия россиянина в лексикографическом представлении (<i>О. А. Михайлова</i>)	68
Глава 2. МНОГОРЕЧИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ	
2.1. Диалектное субъязыковое пространство Среднего Урала (<i>Н. И. Коновалова</i>)	78
2.2. Просторечие на стыке лингвокультур (<i>И. В. Шалина</i>)	87
2.3. Разноязычие и многогочечие в современной религиозной коммуникации (<i>Т. В. Ицкович</i>)	102
2.4. Сигналы многогочечия в свободном пространстве Интернета (<i>С. Ю. Данилов</i>)	114
2.5. Многогочечие в текстах рекламы (<i>Ю. Б. Пикулева</i>)	134
Глава 3. МНОГОРЕЧИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	
3.1. Письменная речь старшеклассника: зоны субъязыкового влияния (<i>Н. А. Купина</i>)	145
3.2. Эффект многогочечия в школьном дискурсе (<i>А. И. Дунев</i>)	166
3.3. Речевой портрет действующего политика в контексте многогочечия (<i>О. И. Асташова, Е. В. Шулындина</i>)	180
3.4. Игровой субъязык С. Д. Кржижановского (<i>Т. А. Гридиha</i>)	191
3.5. Многогочечие в пьесах Николая Коляды: социальный аспект (<i>М. А. Литовская</i>)	206

Глава 4. РАЗНОЯЗЫЧИЕ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

4.1. Русский среди других языков Финляндии: актуальные проблемы (<i>А. Мустайоки, Е. Протасова</i>)	220
4.2. Deutsch-russisches Russisch – vom Spiel zu Sprache? (<i>Holger Kuße, Marina Scharlaj</i>)	240
4.3. Языковая ситуация в современном Казахстане (<i>Р. О. Туксаитова</i>)	258
4.4. Билингвизм и многоречие в Республике Беларусь (<i>Б. Ю. Норман</i>)	267
4.5. Русский язык в Грузии (<i>Т. Мегрелишвили</i>)	286
4.6. Разноязычие в уральской прессе (<i>О. В. Ильина</i>)	301
4.7. Языковая и культурная адаптация мигрантов в России: взгляд преподавателя (<i>Н. А. Боровикова</i>)	314
Сведения об авторах	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

В монографии исследуются факты многогочечия (полиглотсии) в разных сегментах речевой коммуникации: в жанрах устной и письменной, монологической, диалогической, полилогической русской речи. Выявляются причины и направления экспансии «чужой» речи, условия ее конвенционального отторжения и приспособления к речи «своего» круга. В проекции на проблемы коллективной идентичности и толерантности устанавливаются связи и отношения многогочечия с векторами развития мультикультурного общества. Коллективная монография состоит из четырех основных глав.

В *главе первой* излагаются задачи и принципы исследования. Язык трактуется как «разноречное единство», а плюрализм речевого поведения интерпретируется как инструмент интеграции в процессе многоканального взаимодействия между коммуникантами. На фоне теоретического осмысления лингвистических концепций сопоставляются эвристические возможности структурного, коммуникативного, культурологического, социолингвистического, функционально-коммуникативного подходов к языковому существованию (Б. М. Гаспаров). Разграничиваются два дифференциальных показателя российского мультикультурного общества – разноречие и многогочечие. Систематизируются теоретические и прикладные проблемы изучения многогочечия (Н. А. Купина). Предложенный типологический подход к многогочечию открывает перспективы диагностики сигналов разных субъязыков – «своего» и «чужого».

Взаимодействие субъязыков новейшего времени отражается в рефлексивных высказываниях, которые складываются в дискурс особого рода, выступающий в качестве объекта «метаязыкового

измерения» многооречия. Анализ этого дискурса позволяет зафиксировать точки социокультурного напряжения, выявить поликодовый набор языковых средств, необходимых говорящему при порождении речевого произведения (И. Т. Вепрева).

Важный источник сведений о полиглоссии и полиглотической языковой личности – словари русского языка. Привлечение в качестве специального исследовательского объекта словарей различных типов способствует выявлению граней полиглоссии как сельских жителей, так и горожан, обновлению процедуры лингвокультурологической реконструкции обобщенного портрета носителя русского литературного языка (О. А. Михайлова).

В *главе второй* представлены результаты анализа многооречия в социокультурных практиках. Выявлены формы взаимодействия субъязыков в народных лингвокультурах – диалектах и городском просторечии. Записи живой речи свидетельствуют об активных субъязыковых контактах. Представлено описание диалектного субъязыкового пространства Среднего Урала (Н. И. Коновалова) и уральского городского просторечия (И. В. Шалина). Установлен набор факторов, обуславливающих использование специфических единиц разных субъязыков в непринужденном диалогическом и полилогическом речевом общении; охарактеризован функциональный диапазон многооречия.

Тенденция к субъязыковому взаимодействию ярко проявляется в рекламном дискурсе (Ю. Б. Пикулева), приметой которого является сосуществование единиц литературного языка и специфических единиц социальных субъязыков. При этом вектор отбора вербальных знаков в значительной степени задан образом целевого адресата (его гендерной, возрастной, социально-статусной характеристикой).

Принципы отбора, комбинации специфических субъязыковых единиц и способы организации полилогической коммуникации в пространстве Интернета вырабатываются эмпирически. Последнее продемонстрировано на материале актуальных политических (С. Ю. Данилов) и конфессиональных (Т. В. Ицкович) коммуникативных практик. В первом случае в качестве показательного

материала привлекаются записи и тексты комментариев, извлеченные в период предвыборной кампании 2013 года из пиар-блога нынешнего мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана; во втором – монологи, диалоги, полилоги представителей православного сообщества. Отмечаются технологии использования многоречия в целях коммуникативной интеграции.

В *главе третьей* специальным объектом исследования становятся формы проявления многоречия в индивидуальных практиках носителей русского языка: в речи учителя и в речи выпускника средней школы, в речи действующего политика и в речи драматурга.

Наблюдения над устной речевой коммуникацией внутри школьного дискурса обнаружили связанные с многоречием источники речевых конфликтов: стратегические установки учителя, вербализованные с помощью субъязыковых стандартов и штампов, вступают в противоречие с интенциями учеников. Разлад коммуникативного взаимодействия способствует поляризации позиций адресанта и адресата (А. И. Дунев). Еще один аспект функционирования многоречия в школьном дискурсе – письменная речь школьника, формирующаяся под влиянием субъязыковых книжной и некодифицированной разговорной речи. Для текстов выпускных сочинений одиннадцатиклассников (ЕГЭ, часть С) свойственны субъязыковой эклектизм, непреднамеренная стилистическая конфликтность, которая проявляется в неразграничении автором сочинения литературных и нелитературных, нейтральных и социально отмеченных средств языка (Н. А. Купина). Все это свидетельствует о продолжающемся процессе демократизации русского языка, во-первых, и о кризисе книжной речевой культуры, во-вторых.

Многоречие служит стратегически обусловленной основой коммуникативной интеграции в речи российских политиков. Специфические сигналы разных субъязыков используются прежде всего для активизации механизмов контакта политического деятеля с целевой аудиторией (О. И. Асташова, Е. В. Шулындина).

Специальное внимание уделяется репродукции естественного многоречия в текстах художественной литературы. Исследуется

субъязык Сигизмунда Кржижановского. Доказывается, что специфическими единицами субъекта автора являются игремы; устанавливается репертуар функций игрем (Т. А. Гридина). Характерная для драматургии новой волны вообще и пьес Николая Коляды в частности поэтика многогочения позволяет драматургу зафиксировать острый социальный слом и связанный с ним кризис коллективной идентичности, раскрыть эстетический потенциал многогочения (М. А. Литовская).

Функционирование русского языка в современном мультикультурном российском обществе сопровождается общей тенденцией к субъектоязыковым контактам. Эта тенденция охватывает неинституциональные и институциональные дискурсы, социокультурные и индивидуальные коммуникативные практики.

Четвертая глава монографии посвящена проблеме разноязычия. Исследуется языковая ситуация в сопредельных с Россией странах, характеризуется положение и состояние русского языка с учетом законодательных актов, регулирующих функционирование языков в мультикультурном полиэтническом обществе.

Анализ языковой ситуации в Финляндии (А. Мустайоки, Е. В. Протасова) позволяет обобщить объективные факторы, влияющие на становление и развитие государственной языковой политики. С опорой на данные статистики описываются формы сосуществования государственных (финского и шведского) языков, языков этнических меньшинств и механизмы включения разноязычных граждан в доминирующую лингвокультурную среду. В зеркале лингвистической концепции Европейского Союза освещаются принципы преподавания языков в учебных заведениях страны. Прослеживается динамика формирования русскоязычного сообщества, обсуждаются вопросы многогочения носителей русского языка, проживающих в Финляндии. Ставятся проблемы изучения и популяризации русского языка, который стал частью «лингвистического ландшафта» Финляндии.

Специальный объект исследования – речь русских эмигрантов, проживающих в Германии. Материалы интернет-форумов, интервью с русскоговорящими информантами, публикации

в русскоязычной эмигрантской прессе приводят к выводу о формировании на основе интерференции «немецко-русского русского идиома»: инициальная языковая шутка, ее коллективный, креативный подхват способствуют развитию отмеченного «поэтической функцией» «немецко-русского русского языка», характеризующегося особыми морфологическими и лексическими приметами (Х. Куссе и М. Шарлай).

По-разному складывается судьба русского языка в странах бывшего СССР.

В монографии освещается регулируемая толерантной языковой политикой языковая ситуация, сложившаяся в постсоветском Казахстане. Государственная стратегия, учитывающая разнообразие языков и культур, направлена на законодательное сохранение естественного интенсивного билингвизма (казахско-русского и русско-казахского). Официальный статус русского языка не препятствует развитию государственного казахского. Оба языка используются в образовательной системе, в СМИ, при осуществлении деловых контактов. В обыденной коммуникации русский язык выступает как средство межэтнического взаимодействия и тем самым способствует укреплению общенациональной идентичности. В новых социальных условиях реализуется проект «Триединство языков», предполагающий внедрение образовательной программы полиязычного (казахский, русский, английский) высшего образования. Обнаруживаются болевые точки методики преподавания русского языка на разных ступенях его изучения. Отмечается, что создание национально ориентированных интенсивных технологий преподавания русского языка может способствовать усилению его конкурентоспособности (Р. О. Туксаитова).

Языковая ситуация, сложившаяся в Республике Беларусь, характеризуется формальным равноправием, но разным коммуникативным диапазоном русского и белорусского языков, которые, согласно Конституции и Закону о языках, являются в стране государственными. Систематизируются факторы, обуславливающие формирование нациолекта – регионального (белорусского) варианта русского языка, описываются проявления белорусско-русской

интерференции, устанавливаются источники «интерференционных сбоев», предлагается оригинальная интерпретация феномена неконтролируемой трясянки (Б. Ю. Норман).

Языковая ситуация в Грузии охарактеризована в историческом и социокультурном контексте с учетом внутрilingвистических и экстралингвистических факторов влияния на положение русского языка. С опорой на государственную языковую политику анализируются образовательные программы изучения русского языка как иностранного. Специальное внимание уделяется вопросу литературных контактов, развитию русско-грузинского художественного билингвизма новейшего времени (Т. Г. Мегрелишвили).

Отталкиваясь от идеи разграничения внутреннего разноразличия (языки коренных народов страны) и внешнего разноразличия (языки мигрантов), авторы монографии затрагивают проблему разноразличия применительно к российским условиям.

На материале публикаций на русском и татарском языках, размещенных в газете Свердловского отделения Всемирного конгресса татар «Саф Чишмә» (Чистый источник), предложен опыт анализа двуязычия в аспекте этнической идентичности и межкультурной толерантности. Конвенционально заданная трансляция специфической культурно-фоновой информации, нравственных ценностей татарского народа, а также факты имеющей системные основания лексической интерференции – все это обуславливает интеграционную функцию разноразличия. Вместе с тем обнаруживается недостаточность разработанности ориентированных на целевую читательскую аудиторию журналистских техник коммуникативной регуляции. Очевидна необходимость целостного социолингвокультурологического исследования разноразличной прессы современной России (О. В. Ильина).

Социально острая проблема внешнего разноразличия, связанная с адаптацией мигрантов, их вхождением в русскую лингвокультурную среду, анализируется с точки зрения преподавателя-русиста. Критерии личной и групповой мотивации, степени отдаленности от русской лингвокультуры, виды профессиональной деятельности, наличие / отсутствие общего и специального образования

позволяют выделить разные категории мигрантов и поставить вопрос о перспективах разработки адаптационных лингвокультурных технологий.

Полученные научные результаты изучения многоречия и разноречия могут оказаться полезными для практического решения проблем коммуникативной толерантности, коллективной (общенациональной и групповой) идентичности и могут быть учтены при разработке законов о русском языке*.

Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина

* Коллективный проект «Многоречие в социокультурном пространстве России» выполнен при поддержке Министерства образования и науки РФ. Соглашение № 14.А18.21 0273 (2012–2013).

Глава 1

**МНОГОРЕЧИЕ И РАЗНОЯЗЫЧИЕ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

**1.1. Язык – разноречное единство:
плюрализм речевого поведения как основа
коммуникативного взаимодействия говорящих**

Б. М. Гаспаров

1. Язык как воображённое сообщество. Начну с характерной микроситуации, время от времени случающейся в аэропорту. Увидев иностранный паспорт с русской фамилией, спрашивают: *Говорите* (или: *понимаете*) *по-русски*? Спонтанная реакция на вопрос получается не артикулированной на грани невнятности: какое-то полупроглоченное междометие (что-то вроде [‘н-дъ’]), едва различимый намек, который сопровождается столь же неопределенным легким жестом. Такой характер высказывания возникает рефлексивно, без размышления – подобно большей части из того, что мы производим на языке, в котором чувствуем себя «дома». Но привычка наблюдать за речью окружающих и своей собственной тут же подсказывает, что именно такой, предельно редуцированный, ответ как раз и является самым эффективным. Его смысл: «не просто владею языком (в той или иной степени), но мы с вами говорим на одном языке». Подобным же образом, если кто-нибудь в Америке, услышав иностранный акцент, спросит *do you speak English?*, естественно ответить не *yes, I do*, а, скорее, нарочито невнятным *yeah...*, или *well...*, либо даже ироническим *do I?*

Смыслом ответа является, опять-таки, не эмпирический факт знания языка, но заявка принадлежности к языковому сообществу.

Здесь уместно вспомнить широко известную антропологическую концепцию Бенедикта Андерсона [Anderson 1983], обозначенную им как «воображённые сообщества» (imagined communities). Суть идеи Андерсона в том, что определенные группы людей мыслят себя в качестве некоего «сообщества»; в самосознании членов сообщества существует большая глубина взаимного понимания и большая общность реакций, чем в коммуникативных контактах с теми, кто к этому сообществу не принадлежит. Сама по себе идея, конечно, общепонятна, но то новое, что в нее вносит Андерсон, состоит в подчеркивании «воображённого» характера сообществ такого рода. «Воображённое» не значит «воображаемое»: речь идет не о фиктивном, а, скорее, спекулятивном характере этого чувства общности. В его основе лежат не такие факторы, как например, общность среды обитания и материальных интересов, но прежде всего факторы *символические*, относящиеся к самосознанию.

Примерами символических категорий самосознания, на которых может основываться воображённое сообщество, являются религиозные верования (либо отсутствие таковых), этническая или расовая принадлежность (феномен, в чистом виде – а именно в таковом он выступает как основание сообщества, – конечно же, «воображённый»), место рождения как знак определенных черт жизненного уклада и поведения и, конечно же, язык. Люди ощущают себя сочленами такого символического сообщества, «своими» в этом сообществе, притом что их непосредственные личные интересы и образ жизни, то, к чему они стремятся и чему противятся, могут быть различными и даже противоположными. Суть понятия не в «общности» взглядов и интересов, а именно в «сообщности». Сообщность – это ощущение принадлежности к одному символически очерченному пространству и основанная на этом гарантия известного уровня взаимной контактности, в том числе и конфликтной. У меня могут быть антагонистические отношения с данной личностью либо данной группой, но если

я проецирую их внутри «своего» воображённого единства, мне представляется (опять-таки, именно представляется) понятным, что собой представляют мои оппоненты и как они могут реагировать на мои слова или действия; тогда как по отношению к субъекту, принадлежащему к другому сообществу, даже если как личность он мне близок, остается ощущение неполного «владения» контактом, его неполного осмысления, наличия некоторого иррационального остатка.

В числе символических ценностей, способных консолидировать воображённое сообщество, языку принадлежит едва ли не первое место в отношении как интенсивности переживаемого чувства общности, так и частоты и многообразия ситуаций, в которых это ощущение заявляет о себе. Именно мощностью языкового сообщества объясняется минимальный набор сигналов, по которым его члены опознают друг друга. Иностранцу, чтобы показать свою способность понимать и быть понятым, нужно продемонстрировать достаточно качественный образец речи. Но для узнавания «своего» достаточно одного речевого жеста, редуцированный характер которого служит аттестацией со-принадлежности, подчеркивает уникальную сложность соединившихся в нем различных факторов: интонации и тембра голоса, манеры артикуляции, мимической экспрессии, а главное – понимания уместности такого способа выражения именно для данной ситуации. В языковой идиоматике этот феномен закреплён в выражении «понять с полуслова». Понимание «с полуслова» относится не столько собственно к содержанию понятого, сколько к самому факту понимания¹.

Чрезвычайная, можно даже сказать исключительная, сила языка в качестве основания воображённой общности проявляет себя в убежденности его членов в том, что они говорят «на одном языке». Конечно, эмпирические различия в речи представителей разных локальных, социальных, возрастных групп очевидны каждому, но они не отменяют символической общности, более

¹ Языковая метарефлексия говорящих как фактор, влияющий на их языковое сознание и поведение, исследуется в работах И. Т. Вепревой. См. в частности: [Вепрева 2002], а также раздел в главе 1 настоящей монографии.

того, сама способность говорящих осознавать эти различия и соответствующим образом «отстраивать» свое речевое поведение свидетельствует не только о со-принадлежности, но и утверждает ее. Для молодого человека, общающегося со старшими, речь последних – при всей ее экзотичности, с точки зрения его собственной речевой практики, – вполне естественна, потому что «так говорят родители»; ему понятно, как реагировать на эту манеру речи, как «вести себя» (в языковом смысле). То же относится к языковым контактам между представителями различных социальных групп. Общение сохраняет фундаментальную осмысленность, частью которой является как раз понимание положения, в котором коммуниканты находятся по отношению друг к другу. Когда американский или немецкий студент, демонстрируя свое знание разговорной идиомы, говорит профессору *привет!*, это как раз и служит сигналом того, что русским языком он в известной степени владеет, но к русскоязычному сообществу (пока) не принадлежит. С другой стороны, когда тот же студент произносит *How are you?*, эта реплика, номинально эквивалентная русскому *Как дела?*, обладает совершенно иными свойствами в качестве знака языковой общности.

2. «Воображённое» или «воображаемое»? – Спекулятивное единство языка в проекции на лингвистическую теорию. Интуитивное ощущение языковой общности, проявляющее себя поверх эмпирических различий языкового поведения (коль скоро сами эти различия получают объяснение в рамках единства), находит отражение в том, как язык интерпретируется лингвистической теорией. Принципиальная проблематичность теоретического подхода к языку в рамках лингвистики состоит в ее почти фатальной склонности относиться к презумпции языковой общности говорящих как к объективно существующему феномену единства их языковых умений, и соответственно, единства заданных структурой родного языка мыслительных моделей.

Наиболее последовательно эту теоретическую позицию представляет нормативная школьная грамматика, а вслед за ней – господствовавшие на протяжении большей части двадцатого

столетия формальные теории языка (философская база которых гораздо ближе к школьной грамматике, чем сами они хотели бы это признать²): лингвистический структурализм и генеративная модель языковой «компетентности».

Само понятие языка как предмета лингвистического исследования предполагает некое идеальное единство, разделяемое всеми его носителями. Предполагается, что, даже если отдельные члены сообщества реально употребляют в речи это свое якобы единое знание по-разному, у всех у них остается единый объективный критерий того, какие из этих употреблений можно признать правильными, то есть соответствующими общей структурной основе владения языком. Конкретные эмпирические исследования показали, как говорящими оценивается грамматическая правильность тех или иных высказываний. Этот критерий, казавшийся таким самоочевидным, когда он был введен в обиход в 1950–60-х гг., на практике, как оказывается, очень трудно привести в соответствие с реальными оценками говорящих³. Иначе и быть не могло, поскольку оценка «правильности», в том числе и чисто грамматической (если целесообразно выделять этот «чисто грамматический» аспект⁴), зависит от того, кто является автором высказывания, кто адресатом, какова целевая установка, ситуативная рамка, жанровая принадлежность, наконец, какими средствами речевой

² На сходство подхода к языку как к «объективно» существующей форме с традицией грамматик «мертвых языков» (латинского и греческого), в свою очередь послуживших образцом для школьных грамматик живых языков нового времени, проницательно указал В. Н. Волошинов в разделе книги, посвященном критике Соссюра [Волошинов 1929]. Эту мысль М. М. Бахтин высказал много позднее в оставшейся неоконченной работе «Проблема речевых жанров» [Бахтин 1997 (1946)].

³ Описанию различных затруднений, связанных с отсутствием единства среди говорящих по поводу того, какие речевые артефакты можно считать грамматически правильными, посвящена работа: [Кас 1992]. См. также замечания к этой проблеме: [Gasparov 2010: 154–157].

⁴ Взаимная зависимость грамматической конструкции и лексического материала был убедительно продемонстрирована в трудах по «грамматике конструкции». См. основополагающую работу этого направления: [Fillmore, Kay & O'Connor 1988], а также целый ряд конкретных разработок в книге: [Kay 1997].

передачи (устная, письменная, электронная) данное высказывание оформлялось.

Начиная с 1980-х годов подход к языку как механическому структурному единству подвергся развернутой критике в целом ряде новых лингвистических направлений, которые принято объединять под собирательным названием «когнитивная лингвистика». Центральная идея когнитивной лингвистики состоит в акцентировании творческого начала в образовании высказываний и, как следствие этого, принципиальной важности конкретных когнитивных процессов, лежащих в основе каждого отдельного акта языкового творчества. На смену представлению о языке как о «предписанной структуре», которую говорящим остаётся лишь воспроизводить, создавая различные разрешенные правилами комбинации элементов, приходит представление о языке как подвижном поле употреблений, каждое из которых вносит нечто новое, создаваемое путем тех или иных аналогий с уже известным.

Когнитивная лингвистика, сделав важный шаг в область индивидуально и контекстно специфического в языке, отнюдь не сформулировала суммарное представление о языке как коллективном достоянии сообщества. Воображённый характер сообщества становится очевидным, когда мы следим за бесконечным разнообразием творческих ходов языковой мысли, из которых возникают когнитивные метафоры [Lakoff & Johnson 1980/2003], метонимические наложения (теория «когнитивных пространств», *mental spaces*: [Fauconnier 1985]), прототипические аналогии [Rosch 1978; Taylor 1989], ситуативные рамки, окружающие высказывание [Fillmore 1982]; но эта эмпирическая очевидность не получает эксплицитной теоретической кодификации. Например, теории когнитивной метафоры и метонимии рассматривают различные случаи метафорических / метонимических совмещений так, словно они происходят «вообще в языке», безотносительно к тому, кто, при каких обстоятельствах и с какой целью мог бы создать такое совмещение. Позднейшие работы этого направления все больше смещаются в сторону создания очередных универсальных моделей — на этот раз, парадоксальным образом, под знаком лингвистической

креативности [Lakoff & Johnson 1999]; [Fauconnier & Turner 2002]. При этом не принимается во внимание даже межъязыковая и межкультурная специфика⁵, не говоря уж об условиях, связанных с речевым жанром, контекстом и речевым профилем говорящих.

Пожалуй, самым ярким проявлением той символической власти над умами, которую имеет идея воображённого языкового сообщества, являются работы, посвященные описанию «языковой ментальности», или «языковой картины мира». Это направление, выросшее, как известно, из лингво-антропологических спекуляций Уорфа, представлено в многочисленных исследованиях новейшего времени, в частности (и в особенности), в применении к русскому языку.

Позволю себе небольшое отступление по поводу чисто мифологической природы концепции «языковой картины мира». Когда Уорф противопоставлял категории Хопи, с их великолепной в своей органичности «длительностью» (в духе Бергсона) и непосредственностью ситуативного переживания, сухо рационалистической категоризации мира в языках «европейского стандарта», минимальной исторической рефлексии было бы достаточно, чтобы узнать в этом конструкте миф о наивном дикаре, бытующий в европейской культурной традиции со времен Геродота. Этот воображённый западной рефлексией идеальный «другой» живет в мире непосредственно переживаемого, не зная конфликтов между личностью и средой – природной и социальной, между переживанием и рефлексией. Рене, герой одноименной повести Шатобриана, бежавший от цивилизации в девственные дебри Виргинии, меланхолически восклицает: «Счастливые дикари! О, если бы я мог насладиться душевным миром, который всегда с вами! В то время как я натыкаюсь на столько препятствий и с такими малыми результатами, достигая столь малого, вы предоставляете дням катиться, не считая их». Уже Моцарт и Шиканедер

⁵ Попытки выявить «когнитивные метафоры», специфичные для отдельных языков, принесли более чем скромный результат [Kövecses 2005] – именно в силу суммарного, чисто конструктивного рассмотрения данного феномена – без учета его дискурсной специфики.

в «Волшебной флейте» (1791) посмеялись над этим мифом, воплотив образ дикаря (Папагено) с комическим буквализмом. Тем не менее в новейшее время у героя Шатобриана (а до него – Руссо) появились интересные «потомки»: такие, например, как молодежь китайской культурной революции, какой она представилась посетившим страну французским семиологам [Barthes 1974; Kristeva 1975], или «женщина» в феминистском дискурсе, в частности, применительно к характеру речевого поведения [Tannen 1990]. Живучесть мифа о «другом» можно объяснить тем, что в сущности он обслуживает самосознание современной европейской цивилизации, стимулируя критическую авторефлексию.

В исследованиях «русской языковой ментальности», в противоположение то ли англо-американской, то ли некоей мифической «западной» картине мира, с ее подразумеваемой холодной формальностью и поверхностным рационализмом, знакомые очертания культурно-исторического мифа в очередной раз заявили о себе, хотя и несколько неожиданным образом. С чисто психологической точки зрения, любопытной чертой этого его воплощения является то, что «русское языковое сознание» определяет себя в терминах органического «другого», то есть как бы смотрит на самое себя глазами якобы ему внеположной «западной» цивилизации. Инструментальность образа «другого» в качестве конструкта именно «западной» культурной авторефлексии становится очевидной в работах Вежицкой, оказавшей сильное влияние на это направление исследований в России. У Вежицкой знакомая оппозиция, оперирующая теми же грамматическими параметрами (богатство безличных конструкций, категория вида, формулы коммуникативного контакта, ряд ключевых слов, относящихся к различным модусам восприятия мира, и т. д.), подается с перевернутой ценностной модальностью по сравнению с тем, какой она выглядит у русских адептов этой концепции: органическое слияние с миром оборачивается безличностью и склонностью к фаталистическому подчинению, а рационалистическая сухость в представлении пространства и времени (у «западного» антипода) – целеустремленной энергией и утверждением личностного начала.

В концепции «языковой картины мира» власть идеи воображённого сообщества проявляется с наглядной прямолинейностью. Ощущение контактности, презумпция гарантированного уровня взаимного понимания – эти спекулятивные конструкты, лежащие в основании воображённой языковой общности, – понимаются здесь буквально как эмпирический факт того, что говорящим на «одном языке» присуща некая общая мыслительная основа. Единство самого «языка» при этом подразумевается как нечто само собой разумеющееся – даже если в этой роли выступают такие явно фантастические обобщения, как «Европейский языковой стандарт» у Уорфа, и аналогично, собирательный «западный языковой мир» в новейших исследованиях. Конечно, доказать или хотя бы проиллюстрировать этот тезис оказывается возможным только при чудовищной избирательности приводимого языкового материала.

3. Лингвистика и философия языка. Критика представления о языке как о некоем общем знаменателе, под который могут быть подведены все факты его употребления, в подавляющем большинстве случаев исходила из сфер интеллектуального поиска, внеположенных по отношению к профессиональной теоретической лингвистике. Различные ее аспекты были широко развернуты в рамках культурной антропологии и философской критики культуры, литературной теории и философии языка. Именно в этих сферах в полной мере проявилось критическое осознание спекулятивного («воображённого») представления о монолитности языкового и культурного сообщества.

Если судить по времени написания работ, а не реального их появления на интеллектуальной сцене, то первенство в развитии этого направления мысли в двадцатом столетии следует отдать Бахтину. Работы Бахтина о романном слове, культурной гетероглоссии и карнавальной бунте маргинализированных пластов культуры были написаны в конце 1930-х – начале 1940-х гг., но широкий интеллектуальный резонанс они получили лишь 30–40 лет спустя, в первую очередь на фоне широкого развития сходного комплекса идей во французской семиотике и американской литературной

теории. Представление о мире культуры как о мире принципиальной гетероглоссии, в котором множество голосов, постоянно переплетаясь и перебивая друг друга, создает диалогическую дисконтинуальность духовного пространства, оказалось интеллектуальной доминантой «постмодернистской» критики представлений об идеальном структурном единстве, характерных для первой половины столетия.

Важным аспектом новой философской парадигмы является критическое осмысление социальных и психологических последствий, вытекающих из идеи монолитности языка и культуры. Ее порождением оказывается иерархия языковых и культурных ценностей, выделение в общем корпусе реальной языковой практики того, что в его составе признается правильным и культурно авторитетным, и соответственно того, что в этой оппозиции оказывается субстандартным, культурно неценным, «просторечным». Такая критика не отрицает существования и практической полезности языковой нормы; но дело в том, что в речевом поведении говорящих обнаруживается множество норм, зависящих от ситуации и характера общения. Например, совершенно различные феномены оказываются «правильными» для устной и письменной речи, для письма на бумаге и сообщения, посланного по тем или иным каналам электронной коммуникации, для интимного и формального общения. Уже Бахтин показал скрытую пружину мифической идеи единого языкового стандарта, состоящую в том, что он служит утверждению духовного господства и духовного авторитета определенного слоя общества, оттесняя на обочины альтернативные культурные силы, – на что последние отвечают взрывами карнавальной энергии. В работах, в первую очередь, французских семиологов эта идея приняла очертания радикальной социальной критики. Такова провозглашенная Бартом «смерть автора», понимаемая как отрицание абсолютного авторитета автора по отношению к созданному им тексту, а вместе с ним и объективного, сущностного значения этого текста, якобы вложенного в него автором. Для Барта смерть автора (вернее, мифа об авторе как о верховном творце) знаменует собой крушение мифов, на которых покоится

авторитарный порядок «буржуазного» общества: власти капитала, авторитета монотеистической религии и «патриархального» порядка, основанного на господствующем положении мужчины [Barthes 1984/1968]. Предложенный Бартом критический анализ, в котором «автор», Бог и патриархальный «отец семейства» сливаются в собирательном авторитарном образе, способствовал пробуждению живого интереса к «женской линии» в истории культуры и в речевом поведении – предмету, который в «патриархальной» иерархии оставался невидимым и как бы вовсе не существовал. Еще острее ставит эту проблему Бурдьё, видящий в культе образцовых текстов и образцового языка прямой социальный заказ господствующей общественной силы, подкрепляемый развитой системой морального и материального поощрения и отвержения [Bourdieu 1982: Ч. I]. Конечно, нигде этот феномен не проявился с такой откровенностью, как в сталинскую и вообще советскую эпоху, с ее жесткой центростремительной тенденцией во всех сферах – от нормализации языка и культурных ценностей до тяготения к идеалам тотальной упорядоченности и монолитности в качестве доминантного направления теоретической мысли. Ирония ситуации заключается в том, что французские интеллектуалы видели в Советском Союзе, а после разочарования в нем в маоистском Китае положительную альтернативу разоблачаемой ими иерархичности буржуазной культуры.

На фоне радикальной смены парадигмы в последние несколько десятилетий в сфере философской критики понятий языка, знака и значения собственно лингвистическая теоретическая мысль в преобладающих своих проявлениях сохраняет анахронистическую приверженность философским основаниям модернизма первой половины двадцатого века – времени, когда теоретическая лингвистика указывала дорогу всем направлениям гуманитарного знания. Как иронически заметила по этому поводу Кристева, теоретическая лингвистика до сих пор купается в славе «мужчин семнадцатого столетия» (века картезианского рационализма и неоклассической нормативности) [Kristeva 1977: 358].

4. Воображённое единство и эмпирическое разноречие.

Подходы к языку, исходящие из буквального представления о его единстве, – от школьного идеала «правильного» языка до структурального *la langue* и идеи языковой ментальности, – при всех их концептуальных различиях, имеют одну общую черту. Постулирование языкового сообщества как реального, а не воображённого, имеет естественным, можно даже сказать неизбежным, следствием более или менее решительное игнорирование, или как минимум маргинализацию, всех тех эмпирических черт речевого поведения, которые не укладываются в рамки единого языкового кода (или единой нормы, или единой «языковой картины мира»). В результате воображённая сообщность языка как позитивного коммуникативного концепта оборачивается воображаемой – такой, которая способна утверждать себя только путем исключения всего того, что ей противоречит.

Однако параллельно с обобщенным представлением о языке как теоретическом конструкте, и во многом независимо от такого представления, всегда существовали описательные исследования, предметом которых являлись различия в речевом поведении отдельных групп говорящих⁶. По большей части такого рода исследования представляли собой эмпирические штудии. Со временем, однако, сама критическая масса накопленных на этом пути сведений о неоднородности языковой практики говорящих «на одном языке» стала все более явственно заявлять о себе в качестве вызова пониманию языка как детерминистского («структура») либо телеологического («ментальность») единства.

Самыми ранними в этом ряду исследований явились описания диалектных различий, сопровождавшиеся (начиная с последних двух десятилетий девятнадцатого века) составлением диалектологических атласов, в которых идея единого языка или наречия, четко

⁶ Я хорошо помню, как в свое время гонялся по библиотекам за разрозненными томами провинциальных «Ученых записок», содержавших немало работ, из которых можно было почерпнуть наводивший на размышления языковой материал, – пока авторитетная «академическая наука» торжественно переходила от одной вселенски-утопической модели языка и языковой деятельности к другой).

отделенного от другого столь же единого наречия, подверглась размыванию и ревизии. В СССР, уже в первое послереволюционное десятилетие, были предприняты первые попытки описать особенности речи различных социальных групп, однако эти рудиментарные опыты были вскоре раздавлены идеологией нормативности и нормативного единства «общенационального языка», торжество которой подкреплялось разнообразными методами институционального воздействия. Возрождение проблемы социальной стратификации языка оказалось возможным лишь в 1960-е годы⁷, практически одновременно с появлением аналогичного направления в США [Labov 1966]. Отмечу, что параллелизм этот не случаен: он был непосредственно связан с атмосферой «оттепели», по-своему переживавшейся обеими странами. И десталинизация в СССР, и законы о гражданских правах в Америке наносили удар по идее авторитарного единства общества, достигаемого путем насильственного подавления или маргинализации всех внеположных этому единству элементов.

Примерно в это же время начались исследования «разговорной речи», нанесшие удар по иллюзиям нормативной стилистики. Стало очевидным, что многое из того, что традиционной нормой рассматривалось в качестве если не дефектов, то как минимум вольностей «небрежной» речи, противоречащих кодифицированному языковому поведению, в разговорной речи выступает в качестве параметров ее собственного нормативного кода, а несоблюдение этих параметров делает высказывание «неправильным», то есть коммуникативно неадекватным⁸. Появление первых транскриптов реальной разговорной речи [Русская разговорная речь 1978] – до этого «разговорный стиль» было принято изучать на основе высказываний и диалогов, извлеченных из художественных произведений, – производило ошеломляющее впечатление в силу их резкого отличия от представлений, сформировавшихся

⁷ Основы данного направления определены в четырехтомной коллективной монографии [Русский язык и советское общество 1968].

⁸ Назову лишь работы, стоявшие у истоков этого направления: [Русская разговорная речь 1973; Сиротинина 1974; Лаптева 1976].

на основе воображённой общности языкового поведения. Следует заметить, что на Западе работы, основывающиеся на записях живой устной («разговорной» в преобладающей русской терминологии) речи, появились несколько позднее, в основном начиная с 1980-х гг., но с тех пор получили самое широкое практическое и теоретическое развитие⁹.

Наконец, последние двадцать лет ознаменовались появлением большого числа исследований многообразных социокультурных параметров речевого поведения. Возродился жанр детального описания речи социальной группы, инициированный в исследованиях 1920-х годов. В работах последнего времени он представлен в широком спектре исследований: от языка массмедиа [Лаптева 2007; Коньков 1995; Лысакова 2005] до речевого мира городской окраины¹⁰, репертуара электронных коммуникаций, тюремного жаргона, гендерных дискурсов, русской речи за пределами России и т. д.¹¹ Поколенческие сдвиги в языке, изучение которых началось серией монографий «Русский язык и советское общество» (1968), описаны в исследованиях «пост-советского» языка [Шапошников 1998; Русский язык конца XX столетия 2000]. Особый интерес, с точки зрения заявленных в настоящей книге проблем, представляют исследования, в которых подняты вопросы взаимодействия различных стилевых и жанровых пластов речевой деятельности¹².

⁹ Укажу на работы, имевшие принципиальное значение как для выработки дескриптивных стратегий, так и для определения самого предмета исследования: [Chafe 1994; Clark 1996; Schegloff 1996].

¹⁰ Интересный своей многосоставностью языковой портрет Петербурга представлен в книге: [Колесов 1991]. В рамках данной проблемы следует в особенности отметить исследования: [Шалина 2009; Живая речь уральского города... 2011], в которых представлен уникальный языковой материал.

¹¹ Широкий спектр исследований, посвященных различным коммуникативным и социальным параметрам речи, представлен в коллективных трудах недавнего времени: [Русский язык сегодня 2000 (Доценко; Земская); Русский язык сегодня 2006 (Т. Ерофеева); Русская речевая культура и текст 2010 (Блинова; Дубина; Головинова)].

¹² Взаимодействию условий устной речи и жанра формального дискурса посвящена коллективная монография: [Современная русская устная научная речь 1994]. Разнообразие примеров креативного «смешивания» различных жанровых

Можно констатировать, что в настоящее время – подобно ситуации, которая имела место в 1970-е годы в отношении изучения разговорной речи, – работы этого направления приобрели наиболее широкий размах именно в России. Несмотря на большой резонанс, вызванный на Западе некоторыми идеологически ангажированными параметрами такого рода исследований, например, политическая риторика¹³, гендерный дискурс [R. Lakoff 1976; Gender and Conversation as interaction 1993], в целом спектр интересов в данной области здесь более ограничен. Замечу, что это утверждение не относится к интереснейшим теоретическим и описательным исследованиям устной речи. Конечно, важным стимулирующим фактором для этой волны исследований стала наглядность сдвигов и быстрота перемен в жизни постсоветского общества. Характерным образом, интерес к «тоталитарному языку», который можно было наблюдать в поздне-советскую и пост-советскую эпоху [Sériot 1985; Купина 1995 и др.]¹⁴, сменился в 2000-х годах решительным поворотом в сторону креативных аспектов употребления языка [Гридина 2008; Будаев & Чудинов 2008]¹⁵.

Успехи, достигнутые перечисленными выше направлениями исследования речи, лишь оттеняют их малую интеллектуальную совместимость с теоретической идеей языка как интегрирующего феномена, объединяющего всех говорящих на этом языке. Этот разрыв в конечном счете отрицательно сказывается на характере

сигналов можно найти в коллективной работе: [Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности 2008 (Басалаева; Боярских; Иссерс; Кудрявцева; Макович; Самигулина)].

¹³ Значительный резонанс, в частности, имела попытка применить теорию когнитивной метафоры к описанию языковых механизмов политической риторики. См.: [Lakoff 1996] и целый ряд последующих работ этого же автора, характерным образом все более смещающихся в сторону стереотипических моделей «политического мышления» [Lakoff 2008].

¹⁴ Любопытным образом, анализ манипулятивной «метафорики» современного американского политического дискурса по своим методам и результатам оказался очень близким к исследованиям советского «тоталитарного языка».

¹⁵ Богатый репертуар исследований этого направления представлен в сборниках: [Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности 2008; Креативная языковая личность... 2008].

той картины, которая вырастает из исследования разновидностей языкового употребления. Лингвистическому сознанию, сформировавшемуся в представлениях о языке как некоем работающем механизме, ситуация, вырастающая из упомянутых и многих других исследований последних десятилетий, может представляться таким образом, что этот механизм состоит из целого ряда субмеханизмов, каждый со своим собственным кодом. Такому представлению способствует и то, что каждая разновидность речевой деятельности обычно описывается в отдельности, выступая таким образом в качестве компактного подязыка, отделенного от других подобных подязыков. Даже в работах, специально посвященных «взаимодействию» между социальными и стилевыми подязыками [Крысин 1989], последнее понимается как проникновение отдельных элементов из одного подязыка в другой (из письменной речи в устную, из субстандартной в нормативную речь) – представление, лишь подчеркивающее их принципиальную целостность.

Теоретическая презумпция компактности отдельных подязыков, аналогичная презумпции единства языка, с наглядностью заявляет о себе в случаях их контрастивных соположений. Последние имеют тенденцию выстраиваться в четкие бинарные оппозиции, имеющие характер квазидиглоссии: просторечие и норма, устная и письменная сфера выражения, формальная речь как продукт обучения и неформальная (спонтанная) речевая деятельность, мужской и женский дискурс и т. д. Сама бинарная полярность подобных противопоставлений предопределяет дискретность каждого из противопоставляемых феноменов и возможность целенаправленных «переключений» между ними, подобных переходу с одного языка на другой. Правда, можно с удовлетворением констатировать, что эмпирическая картина речевого плюрализма, стихийно вырастающая из материала, представленного в эмпирических исследованиях разновидностей речи, делает все более затруднительным включение всей этой пестроты и хаотического движения в какие-либо детерминистские рамки типа стилевой «диглоссии» или прагматической дифференциации языкового кода. Однако эта эмпирическая картина, с ее бесконечными

пересечениями и гибридизацией различных полей языкового поведения, настоятельно требует теоретического осмысления.

5. От разноречия – к многоречию: речевой плюрализм как инструмент коммуникативной интеграции. То удивительное постоянство, с которым теоретическое представление о языке тяготеет к «воображённой» всеобщности в ущерб видимому многообразию, имеет под собой некоторые основания. Его корни заключены в особом положении языка по отношению к другим социокультурным механизмам, а именно в той исключительной силе и остроте чувства общности, с которой его члены сознают себя говорящими «на одном языке». Без этого интегрирующего конструкта им трудно было бы поверить в свою способность общаться друг с другом. Пусть на практике такое общение принимает самые разнообразные формы и протекает с разной (зачастую относительно низкой) степенью успешности – для того, чтобы оно вообще могло произойти, презумпция языкового единения оказывается насущной необходимостью.

На базе исследований культурной и социальной динамики можно построить теоретический концепт плюрализма в силу относительно большей свободы и подвижности описываемых феноменов. Легко признать, что в рамках одной культуры разнородные тенденции сосуществуют и взаимодействуют; скорее, попытки свести их к единому общему знаменателю (некоему «духу времени») либо к бинарному противопоставлению обнаруживают свою искусственность при малейшей попытке взглянуть на картину культуры без детерминистских шор. Но язык, с его силой объединяющей всеобщности и огромной исторической «длительностью», оказывает гораздо более мощное сопротивление концептуальной деинтеграции. Самосознанию говорящих (и соответственно, его теоретической проекции) «страшно» отпустить язык в свободное плавание, на волю эмпирических различий речевого поведения, потому что под ударом оказывается необыкновенно мощное и важное чувство языковой общности: говорящие рискуют «потерять друг друга» в качестве сочленов воображённого сообщества. Этим внутренним сопротивлением можно объяснить и ту удивительную инертность,

которую лингвистическая теория проявляет по отношению к миру современной философской мысли, и готовность некоторых, быть может, наиболее чутких теоретиков культуры оставить лингвистику «в покое» с ее идеей всеобщности, исключив ее таким образом из сферы социокультурных механизмов поведения с их плюрализмом и динамикой [Barthes 1966; Kristeva 1984].

Возникает методологический парадокс сосуществования двух взаимно исключающих проекций языка в самосознании и в речевой практике его носителей: с одной стороны, ощущение восприятия языка как единства, без которого невозможно было бы им пользоваться, и с другой – огромной пестроты и несистемной разрозненности конкретных языковых проявлений, принципиально не сводимых к какому-либо единому общему знаменателю. Интегрирующая сила языка в качестве инструмента воображённого сообщества очевидна, и проявления ее можно наблюдать в повседневной практике говорящих, в том, как они безошибочно опознают друг друга в качестве носителей «одного языка»; но попытки воплотить эту идею в реальное описание языка как единства оборачиваются нежеланием или неспособностью интерпретатора замечать все то, что в эмпирическом бытии языка противоречит постулированному им единству. Однако непредвзятые описания первичного языкового материала, привлекающие своей достоверностью, сами по себе не решают проблемы, поскольку возникающая в результате картина оказывается расчлененной, словно перегородками, на локальные, социокультурные и жанровые разновидности. Остается открытым вопрос: каким образом в этом многогортном пространстве реализуется идея воображённого единства, на основании которой у говорящих поверх всех различий в их речи сохраняется убеждение в том, что они говорят «на одном языке»? Разрешение парадокса путем постулированных одним росчерком пера полярных состояний, таких как язык и речь, структура и прагматика, норма и просторечие, как кажется, все больше утрачивают харизматическую привлекательность, которой они обладали в минувшем столетии.

Помощь в теоретическом осмыслении речевого плюрализма, как мне представляется, следует искать в работах философского

характера, в которых эта черта предстает в качестве важнейшей категории языкового сознания. В первую очередь следует назвать работу Бахтина «Проблема речевых жанров», написанную в 1946 г., и посмертно опубликованные фрагментарные записи Витгенштейна [Wittgenstein 1953]. «Речевые жанры» у Бахтина и «языковые игры» у Витгенштейна не вполне совпадают по содержанию, но характеризуются общей концептуальной направленностью. То, на что указывают авторы, – это неисчислимое множество языковых проявлений, на которое можно только указать, но невозможно ни исчерпывающим образом инвентаризировать, ни свести отдельные явления в единую классификационную систему. Этим они отличаются от конвенциональных понятий «стиль» и «жанр» в традиционной стилистике и риторике. Неопределенная множественность речевых жанров / языковых игр объясняется в первую очередь тем, что они связаны с целевой установкой высказывания. Говорящий субъект постоянно переходит из одной жанровой сферы в другую в связи с меняющейся целевой установкой; переходы эти происходят не путем четких и целенаправленных переключений, как это представлено в концепции диглоссии, а континуально, в ходе непрерывного процесса адаптации к меняющимся ситуациям. Сформулированные еще в первые послевоенные годы, эти идеи Бахтина и Витгенштейна лишь в недавнее время приобрели актуальность, сложились в теоретический концепт, способный задать стратегическое направление описанию языка во всем его многообразии.

В представлении о языке и культуре, постулирующем некий общий фундамент, на котором покоится и к которому восходит все многообразие конкретных актов речевого и культурного поведения, воображенная сообщество приобретает черты сущностного порядка вещей, возвышающегося над эмпирическим разнообразием. Эмансипация эмпирически наблюдаемой картины речевой деятельности отнюдь не предполагает простое отбрасывание этого спекулятивного конструкта, при котором «плюрализм» оказался бы возведенным в такой же абсолют, каким до этого обладало «единство». Необходимо найти такой подход к проблеме, при котором

неоднородность и фрагментарность речевого поведения не только не будет противоречить конструированному единству языкового сознания, но окажется *важнейшим и необходимым инструментом* такого единства. С теоретической точки зрения важно осознать, что плюрализм речевых проявлений и переживание языка как воображённого сообщества не противоречат, а напротив, предполагают друг друга.

Можно указать на два стратегических критерия, которые могут лечь в основу такого подхода.

Во-первых, картина разноречия предполагает не просто множественность различных речевых проявлений, но *неопределенную множественность* и принципиальную *фрагментарность*, то есть отсутствие между ними четкой системной соотнесенности, исключающее их сведение в единую систему. «Системой» разновидности речевого поведения становятся в символическом представлении говорящего о них как о подязыках единого языка, – представлении, позволяющем каждому субъекту сообщества мысленно классифицировать партнеров в параметрах разных социальных подгрупп и соответственно строить свои речевые отношения с ними. Но на практике невозможно сказать, не впадая в классификаторскую произвольность, сколько таких подгрупп, и каких именно, существует «в действительности»: например, сколько имеется различных «стилей речи», или различных социальных групп говорящих, или различных типовых речевых ситуаций.

Более того, любой декларированный (хотя бы в качестве рабочего приема) инвентарь разновидностей речи неизбежно сталкивается с тем, что между этими разновидностями то и дело возникают пересечения, не позволяющие развести их по «клеткам» единой классификационной модели. Как, например, соотнести речь жителей Екатеринбурга и Ростова, представленную говорящими разного образовательного уровня, разных поколений, мужчин и женщин, речь устную или письменную (а сейчас к этому можно добавить – и использующую электронные каналы коммуникации), относящуюся к частной жизни или встроенную в ту или иную институциональную рамку, обращенную к реально присутствующему либо

подразумеваемому (либо воображённому) адресату? Тут главная беда не в том, что воображаемую единую матрицу всех этих «подъязыков» пришлось бы дробить и усложнять до такой степени, при которой она потеряла бы всякую объяснительную силу; а в том, что все эти подразделения не имели бы смысла в силу того, что разные подъязыки пересекаются друг с другом по-разному: сдвиг в речевой практике, скажем, между частной и публичной сферой может оказаться несимметричным у мужчин и женщин; у людей разного возраста; местные особенности речи (либо черты просторечия) у говорящих, стоящих на относительно высоких образовательных ступенях, не исчезают полностью, но проявляются по-разному, и так далее – до бесконечности.

Особенно важно подчеркнуть, что речевое поведение характеризуется не только принципиальной разнородностью и многоставностью, но также *подвижностью*. Феномен разноречия, таким образом, состоит не просто в наличии множества разных речевых голосов. Поведение и каждого отдельного говорящего, и любой так или иначе очерченной группы говорящих характеризуется *многожественностью ролей* и способностью пластически переходить – в большей или меньшей степени, смотря по ситуации, – от одной роли к другой, в соответствии с тем, как говорящий оценивает партнера, ситуацию, жанр речи и как он эту свою оценку реализует в своем речевом поведении, корректируя ее на ходу на основании получаемых сигналов обратной связи. Речевое многообразие проявляет себя не в виде дискретных подъязыков или дискурсов, закрепленных каждый за определенной подгруппой говорящих или определенной стилевой модальностью речи. Скорее, его можно себе представить в виде речевых ролей, между которыми говорящие свободно перемещаются, выступая то в одной роли, то в другой. Но и сами эти роли не диктуют говорящему какую-либо четкую программу речевого поведения: они могут заявлять о себе с разной степенью выраженности в зависимости от характера говорящего и характера ситуации. Например, молодые люди разговаривают со старшими не так, как между собой; но эта модификация их речевого поведения может выглядеть по-разному в зависимости

от того, кто эти старшие, с которыми они общаются: члены семьи, незнакомый пожилой человек, профессор. Аналогичные нюансы можно наблюдать в различных конкретных ситуациях интер-гендерного общения.¹⁶

Языковой опыт говорящих – то, что можно назвать их языковым существованием [Гаспаров 1996], – проявляет себя не как устойчивая совокупность различных речевых действий, но как континуум, многообразные проявления которого все время перетекают из одной речевой стратегии, из одной ролевой и жанровой сферы в другую. Каждый говорящий входит в большие и малые группы, с их собственным имплицитным «кодом» речевого поведения, и, соответственно, с необходимостью этот код в той или иной степени модифицировать при общении с теми, кто к данной группе не принадлежит. Семья, круг друзей, сослуживцы, жители одного города, одного дома, не говоря уже, конечно, о более крупных социальных, культурных, возрастных и других объединениях, – каждая личность входит во все эти бесчисленные объединения и соответствующим образом строит свою речь в общении со «своими» (в той или иной степени, по тому или иному параметру) и «не своими» (опять-таки, в разной степени и разных измерениях).

Интенсивное развитие это подвижное многообразие ролей приобрело в последнее время в связи с развитием средств и жанров электронной коммуникации, и соответственно, различных объединений, складывающихся на почве каждого из этих жанров. Анонимность как характерная черта многих коммуникаций этого рода создает повышенное напряжение в отношении того, чтобы «вычислить» характер партнера и соответственно построить свою собственную речь. Летучая подвижность речевых профилей и модальностей речевого поведения выступает в этой сфере с особой наглядностью, и зачастую с известным элементом коммуникативного драматизма.

В этой перспективе то, что мы до сих пор именовали разнообразием или гетероглоссией, предстает как *многоречие*: не столько

¹⁶ Постановку проблемы см. в работе: [Крысин 2000].

набор разных аспектов речевого поведения, сколько множество голосов, легко поддающихся смешиванию и адаптации. Много-речная множественность речевого поведения имеет *позитивную* направленность. Парадоксальным, но вполне понятным образом, переживание говорящими сферы их языка как воображённого сообщества основывается именно на этой бесконечной адаптируемости их речи и связанных с нею непрерывных, хотя по большей части интуитивных, творческих усилиях, – а не на некоем униформном образце, который все они якобы имеют перед глазами, даже если на практике вовсе ему не следуют. Если собеседники, обнаружив несоответствия в своей речевой манере, отдают себе отчет в их природе (например, мой собеседник – человек другого поколения, либо он предлагает речевой артефакт, заведомо не подходящий к его воображённому речевому профилю, с целью разрядить ситуацию, обратив дело в шутку, и т. д.), то это понимание как раз и служит залогом уверенности в том, что собеседники – члены сообщества и могут рассчитывать на достаточно предсказуемый языковой контакт.

Внутренняя, спекулятивно осознаваемая интегрированность сообщества (всегда, конечно, относительная) есть результат не внешнего единства, а, напротив, внешнего разнообразия, но разнообразия особого рода. Кодифицированные противопоставления, выстраиваемые в виде системных альтернатив, подчеркивают в механизме культуры его конфликтную сторону. Но открытое множество речевых ролей оказывается мощным интегрирующим фактором в силу их способности к спонтанной модификации, приспособлению к ситуации и партнеру.

Попытки выдвижения на передний план всеобщего и униформного, с тем чтобы ограничить конфликтность и тем самым предотвратить распад и хаос, представляются автору настоящей работы ложным путем. Непродуктивность последнего определяется прежде всего его нереалистичностью, то есть тем обстоятельством, что следование по этому пути возможно лишь при условии жесткого отбора того, что должно быть признано легитимным и заслуживающим внимания. Теоретическая мысль, устремленная

в этом направлении, прилагает усилия к тому, чтобы, так сказать, не увидеть деревьев за лесом. Кажется, что если отпустить фокусирующее усилие теоретического зрения, то смысл исчезнет, растворившись в хаосе. Этот страх перед неопределенностью как чем-то противоположным культурному порядку не принимает во внимание принципиальной диалогичности, свойственной различным культурным и языковым проявлениям. То, что их удерживает вместе, в рамках воображенной общности, – это не общеобязательные для всех и всего правила культурного «языка», но постоянное взаимодействие, метаболический обмен, перетекания, совмещения и гибридизация. Осознание говорящими себя как языкового сообщества не предполагает однородности их языковых практик. Напротив, их различия служат стимулом к диалогическому взаимодействию. Сообщество не противоречит разнообразию, но предполагает его как необходимое условие, без которого не может возникнуть осознание контактности.

Литература

- Басалаева Е. Г.* Стилистическая маркированность иноязычных слов как объект языковой рефлексии журналиста // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 3–13.
- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Русские словари, 1997. – Т. 5. – С. 159–206.
- Блинова О. И.* Народная речевая культура: статус и аспекты исследования // Русская речевая культура и текст. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 8–14.
- Боярских О. С.* Литературное прецедентное высказывание в газетном тексте: особенности когнитивной структуры // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 24–29.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации. М. : «Флинта», 2008.
- Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л. : Прибой, 1929.

- Гаспаров Б.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : НЛЮ, 1996.
- Головинова Н. В.* Гендер в парадигме современного лингвистического знания. Русская речевая культура и текст. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 141–147.
- Гридина Т. А.* Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург : Урал. пед. ун-т, 2008.
- Доценко Т. И.* Влияние фактора «пол» на внутренний лексикон подростка // Русский язык сегодня. Т. 1 (2000). – С. 78–84.
- Дубина Л. В.* Язык в Интернете: проблемы определения и самоопределения. Русская речевая культура и текст. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 37–42.
- Ерофеева Т. И.* Нормы устной городской литературной речи в социолингвистической интерпретации // Русский язык сегодня. Т. 4 (2006). – С. 206–212.
- Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы. Хрестоматия. – Сост. И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
- Земская Е. А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны // Русский язык сегодня. Т. 1 (2000). – С. 100–121.
- Иссерс О. С.* «Жанровые метаморфозы» в аспекте стратегии отстройки от конкурентов // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 80–86.
- Колесов В. В.* Язык города. М. : Высшая школа, 1991.
- Коньков В. И.* Речевая структура газетного текста. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995.
- Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте / ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : Урал. пед. ун-т, 2008.
- Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М. : Наука, 1989.
- Крысин Л. П.* Речевое общение в социально неоднородной среде // Русский язык сегодня. Т. 1 (2000). – С. 317–322.
- Кудрявцева Н. Ю.* Молодежный жаргон как стилистическая доминанта современной популярной песни // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 86–91.
- Кутина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995.

- Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М. : Наука, 1976.
- Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М. : ЛКИ, 2007.
- Лысакова И. П.* Язык газеты и типология прессы: социологическое исследование. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2005.
- Макович Г. В.* Лингвокреативность в корпоративной коммуникации как технологический прием влияния на целевую аудиторию // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 105–109.
- Русская разговорная речь / ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1973.
- Русская разговорная речь. Тексты / ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М. : Наука, 1978.
- Русская речевая культура и текст / ред. Н. С. Болотнова. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2010.
- Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / ред. М. В. Панов. Т. 1–4. М. : Наука, 1968.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / ред. Е. А. Земская. М. : Языки русской культуры, 2000.
- Русский язык сегодня. Т. 1 / ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000.
- Русский язык сегодня. Т. 4 / ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2006.
- Самигулина Ф. Г.* Манипулятивный характер языковой игры на базе прецедентных феноменов в рекламных текстах // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 151–156.
- Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М. : Просвещение, 1974.
- Современная русская устная научная речь. Т. 2. Синтаксические особенности / ред. О. А. Лаптева. М. : Консерватория, 1994.
- Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности / ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008.
- Шалина И. В.* Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.
- Шапошников В.* Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М. : МАЛП, 1998.
- Anderson B. R.* Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London : Verso, 1983.
- Barthes R.* Critique et vérité. Paris : Seuil, 1966.
- Barthes R.* Alors la Chine? Paris : Christian Bourgois, 1975.

- Barthes R.* La mort d'auteur // Roland Barthes. Le bruissement de la langue. Paris : Seuil, 1984 (Первая публикация 1968). – С. 61–67.
- Bourdieu P.* Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques. Paris : Fayard, 1982.
- Chafe W.* Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago : The University of Chicago Press, 1994.
- Clark H. H.* Using language. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
- Fauconnier J.* Mental Spaces: aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
- Fauconnier J. & Turner M.* The Way We Think. New York : Basic Books, 2002.
- Fillmore Ch.* Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul : Hanshin, 1982. – С. 111–138.
- Fillmore Ch., Kay P. & O'Connor S.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // Language (№ 64/3), 1988. – С. 501–538.
- Gasparov B.* Speech, memory, and meaning: intertextuality in everyday language. Berlin : De Gruyter Mouton, 2010.
- Gender and Conversational Interaction / ed. D. Tannen.* New York : Oxford University Press, 1993.
- Kac M. B.* Grammars and grammaticality. Amsterdam : J. Benjamins, 1992.
- Kay P.* Words and the grammar of contexts. Stanford, CA : CSLI Publications, 1997.
- Kyvcses Z.* Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
- Kristeva J.* Des Chinoises. Paris : Editions de femmes, 1974.
- Kristeva J.* L'éthique de la linguistique. // J. Kristeva. Polilogue. Paris: Seuil, 1977. – С. 357–372.
- Kristeva J.* Revolution in Poetic Language. New York : Columbia University Press, 1984.
- Labov W.* The social stratification of English in New York City. Washington : Center for Applied Linguistics, 1966.
- Lakoff G.* Moral politics: what conservatives know and liberals don't. Chicago : The University of Chicago Press, 1996.
- Lakoff G.* The political mind: why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain. New York : Viking, 2008.
- Lakoff G. & Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago : The University of Chicago Press, 1980 (3-е изд. 2003).

- Lakoff G. & Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York : Basic Books, 1999.
- Lakoff R.* Language and woman's place. New York : Octagon Books, 1976.
- Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition and Categorization / ed. E. Rosch & B. B. Lloyd/ Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1978. – С. 28–48.
- Schegloff E. A.* Turn organisation: one intersection of grammar and interaction // Interaction and grammar. / ed. Ochs Elinor, Emanuel A. Schegloff & Sandra A. Thompson. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – С. 52–133.
- Süriot P.* Analyse du discours politique soviétique. Paris : L'Institute d'études slaves, 1985.
- Tannen D.* You just don't understand: women and men in conversation. New York : Ballantine Books, 1990.
- Taylor J. R.* Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory. Oxford : Clarendon Press, 1989.
- Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen/ – Philosophical investigations. New York : Macillan, 1953.

1.2. Русский язык в мультикультурном обществе: теоретические вопросы и прикладные задачи

Н. А. Купина

Разноязычие – объективная примета полиэтнического российского общества. В 2012 году рабочей группой Совета общественных палат России при Президенте РФ была предложена концепция национальной политики, направленной на сохранение культуры и языка каждого народа (по данным Совета, всего 278 языков) и на укрепление единства всех народов, образующих единую нацию [Российская газета 2012]. Концепция языковой дифференциации, способствующей национальной интеграции, противопоставлена господствующей в СССР политике «плавильного котла», этнической нивелировки. Отметим, что идеи соединения разных народов в единую нацию и интегрирующая функция «русского» закреплены в языковой картине мира. Так, сложившиеся нормы

общежития разноязычных этносов поддерживаются сочетаниями типа *русский еврей, русский немец*; принятая в культуре дифференциация этнического и общенационального выявляется при сопоставлении значений слов *русский, российский; русские, россияне. Русские* – «народ, составляющий основное коренное население России» [Толковый словарь русского языка 2008: 844]; *россияне* – «общее название населения России» [Там же: 840]. Таким образом, в зеркале языка отражаются реальный факт соединения разных народов в единую нацию, во-первых, и интегрирующая функция «русского», во-вторых.

Национальное единство традиционно поддерживается русским языком: представители разных народов современной России владеют русским как первым или вторым родным языком. Разноязычие – органическая составляющая российской лингвокультуры – уравнивается наличием не менее общей русскоязычной среды обитания.

В XXI веке русскоязычное население страны испытывает влияние языков мигрантов, большая часть которых отделена от российской культурной среды. Внутреннее разноязычие, преодолеваемое с помощью русскоязычия, осложняется языками, пришедшими извне, влияющими на динамику дихотомии «свои» – «чужие». Социальное ощущение внешней угрозы, «опасности для среды обитания» [Карасик 2012: 68] делает актуальной проблему интеграции мигрантов в мультикультурное российское общество.

Таким образом, проблема разноязычия оказывается двусторонней. Внутренний аспект проблемы – разноязычие россиян, в той или иной степени интегрированных в доминирующую лингвокультурную среду обитания. Внешний аспект проблемы – разноязычие мигрантов, отделенных от доминирующей лингвокультуры. В сложившихся условиях возрастает роль взвешенной языковой политики.

Общая задача языковой политики – формирование и регулирование механизмов толерантного сосуществования и взаимодействия разных языков и культур в целях коммуникативной интеграции как необходимого условия национальной идентичности.

В ситуации разноразличия возрастает роль государственного официального языка. 1 июня 2005 г. был принят Закон «О государственном языке Российской Федерации» [Акты конституционного права]: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». В тексте Закона доминирует нормоцентричность: отмечается, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного литературного языка...», характеризующегося кодифицированностью, полифункциональностью, гибкостью, вариативностью.

Русский литературный язык, имеющий статус государственного, представляет собой основную, вершинную форму существования общенационального языка, «является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа», средством приобщения «народных масс к достижениям национальной культуры, науки и техники», а также «одним из самых действенных орудий просвещения» [Виноградов 1978: 288–289]. В то же время литературный язык – это сложно структурированное целое. В устной и письменной формах, в отдельных сегментах интернет-коммуникации функционируют его основные разновидности: литературно-разговорная и книжная. В процессе речевой коммуникации, направленной на взаимопонимание, традиционно проявляется функциональная диглоссия, которая предполагает «умение переключаться с разговорного языка на книжный и наоборот» [Крысин 2004: 336].

Каждая из книжных разновидностей языка (функциональных стилей), в свою очередь, включает подсистемы или подстили. Например, официально-деловой стиль вырабатывает особые группы средств для жанров обиходно-деловой коммуникации и для жанров законодательных; собственным набором маркированных средств располагают жанры научно-гуманитарного, научно-естественного, научно-технического подстилей научного стиля речи. Каждый подстиль опирается на собственный код, предполагает

наличие особой коммуникативной рамки и может быть интерпретирован как субъязык [Скребнев 1975]. При этом план содержания функционально отмеченных вербальных знаков (узкоспециальная юридическая, техническая, математическая, лингвистическая, медицинская, биологическая терминология и др.) может быть адекватно воспринят лишь коммуникантами, являющимися носителями данного субъязыка. Например, научно-технические термины в их содержательном наполнении понятны преимущественно специалистам в соответствующей области знаний. Субъязыковым своеобразием обладают и литературно-художественные тексты. Исследование языка (идиолекта) писателя и в наши дни остается актуальной задачей филологической науки [ср.: Виноградов 1990; Зубова 2010 и др.]. Известно, что декодирование зашифрованных художественных произведений, трактовка авторских преобразований в диапазоне общего языка требуют разработки эвристических исследовательских процедур [см.: Язык как творчество... 1996].

В целях достижения кооперативности коммуникативного взаимодействия разрабатываются текстовые жанры, ориентированные на адресата, осваивающего тот или иной субъязык (например, научно-популярные, научно-учебные, религиозно-просветительские жанры). Чтобы установить контакт с адресатом, автор речевого произведения использует регулятивную стратегию, которая складывается из «комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 54]. Регулятивная стратегия отражает «поэтапный процесс регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях эффективного общения с адресатом» [Болотнова 2008: 164]. Специальные регулятивные средства (регулятивы) способствуют активизации интерпретационных механизмов, необходимых для понимания адресатом речевого сообщения. Цепочка вербальный субъязыковой знак – регулятив используется школьным учителем и вузовским преподавателем, журналистом и проповедником, опытным адвокатом и писателем. Из сказанного следует, что участники коммуникации осознают знаковые различия между субъязыками и стремятся с помощью интерпретационных операций, предполагающих переключение с языка автора

на язык адресата, а также переключение с языка адресата на язык автора, добиться взаимопонимания.

Таким образом, в пространстве коммуникации, осуществляемой на основе кодифицированного литературного языка, наблюдается полигlossия, или многоречие. Вербальные знаки отдельных субъязыков реализуются и в общении членов одной лингвокультурной группы, и в общении членов разных лингвокультурных сообществ. Ср., например, терминологический спор на заседании диссертационного совета и политический спор между коммунистами и либералами. В каждом конкретном случае сигналы многоречия выполняют информационную и/или фатическую функции, осознаются как знаки-идентификаторы, обуславливают конкретный коммуникативный результат.

Различные грани многоречия выступают в пределах оппозиции «литературный язык – некодифицированные страты языка». «Сырой», некодифицированный, русский язык характеризуется неоднородностью. Последнее не приводит, однако, к коммуникативному изоляционизму и разобщению. «Единство и целостность языка, – как отмечает Л. П. Крысин, – не означают его однородности: каждый национальный язык един и целостен в многообразии своих проявлений» [Крысин 2003: 11]. Формы существования русского национального языка – его подсистемы, каждая из которых обеспечивает определенные коммуникативные потребности общества.

Территориальный и социальный факторы определяют выделение диалектов (говоров) русского национального языка. Субъязыковые диалектные различия традиционно фиксируются лексикографами. Например, в словаре В. И. Даля встречаем: **байбо-рить** – *ряз.* болтать, молоть, пустословить; **байгуш** – *орнб.* нищий из кочевых инородцев, обнищавший киргиз [Даль 1978: 38]. Субъязыковая общность говоров отчетливо прослеживается в пределах одной территории. Например: **гунить** – *сев.* говорить, сказывать [Там же: 408]. Отечественная диалектология накопила богатейший опыт изучения народных говоров. Уникальные картотеки, составленные на экспедиционных материалах, – надежный источник данных о фактах многоречия.

Менее детально изучено социально маркированное городское просторечие [Купина 2004]. Записи живой речи малообразованных горожан позволили русистам описать эту лингвоспецифическую систему общенационального русского языка в общем виде [Городское просторечие 1984], предложить интерпретацию просторечия как типа культуры, вырабатывающего определенные правила коммуникации и подчиненные этим правилам культурные сценарии [Шалина 2009]. Ощущается дефицит корпусного текстового материала, на основе которого можно было бы составить представление о степени открытости просторечия, его функциональном диапазоне, наборе техник коммуникативного взаимодействия – конфликтного и кооперативного. В этой связи отметим ценность базы данных, отражающих специфику непринужденного общения жителей уральских городских окраин [Диалогические и монологические тексты 2012].

Дефицит корпусного текстового материала ощущается также при интерпретации жаргонов и профессиональных языков. Активный процесс жаргонизации русского языка на рубеже веков привел к образованию так называемого общего жаргона [Ермакова 1999]: вербальные знаки молодежного, криминального жаргонов, жаргона наркоманов и др. проникли не только в литературно-разговорную речь, но и в речь книжную – политическую, публицистическую, художественную. Вхождение жаргонных элементов в литературную языковую среду, с одной стороны, – способствует засорению и карнавализации последней, с другой стороны, свидетельствует о принятии сниженного и, следовательно, о толерантном процессе субязыкового взаимодействия. Лингвоэкологическая квалификация процесса жаргонизации литературного языка и коммуникативно-прагматическая квалификация этого процесса не совпадают: позволительность низкого нередко мотивируется установкой адресанта на контакт с адресатом, коммуникативное сотрудничество, обратную связь. Многоречие в подобных случаях выступает как стратегически заданный способ «согласования коммуникативных действий» [Борисова 2001: 219].

Изучение языкового существования российского города выявляет феномен многоречия, или полиглотизма, детерминированный

«теснейшей взаимообусловленностью двух или нескольких языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы (соответственно индивида) в силу того, что она (или индивид) принадлежит одновременно нескольким и разным по охвату коллективам» [Ларин 2003: 303–304]. Многогочение ярко проявляется в живой речи современных горожан, записи которой представлены в ряде научных изданий [Китайгородская 1999; 2010; Языковой облик уральского города 1999 и др.]. Нередко можно наблюдать, как полуграмотная женщина пытается перейти с одного субъязыка на другой: в тексте заявления она вынуждена употреблять деловую лексику; в разговоре с сыном, служившим в армии, она невольно переходит на жаргон; в беседе с врачом старается говорить «культурно» и поэтому следит за правильностью собственной речи.

Соединение вербальных сигналов разных субъязыков в одном речевом произведении следует изучать с учетом критерия преднамеренности / непреднамеренности. Важно выявить функциональный диапазон многогочения, его связь с феноменом коллективной идентичности – формированием, сохранением и кризисом последней. Объектом анализа могут стать дискурсы разных типов. При исследовании многогочения целесообразно оттолкнуться от понимания дискурса как коммуникативного пространства, которое «в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [Гаспаров 1996: 297]. Можно предположить, что «совокупность ориентиров общения», или коммуникативные нормы, окажутся разными в разных типах дискурсов и в разных жанрах [см.: Карасик 2012: 36]. Представления коммуникантов о целесообразности и необходимости переключения с одного субъязыка на другой, нормативность такого переключения зависят от степени открытости дискурса, степени жесткости наполняющих его текстовых и речевых жанров. Проблема многогочения оказывается, таким образом, частью общей проблемы коммуникативной ортологии.

В процессе диагностики многогочения вслед за Ю. М. Скребневым [1975] целесообразно разграничивать три группы языковых

средств: абсолютно специфические единицы разных уровней, присущие только одному субъязыку; относительно специфические единицы, присущие двум и более субъязыкам; неспецифические единицы, являющиеся принадлежностью общенационального языка. Третья группа средств, в отличие от двух первых, не может использоваться для диагностики многогочения.

Многогочение сегодня проникает не только в неинституциональные дискурсы, но и в дискурсы институциональные. Как свидетельствуют специальные исследования [Чудинов 2001: 94–103], в политическом дискурсе – в границах публичных выступлений политиков – активна «криминальная метафора» (*политические шестерки, нами правят паханы, чиновники начинают крысятничать* и др.). Вряд ли подобные образные средства возможны в тексте программы политической партии. Следовательно, в разных сегментах одного дискурса наблюдается разная активность многогочения.

В наши дни развиваются дискурсивные речевые практики, предполагающие использование диглоссии и полиглоссии в качестве инструмента коммуникативной кооперации и интеграции. Например, в поисках контакта с адресатом современные проповедники используют разговорные языковые средства, а в отдельных случаях – общежаргонные слова и выражения. Отличающийся консервативностью церковно-религиозный дискурс демократизируется, сближаясь с открытым дискурсом речевой повседневности.

Многогочение нередко способствует созданию коммуникативного конфликта. Об этом, в частности, свидетельствует бурная общественная реакция (июль 2012 г.), вызванная употреблением советского идеологического стандарта *иностраный агент* в тексте проекта закона об изменении статуса некоммерческих организаций, получающих финансирование из-за рубежа. Советизм был воспринят как сигнал «чужой» речи, ярлык: в коллективной памяти возник не забытый носителями общенародного языка сценарий публичного разоблачения шпиона, врага. Развернувшийся в СМИ лингвистический спор о недопустимости использования идеологем в официально-деловом документе [Купина 2012: 47] перерос

в нравственно-идеологический конфликт. Финансово-экономическая составляющая законодательной информации была поглощена эмоционально-идеологической. Отсутствие конструктивного коммуникативного результата объясняется тем, что участники конфликта не смогли предложить в качестве аналога специфического словосочетания *иностраннный агент* неспецифическую единицу. Очевидна актуальность оперативной разработки лингвистических технологий использования многооречия в целях достижения внутринационального согласия.

Социально-психологическая значимость многооречия очевидна. Вот почему возникает необходимость тщательного многоаспектного анализа фактов многооречия, форм его реализации в разных сферах коммуникации, разных дискурсах, в жанрово определенной монологической и диалогической, устной и письменной речи, в пространстве Интернета. Чтобы выявить консолидирующий потенциал многооречия, нужно установить направления и причины субъязыкового взаимодействия, условия конвенционального отторжения «чужого» слова и конвенционального приспособления последнего к речи «своего» круга, охарактеризовать особенности ролевого поведения коммуникантов в ситуации многооречия. Проекция данных, полученных в ходе семиотического, лингвокультурологического, социолингвистического исследования многооречия, на проблемы коллективной идентичности и толерантности позволит установить связи и отношения многооречия с векторами развития российского мультикультурного общества.

Еще раз подчеркнем, что термины «разноязычие» и «многооречие» не являются синонимами. Разноязычие предполагает функционирование разных языков в пределах одного геопространства; многооречие – сосуществование субъязыков внутри общенационального языка.

Теоретические и прикладные проблемы исследования многооречия могут быть систематизированы коммуникативной ортологией, формирование которой обусловлено логикой развития отечественной лингвистической науки.

Литература

- Акты конституционного права [электронный ресурс] – М., 2005. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/act/right/12140387/>
- Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста : Словарь-тезаурус. Томск : Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2008.
- Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Виноградов В. В.* Литературный язык / Избранные труды: История русского литературного языка. – М. : Наука, 1978. – С. 288–297.
- Виноградов В. В.* Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М. : Наука, 1990.
- Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996.
- Городское просторечие: Проблемы изучения / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М. : Наука, 1984.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 7-е изд. М. : Русский язык, 1978. Т. 1.
- Диалогические и монологические тексты : электронная база данных (на материале уральского городского просторечия) [электронный ресурс] – Екатеринбург, 2012. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452>
- Ермакова О. П.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина / под общ. руководством Р. И. Розиной. М. : Азбуковник, 1999.
- Зубова Л. В.* Языки современной поэзии. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛКИ, 2008.
- Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. Волгоград : Перемена, 2012.
- Китайгородская М. В.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. М. : Русские словари, 1999.
- Китайгородская М. В.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. М. : Языки славянских культур, 2010.
- Крысин Л. П.* Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике / Современный русский язык :

- социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 11–29.
- Крысин Л. П.* Русское слово, своё и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянских культур, 2004.
- Купина Н. А.* Современное просторечие: взгляд изнутри / Н. А. Купина, И. В. Шалина // Русский язык в научном освещении, 2004. № 1 (7). – С. 23–62.
- Купина Н. А.* Идеологема «иностранный агент»: три дня в июле 2012 года // Политическая лингвистика, 2012. № 3 (41). – С. 43–48.
- Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города / Филологическое наследие : сб. статей. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 303–304. Российская газета, 2012. 6 ноября.
- Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький : [б. и.], 1975.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001.
- Шалина И. В.* Уральское городское просторечие : культурные сценарии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.
- Язык как творчество : сб. ст. к 70-летию В. П. Григорьева. М. : ИРЯ РАН, 1996.
- Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. Свердловск : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1990.

1.3. Метаязыковые измерения многоречия

И. Т. Вепрева

Общим местом в современной лингвистике является мысль о том, что единый национальный язык – это величина в известном смысле абстрактная, ибо реально он функционирует в многочисленных вариантах (формах существования, разновидностях, сферах бытования), см., например: [Караулов 1991, Крысин 2003, Мустайоки 2013]. Эти варианты обусловлены тем, что нация

состоит из социальных объединений, более или менее крупных (например, жители одного региона, люди одной профессии, одного возраста, члены объединений по интересам и т. д.). Если это коллективы большие, имеющие свою специфику, то национальный язык дифференцируется в рамках этих коллективов, образуя своеобразные подязыки (субязыки) со своим лексиконом и правилами его употребления. Единая совокупность подязыков имеет динамический характер, в силу которого каждый член языкового сообщества владеет множеством речевых ролей, в зависимости от ситуации коммуникации, типа адресата, стилевой тональности и речевого жанра, в рамках которого осуществляется высказывание.

Вербализированная метаязыковая деятельность говорящего / пишущего позволяет выявить поликодовый набор языковых средств в рамках одного языка, необходимых говорящему при порождении речевого произведения. Индивидуум предстает в своей речевой деятельности как полиглотическая личность, умело пользующаяся возможностями родного языка.

Корпус метаязыковых высказываний, включающих ссылки на тот или иной субязык в рамках единого национального русского языка, представляет собой естественно складывающуюся диагностическую базу данных, определенный набор речевых сигналов, которые свидетельствуют о количественных параметрах сложившихся разновидностей¹⁷, постоянном контакте их между собой, об обогащении и влиянии субязыков друг на друга, о статусе, который они имеют среди говорящих по-русски, о тех или иных активных языковых процессах в современном русском языке, связанных с популярностью той или иной разновидности, фиксируется также направление этих процессов. Рефлексивные высказывания в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, отражающий взаимодействие субязыков новейшего времени. Именно в этом видится вспомогательная методологическая роль метаязыковых оценок.

¹⁷ См., например, указанную выше работу Ю. Н. Караулова, который в 1991 году выделил 8 сфер бытования языка; А. Мустайоки в работе 2013 года говорит о 15 разновидностях русского языка.

Объектом нашего исследования являются метаязыковые высказывания, которые свидетельствуют о присутствии в обыденном сознании носителя языка знания многих разновидностей русского национального языка. Цель данного аспекта монографической работы – очертить хотя бы в эскизной форме набор субъязыков русского языка, к которым прибегает говорящий в своей речевой деятельности, выделив продуктивные разновидности языка, определить функциональную нагрузку «чужой речи» при текстопрождении. Исследовательский материал был извлечен с помощью базы данных Интегрум. Выборка показательных иллюстраций с включенными метаоператорами проводилась из публицистических текстов российских средств массовой информации XXI века – с 2000 по 2013 г. (включительно).

Анализируя корпус метавысказываний, мы пришли к определенному выводу: ввод в контекст высказывания фрагментов другого субъязыка связан с двумя основными функциями, которые выполняют эти вводы в рамках литературной разновидности языка: во-первых, с идентифицирующей функцией, когда метаязыковые высказывания погружены в конкретно-ситуативный профессиональный контекст и описывают некоторое положение дел в этой сфере деятельности, и, во-вторых, с эстетической функцией, когда единицы какого-либо субъязыка метафоризируются в литературном варианте в силу своей особой выразительности, являясь источником дополнительной экспрессии. Кроме того, количественное преобладание ссылок на тот или иной субъязык определяет еще одну, прогностическую, функцию ввода чужой речи: предпочтение одной разновидности другой свидетельствует об активных процессах, происходящих в современном русском языке. Обратимся к конкретному материалу, отражающему последнюю из отмеченных функций.

Одной из тенденций языкового развития на современном этапе является демократизация русского литературного языка, которая, в частности, проявляется в коллоквиализации письменной речи, активном внедрении устной разновидности языка в письменную. Эта тенденция в границах лингвистической критики речи

связывается с вульгаризацией языка, семантическим примитивизмом, языковой смутой, агрессией. Широкий набор метаоператоров, измеряющих современное многогочечие, позволяет подтвердить данную тенденцию: современный говорящий активно пользуется сниженной лексикой устной речи. Проиллюстрируем данное положение: *Если от дополнительной покупки зависит ваша зарплата, сам бог велел, **говоря по-простому**, «впаривать лишнее»* (Метро (г. Москва); 27.03.2012); *Как правило, одна отдельно взятая компания его не потянет, поэтому, если **говорить по-простому**, приходится сбрасываться* (Ежедневные новости. Подмоскочье; 24.03.2006); *Все мы знаем, что правительство России ведёт политику искоренения музеев путём перевода их в режим самоокупаемости или, **говоря по-простому**, заставляет их выживать на подножном корму* (Завтра; 16.03.2011); *В его итогах можно было не сомневаться: **говоря по-простому, по-народному**, фигово у нас с культурой и духовностью* (Известия; 28.08.2002); *В том бою Чизора, **говоря по-простому**, набил морду финну, однако победу ему так и не дали* (Известия; 17.02.2012); *Берлускони ответил тогда оппоненту словами о том, что этот «технический» премьер возомнил себя спасителем Отечества, отчего у него, **вульгарно выражаясь**, «крыша поехала»* (Московские новости; 22.01.2013); *Начало нового тысячелетия в России ознаменовано, **выражаясь жаргонным языком**, беспределом в сфере строительства жилых домов на средства соинвесторов* (Ежедневные новости. Подмоскочье; 02.11.2007); *Ведут какие-то переговоры, **выражаясь жаргонным языком**, что-то трут между собой* (КоммерсантЪ Daily; 07.03.2008); *Дошло до того, что один из кандидатов, **выражаясь по-народному**, пообещал каждой бабе по мужику, и для исполнения этого посула предложил в час окончания выборов выйти на площадь* (Правда-КПРФ (Москва); 07.12.2010); *Общаясь с ними, казалось бы, я должен был все больше убеждаться, что все они, **выражаясь по-народному**, с очень большим приветом* (Вечерний Ростов (Ростов-на-Дону); 26.08.2011); *И тут начинаются, **выражаясь по-народному**, непонятки* (Городские новости (Ярославль); 19.03.2003).

К жаргонной разновидности языка, существующей, как известно, только в устном варианте, примыкают метаоператоры, которые вводят уголовный субъязык, включающий грубо ненормативную лексику: *Карманники начинают «работать» еще во время посадки, выбирая будущую жертву, и иногда совершают попытку украсть еще во время захода – как говорят воры, «сработать на подсаде»* (Караван + Я (Тверь); 16.05.2001); *А сам Тагир, будучи в Петропавловской пересыльной тюрьме, увидев, как воры снимают бурки с ингушского пожилого человека, «сорвался» и, как говорят воры, «замочил» воровского «пахана»* (Сердало (Назрань); 23.02.2013); *Они с Жуком сделали свою работу, за которую было обещано хорошее вознаграждение, и, говоря бандитским языком, крупно «фраернулись»* (Московская правда / Столичный криминал N4; 04.03.2007); *«Злые языки» говорят, что после поражения Самошина на губернаторских выборах 2001 года вас просто поставили, как говорят бандиты, «на счетчик», и вложенные в вашу кампанию громадные деньги в случае вашей победы вас просто заставят «выкачивать» из Тулы* (Новотульский металлург (Тула); 08.11.2005).

Метаоператоры, вводящие элементы ненормативного субъязыка в литературную речевую среду, подчеркивают активное заимствование уголовного лексикона современными политиками: *Тогда они будут на виду, их авторитетность проверяется просто и, как говорят бандиты вкупе с политиками, они будут «отвечать за базар» своим именем* (Книжное обозрение; 23.10.2006); *Как говорили бандиты и А. Лившиц, «делиться надо»!* (Советская Россия (Москва); 27.03.2004).

«Активная “интервенция” тюремно-лагерного жаргона и различных его разновидностей во все сферы русской речи – одна из характерных примет современной языковой ситуации» [Крысин 2003: 76]. Эту тенденцию манифестируют и контексты с включенным метаоператором *говоря современным языком*, например: *Говоря современным языком, здесь была такая «восточная тусовка»* (Известия (Москва); 18.11.2005); *Думаю, «крышевание», говоря современным языком, возникло не вчера* (Известия

(Москва); 11.03.2011); *Говоря современным языком, сексом теперь не занимаются, его — «зажигают»* (Комсомольская правда; 29.03.2003); *Я надеюсь, что те люди, которых мы в этом фильме сыграли, не были, говоря современным языком, замазаны в политиканских разборках* (Комсомольская правда; 26.01.2012) и др.

Использование той или иной разновидности языка предполагает или акцентирует противопоставление: в оппозиционную пару к метаоператорам *говоря по-народному / по-простому, выражаясь жаргонным / бандитским языком* можно поставить метаоператор *выражаясь интеллигентно*. Включение в контекст высказывания единиц разного стилистического регистра выполняет эстетическую функцию, поскольку понижение или повышение стилистической планки на фоне нейтральной лексики помогает проследить установку говорящего на речемыслительное творчество. Рефлексивные высказывания этого типа включаются в метаязыковое дискурсивное пространство сознательных поисков путей самовыражения. Например: *Лиле по-своему льстило, что такой, **выражаясь интеллигентно**, неординарный человек вновь и вновь возвращается к ее порогу* (Милиция; 27.01.2004); *Люди совершенно потеряли, **выражаясь интеллигентно**, критерии оценки творчества* (Московская правда / Новый взгляд N11; 15.11.2003); *А суть заключается в феномене, который можно назвать бабьим бунтом или, **выражаясь интеллигентным** языком, женским саботажем: женщины внезапно (по историческим масштабам, конечно) и в массовом порядке перестали выполнять свою природную функцию — рожать детей* (Звезда; 15.10.2008). В контексте обращает на себя внимание синонимическая пара *бабий бунт — женский саботаж*, в которой второе словосочетание воспринимается как элемент «интеллигентского» языка: будучи эвфемизмом, оно смягчает резкость первого.

Современная речевая практика дает возможность увидеть, что стремление говорящего называть вещи своими именами приводит к эффекту сильной экспрессивной подачи информации. Поэтому острой для современных СМИ является проблема толерантности, которая требует регулировать коммуникативные отношения

в границах этической позволительности. Толерантность повседневного общения ориентирована на создание положительной эмоциональной атмосферы. Для успешного взаимодействия коммуниканты используют целый набор тактик толерантного поведения. Среди гармонизирующих тактик одна из основных – употребление эвфемизмов. Ср.: *Есть еще одна «симпатичная» подробность в работе «Мурманскоблэнерго». Она называется экономические потери. Это если **выражаться интеллигентно**, а если **по-простому**, называя вещи своими именами – то воровство* (Полярная правда (Мурманск); 15.03.2002); *Золотой сон о светлом будущем человечества был всегда идеалом, **выражаясь интеллигентным языком**, безумца, а говоря попросту, дурака* (Звезда; 15.03.2006).

Общий взгляд на включение элементов профессиональных субъязыков в современную речь позволяет выделить две причины переключения говорящего на «чужой» язык. Как было отмечено выше, необходимость употребления профессионального варианта обусловлена идентифицирующей функцией: структура коммуникативного акта предусматривает идентичность информации, общность содержания знаний как говорящего, так и слушающего. Активной фигурой в коммуникации является говорящий / пишущий, а адресат пассивен и находится на более низком информационном уровне. Поэтому семантическое правило «равнения вниз» требует «содержательного ориентирования сообщения на самый низкий по уровню контингент реципиентов» [Комлев 1992: 198]. Требование подробной и избыточной информации слушающим диктует говорящему / пишущему необходимость метаязыкового комментирования элементов субъязыка той профессии, о которой он говорит / пишет. Например: *У новорожденного резко, **как говорят медики**, «падает сахар» и, если не предпринять экстренных мер, ребенок может погибнуть* (Вечерняя Москва; 13.02.2003); *Причем женщины молодые, **как говорят медики**, «в наиболее активном репродуктивном возрасте» – от 25 до 30 лет* (Вечерняя Москва; 14.08.2003); *За этим процессом наблюдает высококачественный лазер, луч которого, **как говорят физики**, не «гуляет по*

углу» – не колеблется и не дрожит (Итоги; 16.04.2007); Андрюша рос умненьким, **как говорят учителя**, «беспроблемным» ребенком (Комсомольская правда; 01.06.2000); Таким образом, администрацию не только зачистили от людей прежнего губернатора, но и, **как говорят чиновники**, «структурно сжали» (КоммерсантЪ; 08.08.2002); Там ему предложили, **как говорят военные кадровики**, «чёрную должность» – командира роты (Аргументы и факты; 10.01.2007); Исследование подтвердило, что мышцы у мышек перестроились или, **как говорят учёные**, перепрограммировались, как после серьёзных тренировок (Аргументы и факты; 08.10.2008); Полученные клетки не требуют культивации в условиях лаборатории – их можно пускать в дело, **как говорит профессор**, *fresh*, то есть свеженькими (Мир новостей; 04.09.2012); Для настоящего конструктора это очень важно – увидеть итог своего творчества, когда воплощение инженерной идеи имеет конечный, вполне осязаемый результат в готовом изделии, **как говорят инженеры**, в «железе» (Учительская газета; 11.05.2010); Это крепкая капуста, **как говорят агрономы**, – «лежкая», она хранится чуть ли не до лета (Неделя. Подмосковье; 12.10.2011) и др.

Профессиональные варианты национального языка – неиссякаемый источник пополнения выразительных средств литературного языка. Нетерминологическое (часто метафорическое) употребление терминологических единиц различных профессиональных субъязыков опирается на достаточно прочный багаж знаний, полученных в средней школе. Частотно обращение к точным наукам: *То, о чем вы сказали, это скорее, как говорят математики*, необходимое, но недостаточное условие (Завтра (Москва); 08.08.2013); *Все остальное, включая и реформу образования, дает, как говорят математики*, лишь эффекты второго порядка (Известия; 05.10.2002); **Как говорят математики** – что и требовалось доказать! (Московский комсомолец; 19.10.2003); *Вся эта история вспомнилась мне недавно по какой-то ассоциации, но не прямой, а, как говорят математики*, «от противного» (Московский комсомолец; 21.09.2005); *В 99-м Путину надо было решать*

уравнение, **говоря математическим языком**, с пятью неизвестными, и решать в самые сжатые сроки (Российская газета; 22.02.2012); Это, **как говорят компьютерщики**, системный кризис (Московский комсомолец; 06.10.2005); Волжане выглядят сейчас, **как говорят компьютерщики**, саморазвивающейся системой (Спорт-Экспресс; 16.08.2004); Лишь один раз в году ему выпадает шанс обновить свое сознание, поднять его на более высокую ступень – **как говорят компьютерщики**, сделать апгрейд (Московский комсомолец; 05.02.2007).

Используются и субязыки гуманитарных наук: Они меня прельщают только одним: там можно, **как говорят филологи**, сцепиться языками (Комсомольская правда; 21.07.2005); А насчёт различных писательских членских билетов, дипломов об окончании литкурсов и так далее, то, знаете, **как говорили филологи**, «падежов не надо путать» (Литературная Россия; 17.09.2004); Они уверены, что страна развивается в правильном направлении, и имеют осмысленные планы на жизнь, или, **как говорят социологи**, достигательные стратегии (Известия (Россия); 10.07.2008); Все эти вещи – политические расклады, повседневные состояния – даны из переживающего их сознания, или, **как говорят философы**, – «интенционально» (Новый мир; 15.07.2007).

Образные приращения получают лексические единицы и выражения, вышедшие из профессиональных сфер, знакомых широкому кругу носителей языка: Так сказать, и фарс и шоу в одном флаконе, **говоря языком рекламы** (Комсомольская правда; 19.11.2004); Теперь они, **говоря языком рекламы**, «ждут до первой звезды» – удастся смягчить приговор или нет (Петровка, 38, Москва; 20.09.2000); Я две недели не пил, писал по 8–10 часов в сутки, закончил большой «цикл работ», **как говорят строители**, – и очень устал (Знамя; 15.11.2011); Я все люблю делать «под ключ», **как говорят строители** (Новые известия (Москва); 16.03.2007); По поводу своей формы Кузнецова выражает, **говоря политическим языком**, сдержанный оптимизм (Российская газета; 15.03.2007); Похоже, в мире нет такого закона, который не научились бы обходить предприимчивые и весёлые русские

люди (или, **как говорят политики**, «дорогие россияне») (Московский комсомолец; 03.03.2012); *При этом бюджет, как говорят чиновники, остается социально ориентированным* (Независимая газета; 03.10.2007).

К профессиональным вариантам примыкают субъязыки, на которых говорят люди, объединенные в сообщества по определенным интересам: коллекционеры, рыбаки, автомобилисты и др. В текстах СМИ активно используются вкрапления из этих языков: *Но это была разминка, как говорят кавээзники* (Магнитогорский рабочий; 27.10.2000); *В июле этого года военнотруженик продал «убитую», как говорят автомобилисты, машину неизвестному кавказской внешности* (Вече Твери; 20.10.2006); *Да, для многих жителей вверяемой ему территории Никита Белых может стать, как говорят автомобилисты, помехой справа* (Новая газета; 15.12.2008); *Одним словом, гребу себе помаленьку, по-«собачьи», в «своем» ряду, как говорят автомобилисты, никому вроде не мешаю* (Вечерняя Москва; 09.03.2007); *Хотел бы пожелать вам, Михаил, осуществления ваших идей и, как говорят рыбаки: «Ни хвоста, ни чешуи!»* (Архангельск; 03.09.2003); *Во время разливов в воду попадает разная живность, и у пираний просыпается, как говорят рыбаки, «жор»* (Комсомольская правда; 25.02.2000); *В коллекции Сергея Белова недостает не более 250, самых редких, или «тяжелых» медалей, как говорят коллекционеры* (Карелия (Петрозаводск); 25.04.2002).

Особой разновидностью национального языка является субъязык детей [Цейтлин 2000]. Ребенок как языковая личность пользуется речью, отличной от речи взрослых. Дети выступают как самостоятельные субъекты речевой деятельности. Длительное повседневное наблюдение взрослых за речью детей в естественных условиях (в семье, в общении с другими детьми) открывает возможности использования детского контекста в дискурсивном пространстве взрослых. Переход на язык детства соотносится с функцией усиления выразительности и изобразительности речи, так как детская речь придает тексту ту непосредственность, которая характерна для ребенка, в ней (наряду с речью поэтической)

реализуется свободный творческий подход к языку [Купина 2013]. Например: *Но, как говорят дети, «почти не считается»* (Ежедневные новости. Подмосковье; 25.06.2005); *Как говорят дети, кто как обзывается, тот так называется* (Завтра; 05.10.2005); *Тот, да не тот, как говорят дети* (Комсомольская правда; 14.02.2003); *Это соперничающих и что-то делающих всегда есть за что притянуть, а молчаливое большинство, как говорят дети, «в домике»* (Комсомольская правда; 08.11.2010).

Детские вкрапления в текст высказывания требуют поиска оппозитивной пары *дети* – *старики*. Удивительно, но цитирования «стариковской» речи в современном медиадискурсе значительно меньше детской, например: *Главное, как говорят старики, чтобы не было войны* (Трибуна, Москва; 16.12.2000). Демографическая маркированность в данном случае акцентируется отсылкой к автору: *Как говорил старик Конфуций, «если тебе плюют в спину, то это значит, что ты идешь вперед»* (Ветеран; 04.10.2011); *Твардовский так характеризовал вялые стихи: «Как говорит старик Маршак: – Голубчик, мало тяги...»* (Вечерняя Москва; 07.06.2007); *Как говорил старик Маркс, крот истории не знает усталости* (Обозреватель; 15.09.2003).

Третий член возрастной парадигмы – молодежь, ссылками на речь которой изобилуют современные СМИ. Продуктивное обращение к молодежной речи объясняется демократизацией современного русского языка, активно поддерживаемой данной возрастной группой россиян. Формирование общего жаргона, новейшего образования современной эпохи [Ермакова, Земская, Розина 1999], единицы которого не принадлежат к какой-либо определенной социальной среде, связано с молодежным субязыком. С помощью молодежного жаргона, в частности, восполняется лакунарность многих тематических сфер (например, сферы интимных отношений). Проиллюстрируем данное положение: *Как говорит молодёжь, «респект и уважуха» автору за профессионализм* (Аргументы и факты; 17.02.2010); *Смешно, весело, прикольно, как говорит молодёжь* (Итоги; 19.07.2005); *Я никогда не заморачивался, как говорит молодёжь, на этой теме* (Комсомольская

правда; 16.01.2013); И мне, *как говорит молодежь*, глубоко фиолетово, по чьему недосмотру это не делается (Московская правда; 25.12.2012); Сегодня музыка больше воспринимается как фон, или ее используют, чтобы, *как говорит молодежь*, «поколбаситься» (Московский комсомолец; 23.12.2011); Главная оппозиционная сила, *как говорит молодежь*, тоже «жжсет» (Независимая газета; 01.03.2011); Увы, но авторитет этой правоохранительной структуры сегодня опустился, *как говорит молодежь*, ниже плинтуса (Сельская жизнь; 28.05.2009) и др.

Следующая трехчленная парадигма субъязыков может быть выделена по хронологическому основанию: *говоря старинным языком / по-старинному / как говорили в старину – говоря советским языком – говоря современным языком*. Ю. М. Лотман критически относился к модели коммуникативного акта Р. Якобсона, считая ее «технизированной». Он пишет: «Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории» [Лотман 1992: 13]. Трудно не согласиться с утверждением Ю. М. Лотмана об историчности языка. Безусловно, слово в языке обладает культурной памятью, поэтому оно в сознании говорящего всегда хронологически маркировано. Скоротечность жизни слова часто объясняется эстетической потребностью говорящего к обновлению речи. Эта потребность реализуется в смене формы языкового знака при тождестве содержания. Смена номинации постоянно фиксируется носителем языка, и языковое сознание выполняет в этом случае функцию идентификации, восстанавливая связь времен, через новую лексическую единицу осуществляет привязку реальных фактов истории к общественному опыту современности. Помещенные в один контекст метаязыкового комментирования временные синонимы способствуют новой интерпретации фактов истории, новому аксиологическому ракурсу. Акт нового называния отождествляется с актом познания, например: *Учредителями этой некоммерческой организации, или, говоря по-старинному, благотворителями,*

стали люди далеко неслучайные в нашем культурном пространстве (Литературная газета; 16.01.2008); *А тут вдруг выяснила, что любовь – это когда, **говоря по-старинному**, занимается дух* (Урал (Екатеринбург); 15.03.2007); «Аппаратчик» – неологизм, обозначающий сотрудника государственного аппарата, **говоря по-старинному** – человека служивого (Тверская 13; 11.11.2008); *История Ирана, или, **говоря по-старинному**, Персии, – это история бесконечных взлетов и падений* (Книжное обозрение; 24.05.2004). С другой стороны, многие исторические факты могут быть объяснены современным языком: ***Говоря современным языком**, Пётр I был первым в России инноватором и модернизатором* (Аргументы и факты; 17.11.2010); *В 1886 году Перхин открыл свою собственную мастерскую, которая, **говоря современным языком**, работала под брендом «Фаберже»* (Гудок; 22.10.2004); *Конечно, язык у Тургенева, а Тургенев, **говоря современным языком**, деревенский писатель, и у Льва Николаевича Толстого, и у Бунина, совсем другой, чем у Достоевского* (Завтра; 14.03.2007); *Вронский тоже «попал», **говоря современным языком*** (Гудок; 12.08.2011); *Все хитроумные, смертельно опасные, рискованные комбинации князь Пожарский-Михалков выстраивает, чтобы опасные революционеры и, **говоря современным языком**, коррумпированные и неэффективные чиновники уничтожали друг друга* (Завтра; 22.06.2005); *Политик уровня Сталина (кризисный управляющий, **говоря современным языком**) поневоле руководствуется здравым смыслом и другими вполне обыденными вещами — иначе ничего не защитишь и не построишь* (Завтра; 13.05.2003).

Постоянная сопоставительная оценка советского и постсоветского времени типична для современной России. Она спровоцирована концептуальным напряжением, возникающим при перестройке мировоззренческих ценностных установок, переходным состоянием общественного сознания постсоветского человека. Современная речевая реальность регистрирует эти попытки перестройки сознания в виде ссылок на язык советской эпохи: *И все-таки, **говоря советским языком**, точек общепита меньше не становится* (Литературная газета; 11.07.2001); *А хор ее поддержки,*

звучащий сегодня на Кавказе, это, **говоря советским языком**, попросту «одобрямс» (Новые известия (Москва); 22.11.2004); Михаил Юрьевич, не кажется ли вам, что средства массовой информации, **говоря советским языком**, в большом долгу перед трудящимися? (Эксперт; 09.02.2004); Без него, видимо, нельзя – страна должна знать своих героев, **говоря советским языком** – «знатных рыбаков», и защищать свои интересы на море (Известия (Москва); 23.08.2001).

Особо выделяется круг метаоператоров, с помощью которых носитель литературного языка обращается к территориальным вариантам национального языка. Привязка к тому или иному диалекту укрупняется: территориальная локализованность определяется ориентацией по сторонам света, но не четырехсторонней (юг – север – запад – восток), а двусторонней как *говорят на юге / как говорят на севере*, например: «Тенденция, однако», – **как говорят на Севере** (Известия; 19.05.2000); *На материк, как говорят на Севере* (Литературная газета; 23.01.2008); *Обещать легко, бумага стерпит, а добиться реализации обещанного – это, как говорят на юге страны, две большие разницы* (Советская Россия; 17.10.2000); *При этом желательно выбирать, как говорят на юге, «кавуницу» – «арбузную девочку»* (Тамбовская жизнь (Тамбов); 03.09.2003).

Метаоператоры *как говорят на Западе / как говорят на Востоке* комментируют «чужую речь» за пределами России. Ср.: *Ноу комментс, как говорят на Западе (без комментариев)* (Завтра; 18.02.2003); *Для такого – освобождающегося – человека важен и бесценен сам путь («дао», как говорят на Востоке)* (Независимая газета; 25.03.2008).

Дальнейшая территориальная субъязыковая детализация связана с крупными внутрироссийскими географическими привязками (*как говорят на Урале / в Сибири / на Волге* и т. д.). Например: *С августа, когда щука, как говорят на Волге, отращивает зубы, любители заготавливают живых карасиков для живцов* (Золотое кольцо (Ярославль); 15.08.2008); *«Всяко-разно», как говорят на Урале* (Урал (Екатеринбург); 15.05.2004); *«Качули», как говорят*

на Урале, – это движение от Земли к Солнцу, радостное движение (Вечерний Екатеринбург; 30.04.2005); *Медведь может идти, как говорят сибиряки*, шоркатно (шумно), но может приблизиться тихо и осторожно (Комсомольская правда; 16.03.2001).

Как показывают примеры, абсолютно специфические единицы нередко привязываются к конкретному локусу. Так, носитель литературного языка часто в своей речи обращается к региональному варианту, получившему название «одесский язык». Лингвистический статус речи коренных жителей Одессы обсуждается в кругу специалистов, но для носителей обыденного сознания бесспорен факт, что ссылка на этот субъязык – это поддержка контекста аурой неповторимого одесского юмора, например: *Как говорят в Одессе, «их есть у Леонида»* (Бизнес-журнал; 07.09.2002); *Как говорят в Одессе: будем посмотреть* (Бизнес-журнал; 20.08.2003); *Ну а насчет того, что «с улиц Замоскворечья будут изгонять автомобили»*, как заявлено на сайте управы в Интернете, *то, как говорят в Одессе, не смешите мои ботинки* (Вечерняя Москва; 09.02.2007); *И когда мне какой-нибудь актер заявляет: «У меня 120 ролей», то я, как говорят в Одессе, смеюсь вам в лицо* (Аргументы и факты; 20.03.2002).

Особую группу составляет набор метаоператоров, которые указывают на заимствованные афористические выражения, пополнившие состав русского языка, но не утратившие своего иноязычного облика. Несмотря на то, что эти выражения не порывают со своим этимологическим прошлым (отчасти благодаря метаязыковым сопровождением), они давно и систематически употребляются в русском языке, являясь его составной частью. Такую группу заимствованных слов и выражений можно отнести к своеобразному интернациональному субъязыку русского языка. Зачастую эти афоризмы становятся метафорами, «которыми мы живем», определенным образом влияют на мировоззрение и поведение членов социума. Вытекающие из этих выражений стереотипные представления о других народах могут сказать нечто об особенностях восприятия русскими страны, из которой пришел тот или иной афоризм. Приведем выражения из французского языка: *Как*

говорят французы – миль пардон! (Ветеран; 10.06.2000); *Как говорят французы: «C'est la vie» – такова жизнь* (Вечерняя Москва; 12.05.2009); *Пятьдесят лет протанцевала гениальная балерина в Большом и нынче отмечает свой юбилей, как говорят французы, четыре раза по 20!* (Вечерняя Москва; 21.09.2005); *Как говорят французы, – вы имеете ту любовь, какая есть* (Дружба народов; 15.12.2011); *Когда возникают проблемы, шерше ля фам – советуют французы* (Музыкальная правда; 21.09.2012).

Увлечение русского дворянства французской культурой способствовало формированию стереотипных представлений о Франции и французах. Соответствующие афористические выражения формируют определенные стереотипы: французы – утонченные, галантные мужчины, обожающие женщин; француженки – элегантные, очаровательные женщины, благоухающие изысканными ароматами; Париж – романтическая мекка для влюбленных. Афористические выражения адаптируются в русском контексте – от четко прописанных ролевых позиций крылатой фразы, когда тексту требуется афористическая поддержка, ср.: *Шерше ля фам. Известно, что все великие открытия делаются либо ради женщины, либо для женщины* (Известия (Россия); 17.03.2009); Присказка *«шерше ля фам»* не на ровном месте появилась: *женщины всегда стоят за движениями мужчин* (Московский комсомолец; 23.01.2009) до трансформаций афоризма на русской почве, например: *Не шерше ля фам, а шерше мужик* (Дружба народов; 11.09.2004).

Афоризмы на основе английского создают образ безупречного джентльмена: *Как говорят англичане: «Разведка настолько грязное дело, что ею могут заниматься только джентльмены»* (Завтра; 21.07.2004), любящего порядок и чистоту немца: *Как говорят немцы: «Was wissen zwei, wisst Schwein» («Что знают двое – знает свинья»)* (Известия (Россия); 14.12.2006).

Особое место в афористической картине мира занимает восточная мудрость с образными параллелями, нетипичными для славянской культуры, например: *Я смолоду не боялся, как говорят японцы, потерять лицо, потому что опыт, приобретенный даже путем потери лица, важен* (Собеседник; 10.11.2004); *Как говорят китайцы, наркотик умеет ждать, и мальчишек с искалеченными*

судьбами ему ждать приходится недолго (Медицинская газета, Москва; 21.09.2001); *Как говорят китайцы, власть – «дракон в тумане»* (Независимая Газета; 04.09.2009) и др.

Подведем итоги. Корпус высказываний с метаязыковыми проводниками позволил подтвердить положение о том, что современное языковое существование демонстрирует динамическое многообразие проявлений единого языка с присущей ему социальной и функциональной дифференциацией. Границы между подсистемами языка становятся проницаемыми: полигlossия является типичной приметой современной речи. В естественных коммуникативных условиях мы встречаемся с языковой гетерогенностью носителей литературного языка, которые свободно используют средства разных субязыков. Расширение границ языковой свободы позволяет создавать тексты, в которых причудливо соединяются социальные, территориальные, этносоциальные и демографические разновидности. При этом корпус рефлексивов, фиксирующих ссылки на данные сферы бытования языка, является точным диагностирующим инструментом, позволяющим описать особенности функционирования средств разных субязыков в границах единого национального языка.

Литература

- Караулов Ю. Н.* О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М. : Наука, 1991.
- Комлев Н. В.* Слово в речи. Денотативные аспекты. М. : Изд-во МГУ, 1992.
- Крысин Л. П.* Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М. : Языки славянской культуры, 2008. – С. 33–77.
- Купина Н. А., Матвеева Т. В.* Стилистика русского языка: учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2013.
- Мустайоки А.* Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вopr. языкознания. 2013. № 5. – С. 3–27.
- Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М. : Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2000.

1.4. Полигlossия россиянина в лексикографическом представлении

О. А. Михайлова

В последние десятилетия возрастает роль словарей в коммуникативной и познавательной деятельности российского общества. Поскольку общенациональный русский язык, будучи единым и целостным организмом, существует «в многообразии своих проявлений» [Крысин 2003: 11], лексикографический бум обусловил введение в оборот большого количества словарей литературного русского языка, но, главное, словарей, описывающих территориально или социально ограниченные подсистемы национального языка. Существование территориальных и социальных субъязыков внутри единого общенационального языка обеспечивает определенные коммуникативные потребности разных слоев общества. В своей речевой деятельности любой индивидум, выбирая необходимый для ситуации языковой код, предстает как полиглотическая личность.

Кардинальные изменения, произошедшие в жизни российского общества на рубеже XX–XXI веков и связанные с ними перемены в национальном языковом сознании, отразились в речевой коммуникации россиян. В последние десятилетия значительно возросла коммуникативная роль некодифицированных подсистем русского языка – литературно-разговорной речи, просторечия, сленга, социальных и профессиональных жаргонов, которые стали обычным явлением не только в бытовом общении, но и в публичных сферах, в средствах массовой информации. В связи с таким изменением культурно-речевой ситуации актуальным становится изучение лексических ресурсов некодифицированных языковых страт, в частности их словарное описание, поскольку лексикография как инструмент лингвистического исследования обладает значительным потенциалом. В настоящее время существует система словарей, отражающих современное состояние языка во всех его разновидностях.

Так, словари русских народных говоров дают представление о лексической системе и особенностях речи диалектоносителей – жителей преимущественно сельской местности. Целенаправленное собрание и изучение диалектных фактов как элементов общенародной лексической системы, начавшееся еще в XIX веке, традиции диалектной лексикографии продолжают и активно развиваются во второй половине XX века. Именно в эти годы появилось большое количество словарей, охватывающих лексику многих регионов России (см. обзор в: [Козырев, Черняк 2004]). Разнообразие диалектных словарей связано не только с описываемой территорией, но и с самим предметом лексикографирования. По полноте представленной лексики диалектные словари могут быть дифференциальными и недифференциальными. В дифференциальные словари включаются только те слова, которые имеют локальное распространение и не входят в лексикон литературного языка. Недифференциальные словари по полноте охвата лексики определенного региона приближаются к тезаурусу и включают все слова, бытующие в данном говоре, вне зависимости от их распространения в литературном языке.

Большинство русских диалектных словарей являются дифференциальными, отражающими народную речевую культуру. Они, однако, не дают представления о многогочечии ее представителей. Вместе с тем исследователи отмечают своеобразную диглоссию [Крысин 2004] носителей народно-речевой культуры, «когда с односельчанами говорят на диалекте, а с приезжими на хорошем или плохом, но уже литературном языке» [Сиротинина 2007: 564]. Картину многогочечия сельских жителей дают недифференциальные диалектные словари, в которых хранятся языковые единицы как ненормативные по отношению к литературной норме (собственно диалектные, диалектно-просторечные, жаргонные), так и нормативные (общерусские), бытующие на данной территории. Отечественная лексикография имеет ряд полных диалектных словарей. К их числу относятся, например, «Псковский областной словарь с историческими данными», в котором реализована идея Б. А. Ларина о создании диалектного толково-исторического

словаря; «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)»; «Словарь брянских говоров»; «Словарь говора деревни Акчим Красновшерского района Пермской области»; четырехтомный «Полный словарь сибирского говора». Наличие недифференциальных словарей позволяет установить соотношение локальных и общенародных единиц в словарном составе диалектоносителей, выявить закономерности взаимодействия литературного языка и диалектов.

Полигlossия наблюдается и в пространстве городской коммуникации, осуществляемой на основе кодифицированного литературного языка [Китайгородцева 2010; Купина 2013]. Однако полиглотизм горожанина качественно иной по сравнению с речью сельских жителей. Е. А. Земская, анализируя устную публичную речь, неофициальную речь представителей различных профессий, материалы современных СМИ, доказывает происходящее в наше время расширение лексического состава «городской речи» и выделяет следующие наиболее значимые группы городской лексики: разговорный язык; жаргонная лексика и фразеология, употребляемая образованными людьми; специальные слова, которые характеризуют речь людей определенных профессий, но не относятся к официальной номенклатуре, принятой в кодифицированном литературном языке; просторечие [Земская 2008: 67]. Кроме того, в речи жителей провинциальных городов, находящихся в диалектном окружении, наблюдается локальная вариативность устного литературного языка, и, как следствие, формируются особые социолекты.

В современной русской лексикографии представлены образцы словарей, описывающих многообразие жителей определенного региона. Так, «Социолингвистический глоссарий пермских локализмов» включает слова и выражения, не принадлежащие к кодифицированным единицам и бытующие исключительно в речи жителей городов Пермской области либо в речи данного региона наряду с некоторыми другими (как правило, соседними) областями. Словарь достаточно полно описывает территориальную и социальную основу лексических локализмов: в нем представлена информация

об употреблении слов представителями разных социальных групп городов Пермского края.

В «Словаре современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова, а также в хрестоматии А. А. Юнаковской [2007] сделана попытка отразить речевую практику жителей Омска, представляющих различные сферы мегаполисной культуры. Фактографической базой этих изданий являются бытующие в современном городе в ситуациях непосредственного общения разновидности русского языка: разговорная литературная речь, просторечие, возрастные и социальные диалекты, элементы территориальных диалектов.

Словари некодифицированных страт русского языка отражают коммуникативные особенности отдельных, сравнительно небольших социальных групп. Современные возможности науки, наличие обширных электронных лексических фондов и объемных баз данных сегодня позволяют осуществить лексикографическое описание реального речевого существования крупных мегаполисов – показать «типичного горожанина в типических обстоятельствах» [Китайгородская 2010]. В то же время при достаточно большом числе исследований, посвященных русской разговорной речи, ее лексикографическое представление как подсистемы литературного языка еще только начинается. Один из первых крупных проектов в этой области [см.: Химик 2004] – Толковый словарь русской разговорной речи (далее – ТСРРР), работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Авторы-составители опубликовали Проспект словаря [ТСРРР 2010], в котором подробно изложили принципы отбора лексики и ее описания в словарной статье.

Основу словника ТСРРР составляют данные записей современной разговорной речи и Национального корпуса русского языка, материал современных толковых словарей (лексика с функционально-стилистическими пометами *разг.*, *прост.*, с эмоционально-экспрессивными пометами *бран.*, *пренебр.*, *груб.*, *неодобр.*, *фам.*), а также научные работы по разговорной речи. Главная цель

составителей словаря – отразить актуальную, коммуникативно активную лексику русской разговорной речи текущего времени.

Разговорная речь в концепции Московской лингвистической школы [Русская разговорная речь 1973] понимается как некодифицированная разновидность русского литературного языка, которая реализуется в условиях непринужденной, заранее не подготовленной устной коммуникации людей, не находящихся в официальных отношениях друг с другом. В ТСРРР представлен лексикон носителей литературного языка, преимущественно жителей культурных центров России – Москвы и (в меньшей степени) Петербурга.

Как уже указывалось, в начале XXI века русская разговорная речь претерпела определённые изменения. Во-первых, в самом лексическом составе: существенно расширилась сфера ее использования. Кроме бытовых ситуаций с типичными для них формами непринужденного общения, активное применение разговорной речи наблюдается в ситуациях публичной коммуникации. Во-вторых, изменения произошли в соотношении различных стилистически маркированных единиц. Составители говорят «об определенной разношёрстности лексики, которая составляет словарь современной разговорной речи» [ТСРРР: 10].

Помимо слов и оборотов вполне «интеллигентных», типа *брякнуть*, *всыпать*, *докопаться (до истины)*, *заядлый*, *изовратиться* и др., в современной разговорной речи системно представлены стилистически сниженные единицы, нередко несущие на себе отпечаток определенной социальной среды, но в то же время широко употребительные в непринужденной речи современных носителей литературного языка. Такие социально отмеченные лексемы снабжены соответствующими пометами, которые и позволяют увидеть качественное разнообразие лексикона, многообразие носителей литературного языка.

По наблюдениям социолингвистов, в разговорной речи образованного городского населения сильна субстандартная составляющая [Ермакова 1999; Крысин 2001; Романенко 2007 и др.], востребованная «парадоксальными лингвокультурными предпочтениями нашего времени» [Жданова 2008: 62].

В ТСРРР включено значительное количество слов «общего жаргона», что подтверждает сильную степень жаргонизированности речи современного русского интеллигента. Используемая в словаре помета *жарг.* (жаргонное) приписывается также словам, не имеющим ясно определяемой связи с каким-либо конкретным жаргоном: *кинуть* «обмануть, выманив деньги», *заказуха* и «заказное убийство», и «сделанное по заказу», *загудеть* «уйти в запой», *бобер* «важное лицо, состоятельный человек», *отстегнуть* «отдать деньги», *сольник* «сольный концерт эстрадного артиста или эстрадной группы».

В разговорной речи встречаются также единицы, пришедшие из конкретных жаргонов, об этом свидетельствуют пометы *студ.* (студенческий жаргон), *школьн.* (школьный жаргон), *молод.* (свойственно речи молодежи), *комп.* (компьютерный жаргон) и/или комментариев, приводимый в прагматической зоне словарной статьи. Например: *академка* «академический отпуск» *студ.*; *универ* «университет» *студ.*; *училка* «школьная учительница» *школьн.*; *трудовик* «учитель труда в школе» *школьн.*; *вечерник* «студент вечернего отделения в вузе», *употребляется в вузовской среде*; *англичанка* «преподавательница английского языка», *употребляется в школьной и вузовской среде*; *забить* «впечатать данные в определенное для них место», *комп.*; *висеть* «не реагировать на действия оператора (о компьютере, программе)», *комп.*

Последняя помета, однако, неоднозначна. Судя по материалам словаря, помета *комп.* маркирует слова не только собственно жаргонные (*лечилка, стрелялка, мочилка, глючить, загружаться, апгрейдить*), но также большой пласт слов, которые употребляют люди, профессионально не связанные с компьютером, т. е. рядовые пользователи (например, *сеть, закачивать, снести, убить, записать, вылетать*). В данном случае наблюдается явление, аналогичное описанному Л. П. Крысиным применительно к лексике медицинской сферы: люди, не владеющие какой-либо конкретной профессией, но вынужденные в силу жизненных обстоятельств сталкиваться с соответствующей областью человеческой деятельности, преодолевают коммуникативные затруднения, обозначая

специальные понятия общеупотребительными словами [Крысин 1989: 72]. Таким образом, помета *комп.* в ТСРРР маркирует как слова компьютерного жаргона, так и слова профессиональной компьютерной сферы, которая в силу своей актуальности и широкого распространения выделена из круга иных профессиональных сфер.

Вместе с тем в ТСРРР используется помета *проф.* (профессиональное), которой недифференцированно отмечены слова разговорной речи, обнаруживающие связь с определенной профессиональной сферой общения: *встречка* «встречная полоса автомобильного движения; *характерно для речи автомобилистов и служащих ГИБДД*»; *жушок* «скрытое подслушивающее устройство или скрытая видеокамера; *характерно для речи служащих спецслужб и частных сыскных агентств*»; *квадрат* «квадратный метр; *характерно для речи риелторов, для служащих ЖКХ*».

Особый интерес представляет помета *сниж.* (сниженное), которая характеризует экспрессивно окрашенную лексику: *ржать* «громко хохотать», *заткнуться* «замолчать», *трепаться* «излишне много и без особого содержания разговаривать с кем-л.», *рубить* «есть с жадностью, с аппетитом», *жук* «хитрый человек, плут». Данная помета введена в связи с исключением пометы *прост.* (просторечное), которая в обычных толковых словарях имеет достаточно размытое содержание. С одной стороны, помета маркирует лексические единицы, которые употребляются в речи носителей просторечной культуры, малограмотных, не знающих литературного языка жителей городов: *обвернуть, церква, простынь, повидла* и др. Такие слова не соответствуют литературной норме и являются эмоционально нейтральными. С другой стороны, в толковых словарях пометой *прост.* отмечены единицы, которые являются эмоционально-экспрессивными. Носители литературного языка не употребляют нейтральные просторечные слова, вместе с тем они активно пользуются экспрессивной лексикой, занимающей на стилистической шкале место ниже разговорной. Поэтому отказ от пометы *прост.* и замена ее пометой *сниж.* представляется вполне закономерным фактом.

Таким образом, лексикографические источники фиксируют важнейшую черту современной коммуникации – полиглоссию. Однако речь сельских жителей и горожан различается репертуаром конкретных языковых страт, используемых в коммуникации. Многоречие носителей народно-речевой культуры представлено диалектной, просторечной и в меньшей степени литературно-языковой составляющими.

Обобщенный лингвокультурный портрет образованного россиянина, по данным словарей, можно очертить следующим образом: это носитель литературного языка, употребляющий в определенных коммуникативных ситуациях лексику общего жаргона, профессиональные жаргонизмы (особенно активно слова компьютерной сферы), а также сниженную просторечную лексику. Расширение границ речевой свободы свидетельствует о функциональной значимости многоречия в современной коммуникации.

Лексикографические источники

- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – М.: Азбуковник, 1999.
- Полный словарь сибирского говора / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1992–1995. Т. 1–4.
- Псковский областной словарь с историческими данными. – Л. : Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–1996. Вып. 1–12.
- Словарь Брянских говоров. – Л. : ЛГПИ, 1976–1988. Вып. 1–5.
- Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–1999. Вып. 1–4).
- Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова – М. : Астрель, 2003.
- Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Г. А. Барина и др. / под ред. И. А. Осовецкого. – М. : Наука, 1969.
- Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект // под ред. Л. П. Крысина. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010.
- Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной речи. – СПб., 2004.

Литература

- Грузберг Л. А., Ерофеева Т. И.* Социолингвистический глоссарий пермских локализмов как словарь нового типа // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М. Г. Абрамзона. М. ; Магнитогорск ; Новосибирск : Изд-во ООО «Аналитик», 2009. Вып. 2 (24). С. 476–481.
- Ерофеева Т. И.* Штрихи речевого портрета Прикамья: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010а.
- Жданова В.* Городской жаргон как маркер этикетного поведения // Язык современного города : тез. докл. конф. Восьмые Шмелёвские чтения. – М. : ИРЯ РАН, 2008. – С. 61–63.
- Земская Е. А.* Новое в языке современного русского города (о явлениях аналитизма, присущих городской речи) // Язык современного города : тез. докл. конф. Восьмые Шмелёвские чтения. – М. : ИРЯ РАН, 2008. – С. 66–67.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М. : Языки славянских культур, 2010.
- Козырев В. А., Черняк В. Д.* Русская лексикография : пособие для вузов. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
- Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М. : Наука, 1989.
- Крысин Л. П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – № 1. – М., 2001. – С. 90–106.
- Крысин Л. П.* Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике / Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 11–29.
- Купина Н. А.* Разноязычие и многообразие в социокультурном пространстве России: к постановке проблемы // Изв. Урал. ун-та. Гуманитарная серия. – 2013. – № 1. – С. 78–85.
- Романенко А. П.* Особенности современной словесной культуры // Язык в движении : к 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 506–520.
- Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1973.

Сиротинина О. Б. Есть ли социальная обусловленность типов речевой культуры? // Язык в движении : к 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 563–568.

Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска) : хрестоматия. М. : Языки славянской культуры, 2007.

Глава 2

МНОГОРЕЧИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ

2.1. Диалектное субъязыковое пространство Среднего Урала

Н. И. Коновалова

Материалы Национального корпуса русского языка позволяют говорить о том, что в современной речевой практике и, соответственно, в языковом сознании социума складывается некий лингвокультурный типаж *«ты (он, она...) с Урала»*. В Интернете даже существует сайт *«Мы с Урала»* [vk.com/club30432719], возникший как альтернатива форуму дискуссионного клуба «Эхо Москвы» *«Вы с Урала»*, где на вопрос о выражении *Ты что, с Урала?* давали разные ответы, в том числе такой¹⁸: *«Может, это особая манера говорить, хотя я такого не замечаю, вроде, также говорят»* [echo.msk.ru/blog/echomsk/847356-ech16].

Так как же говорят на Урале? Каково оно, диалектное субъязыковое пространство Урала? Очевидно, должны быть определенные **языковые знаки-идентификаторы региональной идентичности**.

Напомним, что первоначально топоним *Урал* (ur-ala – ‘вершина горы’, манс.; по другой версии – ‘пояс’ от тюркского глагола

¹⁸ Здесь и далее в примерах, взятых с интернет-сайта, сохраняется пунктуация и орфография авторов.

уралу, оралу ‘опоясывать’) использовался для обозначения южной части современного Урала. Остальную часть русские первопроходцы называли так же, как и местное население – *Камень*, или *Сибирская Украина*. Со второй половины XVIII века, с начала промышленной колонизации региона, под Уралом стали понимать весь Уральский хребет с прилегающими к нему районами [см., например: Матвеев 2008: 6–8]. Своеобразные реликты осознания такого положения можно обнаружить в социологической статистике сайта «Мы с Урала» (кто может считать себя уральцем):

Челябинская область	26 %
Свердловская область	25 %
Республика Башкортостан	17 %
Оренбургская область	9 %
Пермский край	9 %
Тюменская область	4 %
Республика Коми	1 %
Курганская область	1 %
Другие субрегионы ¹	2 %

Урал – территория позднего заселения, поэтому уральские говоры относятся к вторичным, сформировавшимся на основе северновеликорусского наречия, а также не без влияния языков нерусского автохтонного населения (татарского, башкирского, коми и др.) и переселенцев с других территорий. Мозаичное заселение Урала представителями разных национальных культур и носителями одной (русской) культуры – переселенцами с разных территорий России – приводит к закономерному «многоглаголию», к тому, что сегодня мы видим, точнее, слышим на Урале фонетические диалектные особенности, по которым традиционно различали южнорусские и севернорусские говоры. Так, материалы

¹⁹ Очевидно, кроме приведенных в таблице, имеются в виду те субрегионы Большого Урала, которые являются географическими и административными субъектами Урала: Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа [Матвеев 2008: 3].

диалектных словарей и картотек диалектологических экспедиций представляют фонетическую картину уральских говоров – от полного оканья и еканья (на востоке и севере) до неполного (в первой предупредительной позиции) аканья и яканья (на юге). Ср. фрагмент народной песни, записанной нами в д. Катарач Талицкого района Свердловской обл.²⁰: *Пофстрещался молодой подрятищик... / шол он в горот за полуцкёй... / мы вас напоим / мы вас и накормим / и покою вам дадим-да / при роцёте денёжок не хватит / мы по шее вам дадим-да* [КДЭ 2007] и фрагмент рассказа о свадебном обряде, записанный в Нижнесергинском районе: *Бывала шерсть настригём / напрядём / вытким да сашьём / вот и зипун аль каратышка / мой вянчался в зипуне*.

В области консонантизма в речи уральских диалектоносителей отмечаются: а) *г* взрывной и фриктивный: *Право ухо горит / хвалят ли правду говорят / лево ухо горит / ругат кто-то* (Байны, Богдановичский район) // *Заплакал он ек-ту и џаварить / таперь дамой ни пайду* (Манчаж, Артинский район); б) в зубной и билабиальный: *Чох на правду / зевки на неправду* (Североур.) // *Рты балять у манинькай / ничаво ни узять у рот* (Багаряк, Каменский район); в) *ц* и *ч* аффрикаты и фриктивные: *На правду чихатца / на сон позеватца* (Квашнино, Камышловский район) // *Она замужом за вдовсом // курица на улисэ* (Никольское, Камышловский район); г) прогрессивная ассимиляция по мягкости: *Ванька банькю-ту стопил?* (повсеместно) и др. Отметим, что, как правило, ареалы распространения указанных фонетических явлений точечные, даже в соседних населенных пунктах могут отмечаться фонетические различия (естественно, учитываются не индивидуальные произносительные характеристики, а особенности говора в целом).

Казалось бы, отмеченная фонетическая неоднородность не дает оснований говорить об особой манере речи уральцев, о каком-то фонетическом уральском инварианте. И все-таки можно предположить наличие устойчивого ассоциативного стереотипа

²⁰ Здесь и далее при передаче фрагментов диалектной речи используется принятая для полевых записей упрощенная фонетическая транскрипция без надстрочных знаков (кроме ё).

восприятия речи жителей Урала. Этот стереотип основывается на одном (доминантном) признаке – оканье. Последнее подтверждается и самими диалектоносителями в случаях ненаправленной (спонтанной) рефлексии по поводу собственных или чужих высказываний. Она проявляется в автоматическом контекстуальном осмыслении возможной вариативности формы речи. Типичные идентификаторы рефлексивных контекстов: *у нас, по-нашему, не по-нашему, по-городскому, по-ихнему* и т. п. Например: *она не по-нашему говорит, все на «а», да на «а», у нас так-то не говорят* и др. Спонтанная рефлексия более типична для ситуаций естественного общения, в то время как направленная [см.: Блинова 1984; Вепрева 2002; Гридина 1996] чаще отмечается в искусственно смоделированных ситуациях пояснения смысла того или иного диалектного слова или выражения (см. об этом ниже).

Фонетически оформленное многообразие не могло не найти отражения и в диалектной лексико-семантической системе. Этим объясняется весьма пестрая картина, наблюдаемая в уральских говорах. Можно выделить четыре основных ее пласта: 1. Литературная лексика; 2. Диалектная лексика, зафиксированная в разных говорах на территории европейской части страны (сведения об этой лексике представлены в различных диалектных словарях); 3. Заимствования из других языков (в основном эта группа представлена тюркизмами, т. к. большую часть нерусского населения Среднего Урала составляют чуваша, татары, башкиры, казахи); 4. Собственно уральская диалектная лексика и фразеология, не представленная в других русских говорах.

Лексемы первых трех групп в макросистеме уральских говоров подвергаются различным преобразованиям, направления которых демонстрируют субъязыковую диалектную общность различных микросистем.

Собственно уральская диалектная лексика (четвертая группа) демонстрирует в большей степени субъязыковые диалектные различия, нежели сходство. Наиболее значительным показателем «уральского многообразия» является развитая вариативность (в широком смысле – различного рода модификации формы

языковой единицы, не меняющие ее понятийной сущности). Вариативность обнаруживает свою продуктивность на всех уровнях. Помимо отмеченных выше фонетических, функционируют следующие типы вариантов: а) акцентологические; б) грамматические; в) словообразовательные (например, весь спектр суффиксальных производных названий ягод: *голубика, голубица, голубяна, голубянка*); г) номинативные (слова различного звукового и словообразовательного состава, полностью совпадающие по своему значению и отличающиеся принципом, способом или средством номинации). В качестве иллюстрации можно привести тот факт, что в народном сознании по-разному представлены качества, атрибуты, функции лечащих людей в зависимости от их половой принадлежности, даже при использовании одного и того же номинативного признака [см. об этом: Коновалова 2007: 81]. Ср.: *Знахарка // знахурка // знахарица // знатоха // знаха*. Все эти номинации включают культурно-фоновые смыслы: «обладает гипнотическими способностями»; «если знахарка потеряла зубы, она утрачивает способность лечить» и др. *Знахарь // знаток // знатель // знатец* – «лекарь самоучка, действующий собственными способами, с помощью колдовства»; «должен иметь острое зрение, иначе он не видит болезнь». Подобная «специализация» традиционно сохраняется в системе народной медицины до сих пор. Причем различия в номинациях осознаются самими носителями говора, что находит отражение в метаязыковых рефлексивных контекстах: *Порча есть / значит / знатко́й посмотре́л // Вот и говорят / Ой / она знатка́!// Вот у нас старик был такой / говорили / Дедушко-то у Шахуриных знаткой / от ево никаки семена не растут и никака скотина не ведётся / он слово како-то знат // Мы сами у ево гусей покупали / дак не могли развести / гусиха насносила яиц / а парить не села на их / они пропали / остыли дак // Потом семена ещё у ево покупали / он в деревне торговал / это ещё ф 70-е годы было / когда не продавали в магазине ничё / а у ево всё росло / гусей были стада / до сотни / офцы плодились/ фсё-фсё // Ещё так говорят про женицин / Она знатка́ // Не знаткая / а знатка́// Так и говорят / они присушками фсякими любовникоф присушивают //*

*Знаткіх-то не любят / это не то / что лекарка или знахарка /
здесь с нечистой связано / после их слоф плохо людям бывает //*
К примеру / дефчонка не любила парня нисколько / а бабушка-то
прошла / её по волосам провела / погладила / и та сразу согласи-
лася взамуж-от / потому что она знатка́ / знат чё-то [Смолин-
ское, Талицкий район].

Продуктивной представляется отмечаемая Н. А. Купиной необходимость «...выявить функциональный диапазон многогребия, его связь с феноменом коллективной идентичности – формированием, сохранением и кризисом последней» [Купина 2013: 72]. Можно предположить, что наиболее перспективными в свете обозначенной проблемы изучения многогребия в современном социокультурном контексте являются социо- и психолингвистический аспекты, позволяющие интерпретировать накопленный диалектный материал с учетом различных дискурсивных практик.

Применительно к субъязыковому пространству Урала можно, по-видимому, говорить о феномене региональной идентичности, имеющем ярко выраженную оценочность и эмоциональность в оппозиции «ВЫ с Урала – МЫ с Урала», где левая часть маркируется, как правило, отрицательно – от легкой иронии до жесткой уничижительно-пренебрежительной оценки.

Изначально отмеченная дихотомия была задана выражением из фильма «Самая обаятельная и привлекательная», прозвучавшим в сцене примерки новых вещей героиней, не разбиравшейся в моде. Продавец, наблюдавший за этой сценой, насмешливо спрашивает у ее подруги: *«Она что, с Урала?»*.

Затем выражение «с Урала» закрепляется некоторыми словарями как синоним к существительному *невежа* [Тришин 2010; Словарь синонимов ASIS и др.]. В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» зафиксирован следующий ряд²¹: НЕВЕЖА – бурбон, бурлак, вахлак, дроволом, мужик; грубый, неблаговоспитанный; варвар, деревня, *ты с Урала*, скотина, шариков, *она что, с Урала*, хам, с *Урала*, селянка, скот, *он что,*

²¹ Сохраняется орфография источника материала.

с *Урала*, солдафон, охламон, плебей, павиан, животное, колхозник, деревенщина, мужлан, пентюх, хамло, облом, колхозница, сиволап, грубиян, тюха-матюха, жлоб, крестьянка, обормот [dazor.narod.ru/books/slovari/slovar].

Ср. также нашумевший сюжет выступления В. Жириновского, ролик которого был выложен в Интернете и подвергся бурному обсуждению: председатель партии Владимир Жириновский, по общему мнению, оскорбил уральцев, назвав их «тупыми».

В интервью каналу «Совершенно секретно» (10/01/2012), рассуждая о первом Президенте РФ, уроженце Екатеринбурга Борисе Ельцине, он объяснил якобы невысокий интеллектуальный уровень последнего его происхождением. *«Ельцин – тупой не только потому, что строитель. Урал, Урал, Урал! Там огромное количество залежей под землей. Это кладовая страны. Там огромное магнитное поле. Там вообще тупое население. От Перми до Екатеринбурга – это население дебильное. Оно, может быть, здоровое, но если взять его по интеллекту – он тупой, до упора. Пермь стоит и так на тебя исступленно смотрит! Это не Ленинград, не Саратов. Я же объехал всю страну. Я сорок лет езжу по стране. Более тупого населения, чем на Урале, нет. И там родился Ельцин»*, — заявил Жириновский [http://glavred.info/archive/2012/01/11/144059-15.html].

Предсказуемой была ответная реакция представителей регионального сообщества (идентификатор *«Мы с Урала»*):

– Ну да. Отличие от питерских точно разительное. Да и от московских тоже. Я когда первые пару лет в Питере жил, и когда первые годы в Москве – все дивился: вы для нас, уральских, как страна непуганых дураков, Ches слово наивные, как две копейки, даже вторую степень устрашения на вас применять не надо, вам или наврешь или чуть надавишь – все, поплыли, уральский парень не такой, он крепкий, целостный, целеустремленный во, чисто про него сказано – «и голове своей руками помогал» (IMG: http://www.forum-tvs.ru/style_emoticons/default/copy.gif).

– А где это – Масква? Это что, город такой в России есть?

– Он под Минском, на карте посмотри.

– Масква это тама, где даживают масквичи...

В защиту девушек с Урала выступил журнал «Cosmopolitan» (www.cosmo.ru/your_career/psihologia/677006): *Мы нашли десять поводов гордиться тем, что ты с Урала:*

Ты живешь в самом сердце России. Урал лежит на границе Европы и Азии, деля не только Россию, но и весь материк на две огромные части.

«Урал – опорный край державы». Еще со школьной скамьи ты знаешь эти строчки: нас учили гордиться этим фактом. Правильно учили: от состояния недр нашей малой родины, не побоюсь этих слов, зависит процветание всей страны! Недаром Урал называют добытчиком и кузнецом: отсюда полезные ископаемые и цветные металлы отправляются по всему миру. А благодаря уральским газу и нефти миллионы людей в России и Европе получают свет и тепло.

Регион славится талантами: первый президент страны Борис Ельцин, писатель Павел Бажов, КВНщик Сергей Светлаков, дизайнер Сергей Теплов, музыканты «Агаты Кристи», Вячеслав Бутусов (свердловский рок – вообще понятие культовое!), певица Юлия Савичева и продюсер Макс Фадеев, Земфира – все они родом с Урала.

Наши земляки создали первый русский паровоз и велосипед.

Урал – самый «столичный» регион. Имеется в виду тот факт, что на Урале 4 столицы: Екатеринбург – столица Среднего Урала и всего Уральского федерального округа; Челябинск в 2002 году получил статус столицы Южного Урала; Пермь – столица Прикамья; Уфа – главный город Башкортостана, составляющего часть Урала, а Курган – столица Зауралья.

На Урале есть своя Неделя моды. Не каждый регион может похвалиться наличием подобного шоу.

На Урале находится самый северный небоскреб. Мы – третья российская столица, и у нас самый современный аэропорт.

Урал – самый горнолыжный регион. Серия аргументов – ассоциативных отсылок к разного рода книгам рекордов.

И, наконец, самый главный для «гламурных девушек» аргумент рекламного характера: ***Каждый месяц ты читаешь свежий номер «Cosmo Урал».***

Дискурсивные практики подобного рода свидетельствуют о важности рефлексии над лингвокультурным феноменом региональной идентичности. Этот феномен характеризует пространство не только говором определенной территории, но и все открытые для лингвокультурного взаимодействия субъязыки различных социальных групп, объединенных коллективным представлением об органической связи с Уралом, его историей и современным социокультурным контекстом. На наш взгляд, наиболее адекватным и перспективным путем изучения субъязыкового пространства любого региона, в том числе Среднего Урала, может стать выявление и описание связанных с ним ассоциативных стереотипов социального, возрастного, гендерного, профессионального и пр. характера.

Источники

<http://echo.msk.ru/blog/echomsk/847356-ech16>

<http://glavred.info/archive/2012/01/11/144059-15.html>

IMG: http://www.forum-tvs.ru/style_emoticons/default/copy.gif

КДЭ – Картотека диалектологической экспедиции кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета 1990–2013 гг.

Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Режим доступа: <http://dazor.narod.ru/books/slovari/slovar>

Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS для Lingvo 8/9, 2010. – Режим доступа: <http://slova.zkir.ru/index.php>

<http://vk.com/club30432719>

Литература

Блинова О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект. – Томск : ТГУ, 1984.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2002.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. – Екатеринбург : «АТгрупп», 2007.

- Купина Н. А.* Разноязычие и многоречие в социокультурном пространстве России: к постановке проблемы // Изв. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. – № 1, 2013. – С. 78–85.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008.

2.2. Просторечие на стыке лингвокультур

И. В. Шалина

Взаимодействие разных типов лингвокультур составляет специфику коммуникативно-культурного пространства современного города, в котором, по словам Ю. М. Лотмана, «реализуются стыковки различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов» [Лотман 1984: 35]. «Полиглотизм горожанина» (Б. А. Ларин) в той или иной мере определяется типом города (большой / малый; столичный / провинциальный; культурный / промышленный центр и др.), пестротой социального состава населения (коренные жители / приезжие; русские / инородцы; бедные / богатые и др.), размытием границ между разными коммуникативными сферами городского пространства, существованием разноязычных коллективов, члены которых демонстрируют многообразие коммуникативных практик. По справедливому замечанию Б. А. Ларина, «содержание лингвистической истории большого города – в борьбе языков, отражающей непрестанное столкновение и скрещение в нём разнородных культур» [Ларин 1977: 190].

Среди разновидностей городской речи традиционно выделяется просторечие. Характеризуя языковую ситуацию первой трети XIX века, В. В. Виноградов отмечает, что просторечие «трудно отделить от “простонародного” языка, объединившего речевые навыки крестьян, в том числе и дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще всех демократических слоев населения, не тронутого литературным образованием» [Виноградов 2000: 429]. В современной языковой ситуации

городское просторечие сохраняет статус подсистемы с диффузными границами и «продолжает питать литературный язык новыми средствами, которые используются в качестве стилистически нейтральных, стилистически окрашенных или контекстно ограниченных единиц» [Крысин 2008: 69].

В русистике сложилось мнение о монофункциональности городского просторечия, его слабых адаптационных механизмах. Так, утверждается, что носитель просторечия при изменении ситуации общения и характера коммуникации не способен менять регистры общения, сохраняя свои речевые привычки, «не задумывается о нормах речи, уместности и сообразности своего словоупотребления» [Капанадзе 1984: 10]; у него «слабо работает ограничительный механизм» [Прияткина 2000: 236].

Имеющийся в нашем распоряжении материал – устные и письменные тексты носителей просторечия-1 и просторечия-2 – [Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы 2011] позволяет скорректировать данные утверждения. Среди носителей просторечия есть консервативные и гибкие, открытые к восприятию «чужой» речи и новаций. Все они пассивно или активно владеют литературным языком и, несмотря на отсутствие глубокого аналитизма при выборе средств языкового выражения и ортологическую непросвещенность, способны к кодовым переключениям, а носители просторечия-2 – к языковой рефлексии и языковой игре.

В неконфликтном коммуникативном взаимодействии на стыке лингвокультур носитель просторечия реализует стереотипную установку: *с культурным человеком говори по-культурному*. Например, в общении незнакомых людей наглядно выявляется ситуативно-ролевая позиция говорящего (клиент, случайный попутчик, продавец и т. п.) и более глубокое – конвенционально-культурное основание. Приведем фрагменты диалогов, которые инициируются носительницами просторечия-1 А²².

²² Символами * и *...* отмечаются просторечные единицы разной длины.

А. некоторое время внимательно разглядывает стоящую на автобусной остановке незнакомую женщину Б., а потом вступает в общение:

А. *Дама* / у вас шуба дорогая? Слушайте* / чё* стоит?*

Б. *Да нет / не очень //*

А. *А я свою цигейковую дóху* токо* по праздникам / а на постоянную носку в транспорте-то трепать / в пальтушке* зиму пробегаю //* А чё* это за мех?

Б. *Да это кролик крашеный //*

А. *Ты скажи / научились //* Но красиво!

А. замечает, что сидящая рядом с ней в трамвае незнакомая женщина крестится, проезжая мимо храма:

А. *Да / много церквей в городе понастроили //* Женщина / а вы боговерующая*?

Б. (смущенно) *Ну-у /да //*

А. *А вот подскажите мне / как церковь-то называется / ну которую построили в центре /где памятник раньше стоял?*

Б. *Это какой? А-а /Мальшеву памятник? Там Златоустовский храм //*

А. *Вот-вот-вот / Златоустовский значит (Пауза) А я в церкву* на Паску* / кулич нынче и яички* святить носила //* Народу много было // Свечечки поставила // А попы все нарядные / в белом / поют «Христос воскрес» // Красота такая! (Пауза) *Чё дак вот* / нас приучили / Мы в Бога не верили // Раньше комсомолия*была / пионерия всё //

Характерные для просторечной культуры установка на другоцентричность, стереотип коммуникативной компенсации основываются на ожидании отклика незнакомого человека, прогнозировании унисонности речевых реакций. В просторечии, культуре контактной, конвенционализируются как вторжение в чужую личную сферу, так и открытость собственной личной сферы, прямооценочность. Маркером осознанного выбора контактоустанавливающего средства в ориентации на код адресата (см. диалог 1) выступает не характерный внутри просторечной коммуникации (в отличие от апеллятива *женщина*) апеллятив *дама*.

Общение членов *своего круга* выявляет еще один фактор, обуславливающий гибкий переход на иной код, – это та область знаний, в которой человек чувствует себя наиболее компетентным. Приведем пример телефонного разговора. Коммуникантки – пожилые женщины, связанные родственными отношениями (они сватки). Бывший врач, носительница литературной культуры, обращается за советом (как вылечить ожог) к квалифицированной медсестре **Ф. П.**, носительнице просторечной культуры. Приведем фрагмент телефонного разговора:

Ф. П. Руки мойте все время / потому что вы можете занести инфекцию // Марганец тоже хорошо / сам Бог велел/ он же *дезинфицирует инфекцию* / слабый раствор / чтоб не щипало / крепкий будет щипать / еще дополнительно можете сделать ожог // Слабенький-слабенький / прям чуть розовый // В кипяченой водичке* немного / где-нить* в мензурочке* или столовой ложечке* ненужной или в баночке* / ага // Площадь-то большая? Да? Кошмар! И третьей степени пузыри / *спали дак* // Возвышение такое / да? // Ну ярко-красное / да? Ну вот / значит первой степени // А вообще-то* пантенол очень хорошо / он пленку создает защитную / инфекция туда не попадает // И она [мазь. – И. Ш.] как высыхает / так кожу и / эт самое // Состав у нее такой / там витамин B₅ / дак быстро заживает // Нам вот давали по две-три упаковки на смену [вспоминает свою работу в пионерском лагере. – И. Ш.] // Вот дети вот бегают там // Просидят* вот на солнышке*/ часа два-три пролежат*/ конечно / у них там ожог // Бывало / раз / намажешь / и всё / на второй день вообще* даже не видно // Вот здоровая ткань и такая // Замечательная мазь // Ну ладно / давайте поправляйтесь // Чё-то* кака-то* напась* на вас / то одно / то другое / ага // Ой / да не говорите // Ага / ну конечно // *Чё / мама дак мама* [о престарелой матери собеседницы. – И. Ш.] // Слабось* / Тамара Санна / слабось* / погода такая // Давление постоянно / ну потому что мало двигаетесь // Ну ничё* / ничё* / давайте поправляйтесь Тамар Санна // Господи //

Ф. П. контролирует свою речь с учетом интенций и статуса адресата, следит за налаживанием обратной связи. Медицинская сфера – та область, в которой она членами «своего круга» признается наиболее опытной. К ней обращаются за профессиональным советом родственники, соседи, знакомые, и она стремится соответствовать возлагаемым на нее ожиданиям. Функцию кодовых переключателей выполняют медицинские термины и клише: *пантенол, слабый раствор* (марганца), *пузыри третьей степени, здоровая ткань, занести инфекцию*. О скорости переключения свидетельствуют быстрота речевой реакции, отсутствие пауз хезитации, характерный для информативных отрезков речи ритмико-мелодический рисунок. Полного переключения на литературный код все же не происходит. Этому препятствуют автоматически проскальзывающие диалектные и просторечные вкрапления (*Чё-то кака-то напась*); плеонастический монтаж слов (*дезинфицирует инфекцию*), высокая частотность диминутивов (*водичка, мензурочка, ложечка, баночка*), «небрежный» синтаксис.

В семейном общении коммуникативная гармония / дисгармония на стыке культур зависит от соблюдения / несоблюдения правил конвенционального ролевого поведения, соответствующих ожиданиям членов семьи, этического кодекса, реализации речеповеденческих стереотипов. Так, консерватизм старших членов семьи, отстаивающих правила ролевой иерархии, семейные традиции, могут вызвать коммуникативное упрямство младших, что приводит к семейным конфликтам. С другой стороны, коммуникативный лад обеспечивают принятие семейных стереотипов, стиливой манеры общения, целесообразный переход на просторечный либо иной код. Например, **Т.**, носительница просторечия, которая вышла замуж за татарина, дает наказ внучке: *Мы с бабушкой када* сошлись / зор анкей (мать мужа. – И. Ш.) мне говорила / «Вы разные нации // Живите так / чтобы никто про вас ничё* плохого не сказал» //; Мне зор анкей всегда говорила / а она женищина умная была / занята ты / не занята / можешь / не можешь / а чаем всегда гостей напои //*

Советы свекрови усвоены невесткой и передаются младшим членам семьи как руководство к обеспечению коммуникативного лада с мужем, родственниками, соседями. Показательно, что в условиях контактного билингвизма **Т.** легко переходит на чужой код. Татарская лексика часто используется ею по типу вкрапления: (внукам) *Так / всем **рахмат** (спасибо. – И. Ш.) сказали / и вышли из-за стола //; Тетя Наиля придет / вы с ней поздоровайтесь / скажите «**Исамэсэс**» (здравствуйте. – И. Ш.); // Зор анкей меня никада* не называла невестка / а всегда грила* «**кыз**» / то есть дочка //*

Приведем фрагменты семейного разговора [ЖРУГ... 2011: 16–30], участниками которого являются представители разных поколений одной семьи, живущей в г. Верхняя Салда Свердловской области. **К. П.** и **Г. О.** – бабушка и дедушка, пенсионеры. **В.** – внук **К. П.** и **Г. О.**, инженер; **Н.** – жена **В.**, работница ЖКХ, студентка-заочница. Молодожены **В.** и **Н.** часто навещают больных стариков, помогают им по хозяйству. Анализ подтверждает, что внутри «своего круга» реализуются ценностные установки просторечной культуры, интегрирующие общение: «Родственники, близкие люди должны стремиться к налаживанию долгосрочных отношений, поддерживать друг друга морально и материально, помогать друг другу»; «Старшие члены семьи должны быть опытными и мудрыми советчиками, защитниками, покровителями младших» [Шалина 2010: 415]. Об этом свидетельствуют реплики коммуникантов: **Н.** *Вам чё-нить* помочь / баба Клава? Давайте / может быть / хоть картошки почистить?; В.* *Я вам стекла привез //; Мама попросила давление смерить / съездить к тебе //; Г. О.* (обращается к **Н.**) *Его не ругай / када* задержится (В. помогает старикам делать теплицу. – И. Ш.) // Мы же старенькие / всё не можем // Вся надёжа* на него / на вас // Будете помогать / дак* нам сразу хоть полегче //*

Установка на кооперативный диалог и шутливую тональность, ориентация на Другого охотно поддерживаются и старыми, и молодыми. Члены семьи реализуют коммуникативное право на «открытую регуляцию речевого поведения своего партнера»

[Матвеева 1996: 169–170]. Старики, большую часть жизни *робившие* в заводе, инициируют вопросы, связанные с темой труда, которая является сквозной в семейном просторечном общении, что свидетельствует об уважительном отношении к трудящемуся человеку и труду как источнику материального благосостояния и естественной потребности:

Г. О. (Обращается к **Н.**) *Как у тебе* служба идет? Нищё*?*

Н. *Служба? Идёт / куда она денется //*

К. П. *Ты на работу-то хотела / дак щё*?* (**Н.** ищет другую работу. – *И. Ш.*)

Н. *Да ничё пока //*

К. П. *Пока нищё*?*

Г. О. *Сёдня робили?*

Н. *Да //*

Г. О. *У те када* по графику отпуск?*

Н. *В сентябре //*

Г. О. *И у Владика в сентябре?*

Н. *И у Владика <...>*

Г. О. (Шутливо) *Ты каким нацальником-то* хоть робишь-то*?*

Н. *Большим-им (Смеется) //*

Г. О. *Большим? Портфель у тебе чёрный? Коричневый?*

В. *Второй снизу начальник / да?*

Г. О. **У мене дак чёрный* // Я с па... / с папкой хожу / ходил //*

В. *Портфель страусиной кожи //*

Н. *Лаковый //*

Дед гордится внуком и невесткой, которая, по его представлениям, *служит* большим начальником и, значит, руководит людьми, отдает распоряжения, носит бумаги в *черном портфеле*. Стереотип *начальника* укрупняет не только ее статус, но и собственный статус старика, который любит вспоминать советское время, когда он ходил на работу с *черной папкой*. Дед не замечает иронии молодых, которые подсмеиваются над его «амбициями».

Младшим членам семьи, недавно поженившимся, в свою очередь, интересны семейные истории: когда поженились **Г. О.**

и **К. П.**, сколько лет им было, как и где они отмечали свадьбу и т. п. Чувство причастности к одной большой семье, уважение к деду и бабушке, которые сыграли золотую свадьбу и до сих пор сохранили чувство любви и взаимной привязанности, обуславливают межпоколенную связь и гендерную идентичность, неподдельный интерес, с которым слушаются и обсуждаются семейные предания:

Н. *А вы поженились / скоко* вам лет-то было?*

К. П. *Вот мы с ним двадцать четвертого апреля расписались / на Паску* как раз // Паска* была восемнадцатого апреля / а тридцать первого мая мне исполнилось двадцать / а ему двадцать два //*

Н. *Дак* нормально //*

В. *Дак* нынче пийсят* лет будет?*

К. П. *Было //*

В. *А-а / было / было // Мы золотую свадьбу / точно / вам справляли // Тебе семисят лет юбилей отмечали / и золотую свадьбу вместе //*

Н. *В двадцать лет как раз // А просто Пасха в этом году в мае // А юбилей у вас получается / получился в апреле // Я Владиду грю / как так / вы вроде верующие / а в пост поженились / получается // Оказывается Пасха была ещё / до //*

К. П. *Нет-нет-нет / мы на Паске* нет //*

Рассказы о работе, обсуждение последних новостей, воспоминания о прожитой жизни сопровождаются забавными историями и шутками, снимающими коммуникативное напряжение. Ответная смеховая реакция является знаком одобрения и принятия шутки.

К. П. *А я ить* в этом / кузнечном робила* там // Как этот / молот-то этот самый был тяжелый // Ой / щё* же / сорок пять тонн / или сто двадцать //*

В. (подхватывает) *Тыщ* тонн // Сто двадцать пять тыщ* тонн //*

К. П. *А знаешь / ковали эти / к самолетам // Я забыла / как они назывались //*

В. *Лопатки?*

К. П. *Баушка-покойница* // Царство ей небесное // «Осамилки* проклятые» // Надо «комсомолки» / а она «осамилки» //*
Все смеются.

Несмотря на асимметричность отношений, молодым также дается право на шутки и балагурство:

К. П. **Дак это тоже* / лучшие помидоры не ись* //*

Н. **Помидоры полезные от рака* //*

К. П. *Правда?*

В. *И *от рака / и от срака* //*

К. П. *Точно //*

В. и **Н.** смеются.

Фонетические и лексико-грамматические субъязыковые единицы, устойчиво реализующиеся в просторечной среде (*шланга, баушка, двести ведер* (род. п. мн. ч.) и под.), не вызывают отторжения и насмешек образованных молодых людей, владеющих нормами литературного языка. Отсутствие контроля за речью в «своем кругу», доверительная тональность межпоколенного семейного общения, «спектр стереотипических аналогий у живущих в общей языковой и культурной среде» [Гаспаров 1996: 305-306] делают возможным как отзеркаливание просторечных образований, так и их присвоение. Последнее проявляется в автоматическом употреблении этих специфических элементов в речи образованных членов семьи:

К. П. *Надо мне в больницу сходить / наверное //*

Н. *А *в завод*-то сходить низя?*

В. *Дак* она не работала *в заводе* //*

Г. О. *Работала / в тридцать пятом цехе //* *Да щас пускают всех в завод //* *А тем более она же (Пауза) там в бюро пропусков соседка //*

Г. О. *Ваши [о родственниках Н.] скопали* уже?*

Н. *Под мелочь скопали* и посадили уже //*

К. П. *Мне щё-то* подушечки* / конфетами вас угостить?*

Н. *Баушка* / не надо //*

Г. О. *Каждый* год навозу ложим-ложим* / а как сто лет не ложили* / одна глина // Камень все смывает //*

В. *Керамзиту надо ложить* / торфу надо //*

Немаловажным фактором, гармонизирующим общение на стыке культур, является языковая личность самого носителя просторечия, которой свойственны экстравертированность, коммуникабельность, развитое языковое чутье. Нам удалось записать публичное выступление перед школьниками пожилой носительницы просторечия **В. И.** Её пригласили на встречу со старшеклассниками поделиться воспоминаниями о событиях Великой Отечественной войны, рассказать о блокаде Ленинграда, которую она пережила в юности. Коммуникантка, бывший член КПСС, активная общественница, имеет навыки публичного выступления перед аудиторией: *Я уж не буду хвастаться // Я люблю быть на виду / Язык-то у меня подвешенный //; Партсобрания у нас были/ то открытое / то закрытое // Очень часто вела я председательскую работу /// Так что *настажировалась будь здоров* //; Общаться я люблю // Шагала вперед / *шагала в ногу рядом с жизнью* //*

Приведем фрагменты публичного монолога – вступление (1) и заключение (2):

(1) **В. И.** *Итак / начнем мы// Самый тревожный день тыща* девятьсот сорок первого года // Двадцать второго июня / ровно в четыре часа / фашистские самолеты / а также все танки / вся боевая техника обрушились на Советский Союз // В шесть* часов / када* *радио начало передачу* / Левитан таким своим голосом тревожно объявил / что началась* война // <...> Все встревожились / *все были озабоченные* / пошли на работу с большой тяжестью / со слезами и с великим горем / так как все уже ожидали / что возьмут на войну сыновей / отцов / братьев и так далее // Мне было тогда восемнадцать лет // *Как вы знаете / что была тогда комсомолка* // Мы очень звучно* / *с большой инициативой* как говорится / пошли на работу* Раньше было / называлось ФЗУ // Я училась и работала на фабрике швейной / там / где *пошивали одежду* // Мы стали шить военную одежду / гимнастерки <...>*

(2) *Вот / милые дети / храните / *уважайте нашу власть* / нашу жись* // Будьте дружнее / и искреннее / и добрее друг к другу // Теперь можно мне *зачитать стишки кой-какие*? (Читает текст стихотворения) <...>*

Носительница просторечия осознает официальный характер общения, учитывает апперцепционную базу школьников (*Как вы знаете / что была тогда комсомолья; быть мот по географии знает / есть у нас такой город Уфалей / Челябинской области / это где Уральские горы*), пользуется речевыми приемами воздействия на адресата. Сохраняя традиции советской риторики, она легко заполняет речь характерными для того времени публицистическими штампами и экспрессивными стандартами: *товарищи; двадцать второго июня / ровно в четыре часа <...> началась война //; ...фашистские самолеты / танки / вся боевая техника обрушились на Советский Союз //; ...сыновей / отцов / братьев; ...защищать свою великую Родину; немецко-фашистское иго; ...со слезами и с великим горем; Жданов отдал распоряжение*. Штампы попадают в лексико-грамматическое просторечное окружение. Приметы просторечия: слова с искаженным фонетическим обликом *остамент* (постамент); смещенная сочетаемость – *звучно... пошли на работу* (о блокаде), *церемония закончилась весной, немцы были остроумные*; грамматические неправильно-сти – *все были озабоченные; пошивали одежду*. Выделяются также диалектизмы (*оне*); лексикализованные формы просторечно-разговорного характера (*жись, када, тада, быть мот*) и др. Просторечная нарративная манера зримо проявляется при освещении памятных рассказнице фактов жизни в блокадном Ленинграде: *Люди до того дошли/ товарищи / что умирающих людей стали поедать* // Мы жили в двухэтажном домике / и вот семья Яковлевых / дядя Петя умер/ его закопали под окошечком зимой / а когда началась весна / их было пятеро детей // И что вы хотите? Они раскопали отца и стали есть // Голод / это очень страшное явление / так что / милые дети / берегите свою честь / и берегите / как говорится / свою Родину //*

Отметим, что информантка, за которой мы вели длительное наблюдение, владеет набором единиц разных кодов, выбирает целесообразную, с ее точки зрения, манеру коммуникативного межличностного общения. Так, рассказывая о своей семейной беде (измене мужа), она вспоминает, как боролась за него, как ходила к разлучнице – *на вид интеллигентной женщине с двумя детьми*:

В. И. *Пришла / «Здрасстье – Здрасстье» / «Вы к кому?» – Тут такие-то живут? Она значит детей из садика привела / Муж с работы пришел / такой представительный // Все дома были / И я всё высказала// Не на русском языке // Я на таком жаргоне разговаривала / а саму трясло //*

В сознании носительницы просторечной культуры дифференцируются литературный язык (который она называет *русским языком*) и язык нелитературный, на который она переключается в ситуации фрустрации, требующей сильного эмоционального реагирования. Контекст позволяет выявить вербальные сигналы просторечно-разговорного и обценного субъязыка: *сучка, кобелина, распутная, гульванить*.

Нецензурная составляющая – яркая примета просторечия [См.: Купина, Шалина 2004]. В неконфликтном речевом взаимодействии обценнизмы обычно используются в функции эмоциональных вкраплений – как с отрицательной, так и с положительной оценкой. В случаях нейтрального эмоционально-оценочного употребления они выполняют функцию заполнителей пауз, слов-сорняков. Нецензурность в таких случаях редуцируется. На первый план выступает субъязыковая маркированность: *мы так говорим; у нас так принято, со своїми можно*. Главный критерий употребления / неупотребления матизма – адресат как носитель культуры. Действует следующая установка: *культурный человек* не употребляет в своей речи обценнизмы, следовательно, в разговоре с таким человеком необходимо воздерживаться от привычных бранных слов. Установка осознанно реализуется, например, в общении с начальством, которое не впускают в «свой круг». Приведем фрагмент

из разговора рабочих-наладчиков Первоуральского новотрубного завода **М.** и **В. В.**:

М. <...> *почему ты не стал вот с этим разговаривать так?* (имеется в виду употребление обычных в речи **В. В.** бранных слов. – *И. Ш.*).

В. В. *С кем?*

М. *Ну с этим / как его / с начальником // То есь* ты его держишь на расстоянии как начальника-то / да?*

В. В. *Мы с ним не настолько близки //*

М. *А! Вот!*

В. В. *Чтоб [нец. выраж.] //*

М. *Вот ты понимаешь / как интересно / вот уже чё-то* вырисовывается //*

В. В. *Я все понимаю / наскрозь //*

В заключение обратимся еще к одной культурно-коммуникативной практике, которую активно осваивают носители просторечия – практике посещения храмовых служб, участия в таинствах. Определенные трудности возникают в силу недостаточного владения ими субъязыком православия, правилами невербального поведения в храме. По нашим наблюдениям, значимо также бытовое исповедание веры, своеобразное «двоеверие» русского человека, сложившееся исторически в наивном религиозном сознании. Проиллюстрируем данное утверждение рядом высказываний носителей просторечия-2 (**С.** и **О.** – муж и жена):

С. *Моя жись* волнами / то к Богу / то в пьянку // Бывает када* всю ночь хожу молюсь / молюсь / руки вот так делаю (Поднимает руки) // Прошу то денег / мол / подбросить/ то бутылку // Ну главное / норму / чтобы опохмелиться и всё / и больше не прошу // Ну ещё ни разу не было такого / чтобы Бог не подал //*

О. *Я ничё* в церкви не знаю // Мы с Оксанкой пошли как-то в воскресенье // К какой иконке пойти поставить свечки / не знаем // Молебен какой-то шел / чё-то* он им пел / поп-то // Мы у бабок* спрашиваем / «Можно водички набрать?» // Они грят* / «Тихо / када* идёт служба / низя* говорить» // *А мы больно знаем* // Куда со свечками деваться / не знаем // Смотрю / очередь*

стоит / значит / к одной иконе // Ну все встали и я // Кто был? Не знаю / не помню / женщина какая-то нарисована // Эта / поставила я свечку / эта поцеловала // Оксанка потом следом за мной // Ну и чё*?! Мы пришли домой / что у неё дома скандал / что у меня скандал произошёл //*

Перечисленные выше экстралингвистические факторы своеобразного речевого поведения носителя просторечия находят лингвистическое подтверждение. Так, наблюдается фонетическая деформация книжной специальной лексики: *Там вот концес-сии* (конфессии. – И. Ш.) *были / сундукеи* (саддукеи. – И. Ш.) / *фарисеи*; *Завтра будет вынос паляницы* (плащаница. – И. Ш.) / *с крестом пойдут //*; фактографическая и понятийная неточность: *А вот Храм на Крови // На Крови / кровь / дак* эта / туда лучше не ходить//; Вино дают там / не бутылку // Это кровь Христова // И хлеб / специально / как Христос преломлял / дают // Цыганка хотела у него хлеб стащить / дак* её чуть не разорвали / потому что через Христа / вот могла пакости делать //*; стилистическая чересполосица: *Дак* записываться-то надо на прием к батюшке? Батюки* уже пришли / щас* исповедовать будут; Святой отец / благословите на ремонт квартиры*; нарушение этикетных стереотипов: *Христос Воскрес – Спасибо!; Христос Воскресе – Взаимно!*

Наши наблюдения подтверждают вывод Б. М. Гаспарова о том, что «непрерывные коммуникативные контакты приводят к инкорпорации культурного и языкового опыта» [Гаспаров 1996: 115]. Например, носителями просторечия присваиваются православные речевые и поведенческие формулы в ситуации общения со «своими»: *Ангела-хранителя!* (коммуникативному партнеру перед дорогой при прощании); *Спаси Господи! — Во славу Божию!* (благодарность и ответная реакция); *Помогай тебе Господь!* (пожелание успеха); *Благодать!* (выражение состояния радости и умиротворения); *Пойду у батюшки благословлюсь*; поясной поклон и сложение одной руки на другую (невербальная просьба о благословении, адресованная священнику).

Просторечная культура открыта для инокультурных «инвестиций», вместе с тем городское просторечие сохраняет целостность

речекультурных представлений о народных основах жизни. Расхождение «шва» на стыке лингвокультур обусловлено рядом причин, среди которых инерция культурных и идеологических стереотипов, специфика механизмов коммуникативно-ролевого взаимодействия и своеобразие языковой переработки «чужого».

Основной источник

Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия / сост. И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Литература

- Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. – М. : Наука. – 2000.
- Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996.
- Капанадзе Л. Г.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. – М. : Наука, 1984. – С. 5–12.
- Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. – М. : Знак, 2008.
- Купина Н. А., Шалина И. В.* Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 1. – С. 23–62.
- Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. 3. Л., 1928. – С. 61–74.
- Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. – М., 1977.
- Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Семиотика города и городской культуры. Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1984. Вып. 664. – С. 30–45.
- Матвеева Т. В.* Предметная тема как субъективно-модальное средство разговорной беседы // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург : Изд-во «Арго», 1996. – С. 167–180.
- Пряткина А. Ф.* Просторечные новообразования: их основа и судьба // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 231–239.
- Шалина И. В.* Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.

2.3. Разноязычие и многогочение в современной религиозной коммуникации

Т. В. Ицкович

Сегодня объектом изучения в различных областях гуманитарного знания становится религиозная сфера общественного сознания. В лингвистике начинается исследование языка религиозной коммуникации [Бугаева 2010, Гадомский 2005], выдвигается и обосновывается идея существования религиозного стиля, дополняющего существующую парадигму функциональных стилей русского литературного языка [Войтак 2003, Крылова 2000, Крысин 1996, Кожина 2008, Матвеева 2013, Салимовский 2008], осуществляется описание специфических жанров (молитва, проповедь, исповедь) [Войтак 1998, Гольберг 2002, Прохвятилова 1999, Розанова 2003].

Сфера религиозной коммуникации характеризуется использованием двуязычия [Крылова 2008, Матвеева 2013]: сакральный и обыденный языки, в разное время по-разному деля сферы и функции, уживаются в религиозной коммуникации [Унбегаун 1971, Успенский 1994]. В православии в качестве богослужебного языка традиционно используется церковнославянский, в исламе – арабский, в иудаизме – иврит [см. Мечковская 1998].

Говоря о взаимодействии языков в православной коммуникации, Б. А. Успенский отмечает, что диглоссия, т. е. «такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации» [Успенский 1994: 5], трансформировалась в двуязычие, «т. е. сосуществование двух равноправных и эквивалентных по своей функции языков, которое представляет собой явление избыточное (поскольку функции одного языка дублируются функциями другого) и, по существу своему, переходное (поскольку в нормальном случае следует ожидать вытеснения одного языка другим или слияния их в тех или иных формах)» [Успенский 1994: 6]. Нельзя не согласиться с тем,

что двуязычие предполагает борьбу за сферы влияния: «русский язык постепенно оттесняет церковнославянский на периферию языкового сознания, узурпируя права и функции литературного языка и оставляя за церковнославянским, в конечном счете, лишь функции языка культового» [Успенский 1994: 112–113].

Наряду с сакральными языками в каждой из традиционных религий активно функционирует второй, народный язык. Сакральный язык изначально выполняет богослужебную функцию, на нем написаны священные тексты, читаются молитвы в церкви; сакральный язык используется в ситуации официального религиозного общения. Народный язык выполняет миссионерскую функцию, на нем произносятся проповеди, читаются личные молитвы; народный язык используется в ситуации неофициального религиозного общения. О. А. Крылова отмечает: «Сфера церковно-религиозной общественной деятельности оказывается сферой двуязычия: в одних языковых ситуациях используется церковнославянский язык, а в других – церковно-религиозный стиль русского языка» [Крылова 2000: 184].

В России сегодня официально утверждены традиционные конфессии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм. В каждой из этих религий функционирует сакральный язык, использование которого обусловлено исторически и поддержано традицией. В то же время можно отметить роль в религиозной коммуникации русского языка, на котором в силу исторических причин говорят россияне и который многие из них считают родным независимо от национальности.

Российская специфика состоит в том, что русский язык сегодня стал средством религиозной коммуникации не только в православии, но и в других религиях. Он используется в не свойственных ему ранее религиозных конфессиях: исламе, иудаизме, буддизме, о чем свидетельствует Интернет. «Например: “Исламский портал” – уникальный ресурс, где каждый правоверный мусульманин может прочесть исламские проповеди уважаемых имамов на русском и татарском языках» [<http://www.islam-portal.ru/imam/85/>].

Если ранее традиционно каждая конфессия обслуживалась двумя языками (сакральным и народным), то сегодня можно говорить о разноразличии в рамках каждой религиозной конфессии. Сакральный язык как язык богослужения сохраняет свои позиции; профанный язык функционирует в двух разновидностях: языка конкретного этнического сообщества и русского языка. Так, в исламе на территории России используется арабский, татарский и русский языки; в иудаизме – иврит, идиш и русский; в буддизме – санскрит, бурятский и русский. Таким образом, русский язык стал средством не только межнационального, межрелигиозного, но и внутрирелигиозного общения в различных конфессиональных сферах.

Следует сказать о разноразличии в сфере православия. В Русской Православной Церкви для богослужения принято использовать не только церковнославянский язык, но и другие языки, что обусловлено, прежде всего, миссионерскими целями, идеей привлечения новых членов церкви. Так, в Поместных церквях и епархиях Русской Православной Церкви в качестве богослужебного используются русский, белорусский, украинский, абхазский, английский, бурятский, испанский, итальянский, китайский, немецкий, польский, португальский, румынский, тувинский, удмурдский, эстонский, якутский языки, а также язык жестов [<http://www.patriarchia.ru>].

Традиционно языком богослужения в Русской Православной Церкви является церковнославянский язык. Вопрос понятности богослужения на церковнославянском языке периодически поднимается, но остается дискуссионным. Сегодня активно переводятся на русский язык тексты Священного Писания, богослужебные тексты; существуют отдельно взятые храмы, где богослужение ведется только на русском языке; новые богослужебные тексты создаются как на церковнославянском, так и на русском языке.

Отметим, что сегодня происходит процесс активного внедрения русского языка в сферу религиозного сознания, оттеснения церковнославянского языка в изначально присущей ему богослужебной функции. Церковнославянский язык под влиянием народных языков трансформируется в «новоцерковнославянский»:

«В настоящее время существуют три типа литургического «новоцерковнославянского» языка (по терминологии В. М. Мареша): православный русский тип (у русских, сербов, болгар и македонцев), хорватский глаголический тип (у хорватов-католиков), чешский тип (с 1972 г. у чехов-католиков). Число церквей-приходов с богослужением на новоцерковнославянском языке хорватского и чешского типов незначительно» [Толстой 2002: 84].

Наблюдается тенденция уменьшения сферы влияния церковнославянского языка; русский язык все более активно проникает в сферу сакрального: новые богослужебные тексты пишутся не только на «новоцерковнославянском», но и на русском языке, активно переводятся церковнославянские тексты на русский язык – осуществляется процесс, ранее считавшийся абсолютно невозможным [Успенский 1994: 7].

Русская Православная Церковь, стремясь сохранить исторические корни и соблюсти традицию, продолжает настаивать на использовании церковнославянского языка в богослужении, но в то же время разрешает произносить на русском языке только проповедь.

Сегодня можно говорить о симбиозе двух языков в религиозной сфере общественного сознания: «...каждый язык строит свою стилистическую систему по-своему. Мы же ее во много зиждем на русско-церковнославянском симбиозе. Скажем «по-славянски»: *на сосуществовании*» [Толстой 2002: 86].

Таким образом, приметой современной ситуации в российской религиозной коммуникации является разноязычие, причем русский язык используется как средство неформального общения в небогослужебной ситуации в Русской Православной Церкви, а также в иных традиционных конфессиях; частично выполняет функцию богослужебного языка, а также выступает средством межрелигиозного общения.

Говоря о феномене многоречия в религиозной коммуникации, следует отметить, что русский язык, являясь языком межнационального общения, для многих носителей, независимо от национальности, стал центром «воображаемого сообщества» [Андерсон

2001]. При пересечении коллективных представлений «носитель русского языка» и «православный» образуется «воображаемое сообщество» православных носителей русского языка.

Описание русского многогочения в православной среде заслуживает специального анализа. Воспользуемся комментариями пользователей открытой группы православного прихода храма во имя святителя Иннокентия Московского, размещенными в социальной сети Facebook. В наши дни различные формы религиозной коммуникации широко представлены в Интернете (официальные сайты приходов, сайты священнослужителей, сайты православных СМИ и др.). Одна из активно функционирующих форм религиозной коммуникации – группа православного прихода в социальных сетях.

Рассмотрим особенности многогочения на примере текстов, размещенных открытой официальной группой (Facebook «Приход храма Свт. Иннокентия Московского»). Коммуниканты – воцерковленные образованные люди, имеющие одно или несколько высших образований, активные пользователи Интернета, зарегистрированные на Facebook, составляющие сравнительно небольшую часть прихожан храма (в группе зарегистрировано 47 человек, в то время как прихожанами являются более 400 человек).

Обратим внимание на то, что православные члены группы выступают под собственными именами, написанными в основном на кириллице (40 человек из 47), латиница используется существенно реже (8 человек из 47, в том числе священнослужитель). Священнослужитель позиционирует себя так же, как и остальные члены группы, указывая только имя и фамилию, не отмечая свой особый для этой группы людей статус. Имена указываются членами группы в полной форме, не употребляются уменьшительные формы и иносказательные ники. Большой уровень свободы проявляется в использовании аватарок. Коммуниканты визуализируются при помощи фотографий (40 человек из 47) и рисунков. Статус члена группы и использование аватарок не связаны между собой: священник размещает вместо своей фотографии рисунок .

Общение в Сети предполагает свободу, равенство и добровольность участия. Православное общение достаточно жестко

регламентировано: соблюдаются правила этикета, в основе которого лежит иерархический принцип. В православной группе в социальных сетях действуют две противоборствующие тенденции: к свободе и равенству, с одной стороны, и иерархической подчиненности и соблюдению традиций – с другой.

Рассмотрим текст полилога, среди участников которого священнослужитель, то есть лицо, находящееся с остальными участниками в иерархических отношениях (здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация оригинала). Анализируя законченные диалогические единства, можно выявить определенные особенности.

1 реплика. **Илья Aleksandrov**. Прошу помочь завтра на Литургии и водосвятном молебне.

2 реплика. **Андрей Цориев**. Отец Илия, простите, мы в отъезде.

3 реплика. **Oleg Matveyev**. Тоже не могу, занят.

4 реплика. **Юрий Бродский**. Господи, всё в Твоей власти!!! Аще хочеши, благослови о. Илию достойно преодолеть и это препятствие, как многие другие!!! Прп Илия Муромец, моли Бога, чтобы к утру у о. Илии появились надёжные помощники!!!

5 реплика. **Юрий Бродский**. Отче Илия! Весь день живу в неведении: так появились ли у Вас к началу Литургии достойные помощники? Лишь по снежинкам среди майского дня предполагаю, что Илия Муромец помог Вам...

6 реплика. **Илья Aleksandrov** пришли.

Священнослужитель **Илья Aleksandrov** намеренно употребляет латиницу для указания имени и фамилии. С целью визуализации образа он использует шутливую, снижающую пафос аватарку, что говорит о желании представить себя равным, позволить другим определенную степень свободы. В репликах-стимулах и репликах-реакциях священнослужителя (1 и 6 реплики) отмечается

тенденция к иерархичности, увеличению дистанции. Краткость, категоричность, деловитость вместе с тем сочетаются с орфографической и пунктуационной небрежностью, отказом от принятых этикетных формул обращения.

Реплики-реакции прихожан при обращении к священнику содержат форму уважительного обращения, соответствующую требованиям православного этикета: развернутое или сокращенное написание слова «отец», написание имени в соответствии с церковным календарем: *Отец Илия, о. Илию, Отче Илия!*; извинительные конструкции, сопровождаемые смайликами, выражающими эмоцию огорчения: *Отец Илия, простите, мы в отъезде*.

В анализируемом полилоге обращает на себя внимание реплика-реакция 4, представляющая собой молитвенное обращение к незримому собеседнику – Богу, который всегда присутствует в разговоре верующих людей, и святому Илье. Реплика-молитва содержит все свойственные этому жанру характеристики: благоговейное обращение к представителю сакрального мира, отсылку к отсутствию своей воли, просьбу к Богу. Интересно, что реплика-молитва включает две однотипно структурированные молитвы: молитву, обращенную к Богу, и молитву, обращенную к святому. В молитве используются церковнославянизмы, высокая лексика, а также восклицательные предложения. Все это отражает силу молитвенного посыла.

В целом реплики-реакции прихожан отличаются развернутостью. В них наблюдается избыточность средств выражения, дублирование конструкций. Один из участников полилога инициирует продолжение последнего, тем самым обеспечивая продолжение контакта со священнослужителем. Реплика-стимул 4 зеркально отражает конструкцию реплики-реакции: уважительное этикетное обращение, употребление звательного падежа, соблюдение орфографических и пунктуационных правил, отсылка к молитве.

Рассмотрим текст полилога, в котором участвуют коммуниканты, демонстрирующие равенство ролевых позиций.

Реплика 1. Михаил Кривинюк. Особенно мне понравилось, как Маша помогла мальчику с домашней работой по математике :)))

Реплика 2. Oleg Matveyev. Чей пластиковый ребенок?))

Реплика 3. Oleg Matveyev. Кто-то там говорил что детей не будет))))

Реплика 4. Olga Khaidoukova. Как это не будет? Такого не бывает! Наш храм вообще *child-friendly*.

Реплика 5. Oleg Matveyev. Точно ;))

Реплика 6. Михаил Кривинюк. Аминь. И не только *child-*, он вообще *friendly*.

Реплика 7. Oleg Matveyev. Даниил сказал, что ему все понравилось – крестный ход, служба, много детей и салют)) В общем праздник удался)))) Это была его первая ночная служба))

Участники полилога настроены на кооперацию. В репликах содержатся графические символы, означающие улыбку, и не одну:))). Употребление знака улыбки)) позволяет закрепить положительную тональность коммуникативного взаимодействия: *Кто-то там говорил что детей не будет))))*. Демонстрируется понимание интенциональной составляющей инициальных реплик. Последнее поддерживается эмоционально-оценочными реакциями: *Как это не будет? Такого не бывает! Наш храм вообще child-friendly*. Акцентируется поддерживающее кооперацию согласие друг с другом. При этом разговорное выражение согласия *Точно;))* соединяется со словом из религиозного лексикона *Аминь*, означающим в данном контексте твердое согласие и выполняющим функцию экспрессива-интенсива. Об уровне образованности участников полилога говорит свободное включение заимствованной лексики на языке оригинала (*Наш храм вообще child-friendly*) и понимание послания остальными участниками, использующими это выражение в расширительном смысле: *И не только child-, он вообще friendly*.

На странице прихода представлен жанр объявления. Проанализируем тексты, обращая внимание на сигналы многогочечия.

Алексей Кузнецов. *БРАТИЯ И СЕСТРЫ! Помолитесь о ЗДРАВЬИИ болящей рабы Божией матушки Ирины. Матушка моего Духовного Батюшки — о. Сергия Возулкина ПОПАЛА В ДТП!!!* Использование обращения в канонической церковнославянской форме, клишированность, проявляющаяся в употреблении типичных для православной церковной коммуникации конструкций, наличие ласкательных производных, относящихся к мелиоративной лексике, сочетается с употреблением аббревиатуры ДТП, относящейся к сфере современного словоупотребления.

Употребление этикетных форм обращения в православной среде или отсутствие обращения, широкая представленность тематической группы православной лексики и использование безличных и страдательных конструкций придают официально-деловые черты жанру объявления: Татьяна Дёмина. *Братья и сестры! В нашем храме будет осуществляться сбор православной литературы для службы «Милосердие». Книги можно оставить в церковной лавке.* Oleg Matveyev. *В Екатеринбурге открылась выставка «Великая Династия – Великая Россия». Выставка посвящена избранию на царство первого царя династии Романовых.*

Еще одно объявление: Наталья Иванина. *Коллеги! поддерживаем сайт родного прихода! Заходим, лайкаем! Кто соображает в веб-дизайне – помогаем мне советом!* Здесь употребление мы-конструкций позволяет объединить участников группы и в то же время содержит призыв, вызывая аллюзии с плакатами советского периода. Сочетание двух тематических групп лексики – православной и интернет-сообщества – с преобладанием лексем, характерных для Интернета, а также словообразовательная пара (*лайкать* – от *лайк* – «иконка», на которую надо «кликнуть»), чтобы показать, что тебе понравилась информация) создают оригинальный эффект разрушения стереотипа о православном как традиционном, несовременном, косном.

Влияние церковнославянского языка проявляется в употреблении книжных оборотов речи, абстрактных существительных,

слов с возвышенной окраской. В то же время интернет-общение диктует употребление специфических терминов. Наблюдается соединение церковнославянизмов и современной заимствованной терминологии, а также учительная тональность – характерная черта православной коммуникации в Сети: Андрей Цориев. *Так как последнее время наблюдается некоторая невоспитанность некоторых участников дискуссий, все сообщения отныне будут проходить премодерацию на предмет уважительного отношения к людям и литературности языка. Прошу понять и простить.*

Размещение на сайте цитат из авторитетных для православной аудитории источников происходит без комментариев и не имеет внешней причины, кроме мотива участника группы поделиться понравившимися мыслями: Oleg Matveyev. *Преподобный Никон Оптинский говорил: «Гонения и притеснения полезны нам, ибо они укрепляют веру». Преподобный Симеон (Желнин) отмечал: «Желающий спасти свою душу должен помнить, что спастись невозможно без скорби и искушений, а посему и должен благодарить Бога за всё скорбное... Скорби есть по преимуществу удел спасающихся последнего времени: «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22)».*

Сочетание сниженной разговорной лексики со словами, относящимися к тематической группе православия, церковнославянизмами, книжной лексикой придает комментарию эмоциональность, открытость: Karl Friedrich Hieronymus. *Не дожидетесь! пить молча-алкоголизм, а это не моя история). Вы тут совсем охренели вино с жабами и грибами сравнивать. Вино-штука богоустановленная. Квинтэссенция силы и красоты природы. Понятно, что меру нужно знать. Но трезвость представляется мне самым унылым из имеющихся извращений.*

Употребление жаргонизмов, современных заимствований *экин, фейс, брэйнстормят*, фразеологизмов *где уж нам, дуракам, стар и млад*, диминутива *Роня* (от Hieronymus) наряду с перифразой *Дом Божий* – «церковь», призывом к компромиссу, мирному разрешению конфликта (*Мальчики, вы ссоритесь напрасно*) – создают впечатление современности, активной позитивной

позиции, формируют нестандартный образ православного прихода: Кузнецова Ольга. Мальчики, вы ссоритесь напрасно. Новизна и вообще экин радует в нашем Доме Божьем. Но Роня. т. е. Карл отчасти прав — почему бы не запустить общую концепцию хотя бы на фейс — так в Роттердаме делается — собирается стар и млад и брэйнстормят развитие ВСЕЙ СТРАНЫ. Мне вот тоже резьба по березе милее — у нее свой цвет есть, перламутровый... Но да где уж нам, дуракам, чай-то пить. Хорошо, что не в горошек:о))).

Рассказ о хулиганском поступке прохожего начинается с фразы *Сегодня перед началом чтения Покаянного канона*, что для воцерковленной аудитории является точным хронологическим указателем на один из первых четырех дней Великого поста. Пресуппозицией является общее знание о том, что Великий пост — время страстных искушений. Повествовательный ход рассказа подтверждает мысль, которая эксплицирована в последнем предложении: *Чувствуется, начался Великий пост*. Сам рассказ наполнен сочувствием к герою и пониманием скрытых мотивов его поведения. Номинация *буйный алкаш, одержимый белочкой*, использованная в начале рассказа, трансформируется в номинацию *чудо*.

Oleg Matveyev. *Сегодня перед началом чтения Покаянного канона на улице какой-то буйный алкаш одержимый белочкой пытался полоснуть кухонным ножом каких-то ребят. Шум и гам стоял на всю Ивановскую. Нож у него благополучно выбили парни постарше, но он достал второй раскладной и побольше. Пришлось уже дать парням лопату, чтобы было легче его обезвредить. Все происходило под бдительным оком Максима Кузнецова. Пока они его обезвреживали, прохожие вызвали полицию. Приехали минут через 12. Потом уже матушка Наталья видела, как это чудо повязала полиция уже с третьим ножом на Вайнера–Ленина. Чувствуется, начался Великий пост.*

Отметим в качестве предварительного вывода, что отбор тем для высказываний (скандал вокруг группы Pussy Riote, «закон Димы Яковлева», деканонизация святых, избрание Папы Римского, падение челябинского метеорита и др.) характеризуется актуальностью, дискуссионностью, широтой и многообразием.

Интерпретация отобранных для дискуссий и диалогов тем опирается на православное мировоззрение, отсюда стремление к кооперации, сотрудничеству, доброжелательное отношение к человеку в целом, отсутствие фактов речевой агрессии.

В речи отправителей соединяются языковые средства разных «воображаемых сообществ», свободно используются церковнославянизмы, высокая, книжная лексика и сниженная лексика, жаргонизмы, а также заимствования.

В православной группе достаточно велика степень речевой свободы и свободы выражения собственного мнения.

Литература

- Бугаева И. В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под. ред. и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М. : Индрик, 2005.
- Войтак М.* Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) / Текст: стереотип и творчество. – Пермь, 1998. С. 214–230.
- Войтак М.* Религиозный стиль в генологической перспективе / Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь. – Вып. 6. 2003. С. 323–338.
- Гадомский А. К.* Теолингвистика: история вопроса // Учен. зап. ТНУ. Т. 18 (57). – № 1. Филология. – Симферополь : ТНУ, 2005. Ф С. 16–26.
- Гольберг И. М.* Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Кожина М. Н.* Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта : Наука, 2008.
- Крылова О. А.* Лингвистическая стилистика : в 2 кн. Кн.1. Теория : учеб. пособие. – 2-е изд., стереотип. М. : Высшая школа, 2008.
- Крылова О. А.* Существует ли церковно-религиозный (церковно-проповеднический) функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Вопросы теории и образовательных технологий : тез. докл. – Екатеринбург, 2000.

- Крысин Л. П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме – современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура / памяти Т. Г. Винокур. М. : Наука, 1996. – С. 135–138.
- Купина Н. А.* Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2013.
- Мечковская Н. Б.* Язык и религия. – М. : Агентство «ФАИР», 1998.
- Прохватилова О. А.* Православная проповедь как феномен звучащей речи. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 1999.
- Розанова Н. Н.* Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь / Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. Рос. академия наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Языки славянской культуры. М., 2003. С. 343–363.
- Толстой Н. И.* Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз. Вopr. языкознания. 2002. № 1. С. 81–91.
- Унбегаун Б.* Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1971.
- Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М. : Гнозис, 1994.

2.4. Сигналы многоречия в свободном пространстве Интернета

С. Ю. Данилов

Интернет-коммуникация находится на этапе становления, о чем свидетельствуют, с одной стороны, разрабатываемые и принимаемые законы, с другой – разнонаправленные речевые конвенции, декларируемые пользователями Интернета.

Симптоматична информационная заметка, появившаяся в сентябре 2013 г. на странице интернет-газеты znak.com: *Администрация президента решила заниматься Интернетом системно: каждый месяц специальная рабочая группа будет обсуждать, что*

запрещать, а что – нет [Режим доступа: <http://www.znak.com/urfo/news/2013-09-07/1011105.html>. Дата доступа: 02.10.2013].

Разнонаправленность конвенций ярче всего проявляется в противоположных установках на открытость / закрытость информации (распространение публикуемых сообщений на интернет-страницах читателей-комментаторов или запрет доступа к информации и тиражирования сообщений). При ближайшем рассмотрении норм общения в пространстве Интернета отмечается, что «“нетикет”, создававшийся по образу и подобию этикета, обрел самостоятельность и творит свои нормы, которые не изоморфны нормам речевого этикета, более многомерны и индивидуализированы» [Боярских 2012: 95].

Научное описание интернет-коммуникации находится в стадии накопления фактов. Настоящий этап развития интернет-письма фиксируется в коллективной монографии «Неклассические письменные практики современности», в которой за текстами, не имеющими «бумажной» версии, размещенными на форумах, в блогах и социальных сетях, закреплён статус «новой формы существования языка» [Неклассические... 2012: 246].

Выделяются признаки, характеризующие названную форму существования. Важнейший из них – фактура, то есть «материализация с помощью компьютера» [Шмелева 2012: 246]. Автор и адресат относятся к общности лиц, владеющих компьютерной техникой; текст может быть исключительно графическим (нет писчего материала, почерка, полиграфического тиражирования); специфична открытость, публичность межличностного общения и скорость доставки сообщения адресату («графическая устная речь»); общение принципиально мультимедийно и происходит в режиме «кодовой раскрепощенности» [Там же: 246–247].

Признак потенциальной анонимности, присущей автору и адресату записей и комментариев, в современном интернет-письме переосмысливается. Наблюдавшийся ранее парадокс анонимности (*...хочу, чтобы меня читало и комментировало все больше людей, и хочу оставаться неизвестным своему адресату*) преобразован технически и юридически. Широко известное «Дело

Сноудена» показало, что технически участника интернет-коммуникации можно опознать и отследить. Противоправные деяния в интернет-коммуникации влекут административную и уголовную ответственность.

Вместе с тем кодовая раскрепощенность, которую связывали именно с анонимностью коммуникантов, подвергается коррекции непоследовательно. Законы [Режим доступа: <http://econsult.zakonrf.info>. Поиск по запросу «Интернет». 02.10.2013], регулирующие пространство Интернета, существенно не повлияли на признаки интернет-письма (лишь подчеркнули ответственность за распространение информации).

Потенциальная анонимность коммуникантов сегодня определяется отсутствием установки на обязательное знакомство с собеседником, а специфика речевого поведения становится важнейшим средством авторизации (самоидентификации) коммуниканта в пространстве Интернета.

В этих условиях можно говорить о зонах ответственной речи. Например, чиновник, политик, писатель и любой широко известный пользователь Интернета находится в зоне ответственной речи: он не может без должных оснований менять речевые маски, не может немотивированно менять точку зрения по общественно значимым вопросам, кроме того, он заботится об этической и эстетической целостности создаваемого образа.

Зоной ответственной речи становятся авторские интернет-страницы, сайты, блоги, которые ведутся в течение длительного времени и регулярно обновляются сообщениями автора. Безответственное и непоследовательное речевое поведение в этой зоне приводит к утрате доверия и, соответственно, — потере коммуникативного авторитета. Подчеркнем, что в зоне ответственной речи пользователь часто чувствует себя защищенным от «нежелательного» контекста.

Зоной сниженной ответственности речи становятся страницы комментариев актуальных сообщений, особенно на сайтах с упрощенной регистрацией или без какой бы то ни было регистрации пользователя. Получение полного списка сообщений такого

коммуниканта технически затруднено. В зонах сниженной ответственности коммуникант предстает как носитель ближайшего коммуникативного прошлого и ближайшего коммуникативного будущего.

Зона повышенной речевой ответственности

Блоги (интернет-дневники) становятся «своего рода “узлами” интернет-коммуникации» [Мечковская 2009: 452]. Открытый в Интернете для чтения и комментирования дневник организует коммуникативное пространство, реализуя ценностные установки автора. Аудитория популярных блогов исчисляется тысячами, за счет чего блогеры могут оказывать воздействие на общественно-политическую ситуацию. Пиар-блог – «гипержанровое образование, способное последовательно вводить в круг общественно значимых тем, обсуждаемых СМИ и анализируемых властью, события, связанные с повседневной деятельностью блогера» [Данилов 2011: 4]. Многоаспектное единство речевого поведения автора исходных сообщений пиар-блога обеспечивает организацию коммуникации в рамках конкретного интернет-ресурса. Пиар-блог Евгения Ройзмана (общественного деятеля, создателя фонда «Город без наркотиков» и музея «Невьянская икона», бывшего депутата Государственной Думы РФ, кандидата на пост и — с 12.09. 2013 г. — мэра Екатеринбурга) дает обширный материал для изучения сигналов многоречия, так как соединяет зоны повышенной ответственности речи в исходных сообщениях и зоны сниженной ответственности речи в комментариях.

На первый план при восприятии речевого поведения автора пиар-блога выходят ценностные установки, которые заявлены уже в рамочных компонентах интернет-дневника. Заголовок страницы *roizman.livejournal.com* содержит ставшее прецедентным высказывание «Сила в правде», а в первых строках *верхнего поста* вводится целый ряд коммуникативно-ценностных операторов²³:

²³ Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источника. К единообразию приведены кавычки, а также абзацные отступы. При цитировании ряда комментариев указывается исходное сообщение и адрес в Интернете.

Друзья!

*Я пишу сам. Пишу, когда есть возможность. Если честно, просто надиктовываю (печатают помощники). Также сам читаю всю френдленту (у меня нет групп друзей), **отслеживаю комментарии и отвечаю на них**. Но к сожалению, не всегда хватает времени, не обижайтесь. [http://roizman.livejournal.com. Режим доступа: 02.10. 2013]*

Адресованность дневника друзьям, описание основ коммуникации, декларируемые честность, внимательное отношение к собеседнику определяют характер общения.

Детальное изучение пиар-блога показывает, что Евгений Ройзман поддерживает одобряемые коммуникативные установки на открытость, искренность общения. Деятельная справедливость, помощь попавшим в беду, социальная активность – фундамент создаваемого образа. Характерно следующее высказывание: «*Это мой город. Я люблю его. И всегда старался сделать хоть немножко лучше, чище и красивее. И всегда приходил на помощь и городу, и жителям, когда было нужно. И ничего не просил взамен*» [http://roizman.livejournal.com/1613037.html. Режим доступа: 02.10. 2013].

Показательно подчеркнутое внимание к активности собеседников, проявляющееся в практиках ответа на комментарии и в описании случаев, требующих вмешательства:

*Девчонка с парнем пришли. У них четверо малолетних детей, и еще старенькая мама. Однокомнатная квартира 32 квадратных метра. Живут в двух ярусах, стоят на очереди как малоимущие, но **царапаются, сопротивляются**. Сама работает и муж **на трех работах** – купили пол домика с участком – 38 квадратных метров. Все полегче. Сейчас боятся, что их из очереди уберут. Говорю, не бойтесь. А что я им еще скажу? Но, вызывают уважение. Дойдет до дела – помогу» [http://roizman.livejournal.com/1605535.html. Режим доступа: 02.10.2013].*

*А потом пришла женщина, которая **занимается теплицами на пришкольных участках**. И считает, что это очень важно.*

Мы тоже ей помогли [<http://roizman.livejournal.com/1610570.html>.
Режим доступа: 02.10.2013].

Общий эмоциональный тон акцентирует вовлеченность говорящего в описываемые события. Нередко повествование, в котором соблюдаются нормы литературного языка, приобретает черты художественности, чему способствует и тяга автора к обобщенным высказываниям, самоиронии, типизации наблюдений, включение в текст стилизованных диалогических реплик:

Мои избиратели

Воловича с Брусиловским встретил. Вот так – ходят по Екатеринбургу два художника с мировым именем. Два светлых человека. Вот такие старшие у меня. Как им не завидовать? Прожили жизнь достойно и дальше еще живут. В партию не вступали, друзей не предавали, на горло никому не наступили и себе не изменяли. И занимаются своим любимым делом и еще совершенствуются.

У Виталия Михайловича идея сильная: издать книгу старых документов и фотографий по Чусовой и Таватую. А я хочу сделать книгу по моей родной реке Реж. И пример хороший есть – замечательная книга Алексея Иванова «Чусовая Message». И говорю:

– Виталий Михайлович, когда я стану старше и времени свободного у меня станет больше...

А они оба рассмеялись и говорят:

– Жень, чем старше становишься, тем меньше становится свободного времени.

Пусть так. [<http://roizman.livejournal.com/1612303.html>.
Режим доступа: 02.10.2013].

Использование сниженной, бранной лексики демонстрирует накал эмоций, как правило, возмущение:

Позавчера приехали какие-то дереволазы в Быньги, в Никольский храм.

Человек двадцать было. Никого не выпускали. Шмонались, нюхались, фотографировали, записывали. И видно, что придумать-то ничего не могут. Ведут себя по-хамски, одна тетка, из дереволазов, умудрилась в церковь задом войти. Отец Виктор

сделал ей замечание, а она гордо сказала: «У меня свой бог!». Ну-ну, я даже догадываюсь, как его зовут... [<http://roizman.livejournal.com/1605195.html>. Режим доступа: 02.10.2013].

Сниженные единицы передают ответную реакцию на бранный стимул. Так, в рамках предвыборной кампании мэра города на стенах домов появилась напечатанная по трафарету фраза, где бранное слово *pizdatyi* употреблено как оператор положительной оценки «мэра – Жеки Ройзмана», соответственно в блоге появляется сообщение, озаглавленное интенсивом «Перестарались»:

Губернаторские под покровом ночи исписали по трафарету стены и подъезды. Накреативили так накреативили. Показали уровень. Задрали планку. Но людей неожиданно порадовало. Посчитали так: ни@датый – значит нех@евый!

Врать не буду – доволен [<http://roizman.livejournal.com/1609346.html>. Режим доступа: 02.10.2013].

Вербализованная неполиткорректность, создание образа врага (губернаторские), действующего «под покровом ночи», поддерживает установку на прямоту, искренность общения.

Стержневой темой пиар-блога Евгения Ройзмана стала «Борьба с наркоторговцами» (подтемы – формы деятельности Фонда / *реабилитация наркозависимых, взаимодействие с полицией, суды и др.*). Именно она вынесена в *верхний пост*. Стержневой можно считать и тему «Реставрация икон, церкви» (подтемы *музейная деятельность, диссертация, реставрационная мастерская, гости музея и др.*). Несмотря на то, что центральное внимание, в зависимости от ситуации, может быть переключено на другие темы (*оборона Сагры, выборы мэра, защита Аксаны Пановой*), стержневые темы остаются в журнале и поддерживаются тематическими номинациями, относящимися к разным субъязыкам:

А потом оперативку провели. Несколько операций хороших. Потом распишу. Всем парням сказал, что Фонд – это самое главное дело. Что бы не произошло, как бы не сложилось, в понедельник в 12:00 оперативка. Как всегда [<http://roizman.livejournal.com/1612277.html>. Режим доступа: 02.10.2013].

Тематические и жанровые доминанты пиар-блога соотнесены с событиями, активным участником которых является автор исходных сообщений. Жанровой доминантой становится отчет о проведенных операциях (о конкретной операции или о деятельности за отчетный период – календарный месяц). Важное место занимает планирование действий и организация деятельности неравнодушных горожан. Изменения планов всегда получают объяснение. Названные доминанты определяют коммуникативные ожидания читателей и комментаторов пиар-блога.

Так, в ответ на исходное сообщение о резонансном судебном деле журналистки Аксаны Пановой незнакомый с ситуацией комментатор создает высказывание, реализуя ожидание по теме *борьба за сохранение реабилитационного центра*. При этом отмечается соседство сигналов книжной и разговорной лексики:

serg_karpov

*А если попытаться доказать, что наркоманка Аксана больная, не способна трудиться, **находится на изживении** у родителей, **находится в рабской** зависимости от наркобарыг, **при бездействии государства**, то родители, спрятав ее в центре реабилитации, пытались спасти ей жизнь.*

Комментатор получает два ответа. Один негативно-оценочный (*Вы бредите*); второй – проясняющий ситуацию:

Roma Yakimoff

Вы не в ту степь побежали. Посмотрите в тырнете кто такая Аксана Панова.

serg_karpov

Перед Пановой, извиняюсь.

В тексте не было указано главное имя у человека – ФАМИЛИИ!
[<http://roizman.livejournal.com/1608643.html>. Режим доступа: 02.10.2013].

Таким образом, сигналы многоречия в исходных сообщениях пиар-блога формируют единство полифункционального речевого образа. Употребляются преимущественно относительно специфические знаки субъязыков, не препятствующие взаимопониманию

коммуникантов, что способствует созданию доверительной коммуникации.

Зона пониженной речевой ответственности

Обратимся к высказываниям комментаторов, зафиксированным в пиар-блоге Евгения Ройзмана. Рассмотрим две показательные записи. Первая содержит малознакомый широкой аудитории заимствованный термин (*Электобилити* – 91 комментарий); вторая – обсценную лексику (*Перестарались* – 120 комментариев, текст приводился выше²⁴). Мы исходили из предположения, что введение ярких заимствований и матизмов в исходное сообщение способно разделить аудиторию и выявить факты обсуждаемого многогочерия. Однако рассмотренные группы комментариев мало чем отличались от высказываний, вызванных другими исходными сообщениями, посвященными теме выборов.

В целом комментарии содержат высказывания обнадеживающего и вдохновляющего характера, адресованные кандидату на пост мэра и его сторонникам, а также негативно-оценочные и провокативные высказывания противников кандидата.

Положительную оценку задают краткие диалоги и неразвернутые полилоги:

savannah_young

Я за Ройзмана!

nikisvet

А вот ты один тут такой, да))

savannah_young

Нет, я не одна! Мы не одни, мы верим в Женю! Что он для нас, для людей старается!

vezenin

Да!

Общая шутливо-доброжелательная тональность поддерживается вставными фрагментами, например, анекдотом, эффект которого построен на лингвокультурных

²⁴ Матизм содержится в размещенной фотографии и осмысливается автором блога как ‘чужой’. В авторской речи использован прием графического разуподобления введенных матизмов.

различиях в декодировании сокращений. Сигналы многозначности осознаются в границах оппозиций «литературное – нелитературное», «позволительное – непозволительное»:

*На предприятие продукцию отсортировали в две коробки: хорошие в одну и написали на коробке букву «Х», а брак в другую и написали на ней букву «П» – плохие. Другой рабочий пришел коробки относить и подумал, что «Х» – это ху*вые и значит брак, а «П» – пи*даты и значит хорошие.*

Показательно, что в зоне сниженной речевой ответственности соседствуют анекдоты литературные и резко сниженные. Позволительность последних не обсуждается. На наш взгляд, жанровое единство оказывается сильнее лингвокультурных установок.

Важное место в комментариях занимают практически ориентированные вопросы и сообщения, в которых имеются ситуативно оправданные единицы разных субязыков. Например:

(Анонимно)

Самый

*Сегодня звонят с **соцопросами**, говорят, астрологи по звездам определили что Ройзман «**мраковый**» и «**бедовый**» человек, кто за него **проголосует**, у того начнутся несчастья. Ну и «скажите в трубку «один» если относитесь положительно к этому, и «два», если отрицательно».))))*

Практически ориентированные вопросы, как правило, получают разъясняющий ответ или квалифицированный совет в полилоге:

кеурал

*Сегодня на балконе повесил 4 метровую **растяжку** «ЗА Ройзмана». Буду воевать с **управляющей компанией** если заставят снимать.*

Елена По

*«Сегодня на балконе повесил 4 метровую **растяжку** «ЗА Ройзмана». Буду воевать с **управляющей компанией** если заставят снимать». Не заставят, не имеют права. Балкон – Ваша собственность.*

Ольга Оленева

*У меня тоже **баннер** на балконе, подошла председатель, приказала снять, типа **надомные конструкции** – это общая территория.*

Я, естественно, отказалась. Председатель обещала **оштрафовать** меня. В **штабе** на Чернышевского народ в предвкушении, за что смогут **штраф** выписать. **Ждемс**))))))))

bioplant

внешняя сторона относится к фасаду, который относится к **общему имуществу**, которым пользоваться вы можете только **по согласованию с другими собственниками**

можете перевесить на окно – окно ваша **личная собственность**

eu_farmazon

К сожалению согласен. **БТИ не дремлет**, если **стукнут**.

keupal

Пушай в **судебном порядке выносят решение** о снятии, потом к **приставам исполнителям**, месяца через 2–3 будет решение и не вопрос что **исполнители приставы** будут это быстро делать.

Шансов его снять **юридически** до 8 сентября нет.

bioplant

вам не **жирно будет?** может припаркованные на газонах машины тоже надо в судебном порядке **убирать оттуда?**

bioplant

только не внешняя **фасадная сторона**

sveto4

Прекрасно, Елена.

Балкон – **общедолевая собственность**. Но не председательская, а **ВСЕХ** жителей дома.

Срочно собирайте **общее собрание ТСЖ**, раз оно у Вас есть, и **принимайте решение** о разрешении развесить на фасаде **баннеры**. Уверена, что Ваши соседи Вас поддержат, и **баннеров** станет больше.

tangr_on_lj

В помощь: <http://yuriursu.livejournal.com/13663.html>

Удачи в борьбе за **правое дело**;))

Представленный полилог отражает естественное для комментаторов многоречие, но субъязыковые конфликты не являются коммуникативно деструктивными. Например, грубая реплика «вам не жирно будет» противопоставлена Вы-формулам в высказывании

следующего комментатора. Но сами по себе сниженные высказывания или высказывания книжного регистра лишь свидетельствуют о широте стилистической палитры рассматриваемого гипержанрового образования и редко приводят к коммуникативному размежеванию.

Знаковым для рассматриваемого текста становится ответ автора исходного сообщения на комментарий, содержащий единицы политического субъязыка, погруженные в контекст избирательной кампании:

Nahui Nick

*а с чего взяли что **губернаторские**? по-моему **месседж** довольно однозначно положительный, почему не думаете что молодые сторонники — **парни-трафаретчики** решили таким образом свою поддержку выразить?*

astron_868

***Целевая аудитория** не та. Старшее поколение и против мата, особенно на стенах своего дома, и **социально активно**. По ним бьют. Надпись в пользу **губернаторских**.*

roizman

*У меня **здравые** и **разумные** сторонники.*

Реплика Евгения Ройзмана полифункциональна, нацелена на идентификацию коллективного адресата, содержит положительную оценку электората, в то же время прямо соотносится с предшествующей репликой и легко принимается как содержательная речевая поддержка в полилоге (выражение согласия и принятия точки зрения одного из собеседников при столкновении мнений).

Негативная оценка исходного сообщения и/или его автора нередко выражается в развернутом комментарии, который не включен в полилог и выглядит искусственной вставкой. Такая «невключенность» в контекст интернет-коммуникации воспринимается как знак ‘чужого’.

Негативно-оценочная группа высказываний активного комментатора, рассчитывающего на обмен репликами, типично вводится амбивалентным (маскирующим намерение) сообщением:

dmitriyfart

<http://www.oblgazeta.ru/society/8863/>

Когда во главе угла ставятся деньги, то на соблюдение закона плевать. Все методы хороши. Сегодня вторая серия Караулова. Посмотрим... Впрочем мне все понятно

Далее следует целый ряд не адресованных непосредственно кому-либо из участников полилога (упомянутый пользователь **tangr-on-lj** среди комментаторов данного фрагмента отсутствует) последовательных сообщений, в которых негативное отношение коммуниканта к кандидату и его сторонникам выражается прямо: *Люди, вы что **без кумира жить** не умеете (или этот кумир платит хорошо?)? Хоть бы выбрали в качестве **оного** себе более достойного человека, а не **перца**, связанного с криминалом и **делающего себе имя** и состояние на **горе-болезни** других // Можете **молиться** на него, мне все равно. Установите себе **банер** перед окнами, а еще лучше в квартире и вперед // **tangr-on-lj** А говорите, что **не работаете на Розмана**? Посоветуйте **хозяину забанить** меня, как вы это сделали, а то если ответить нечего по существу – **бан** лучшее средство. Не правда ли? // Караулов и прокуратура **расставят все по своим местам**. Сегодня вторая серия! 5-ый канал, федеральный, в 23 часа 15 минут // Откуда известно, что «**губернаторские**», а не «**ройзмановские**». **Свечи** что ли **держали**? // Все, Евгений и его **стадо**, это крах. После вчерашней программы и новых уголовных дел – **полный крах!***

В приведенных оскорбительных, обвинительных, угрожающих и анонсирующих репликах, фиксируется факт несогласия, непринятия чужой точки зрения, то есть факт речевого конфликта, который не связан напрямую с многоречием.

Приведем полностью запись, озаглавленную узкоспециальным термином, который «может быть адекватно воспринят лишь коммуникантами, являющимися носителями данного субъязыка» [Купина 2013: 70]:

ЭЛЕКТОБИЛИТИ

Звонит девочка-журналист:

– Евгений Вадимович, а можете прокомментировать заявление **губернаторских политологов** о том, что у вас маленький **электобилити**?

Я даже засмеялся:

– Да, ладно, что вдруг маленький-то? Никто, вроде, никогда не жаловался.

Теперь уже она смутилась:

– Да я, вроде, тоже не это ввиду имела... А, говорят, у Силина за последнее время немножко подрос...

– С чего вдруг-то? Пятьдесят лет не рос, не рос, и вдруг взял – да подрос?!

Слышу, она уже икает на том конце.

– Ладно, – говорю, – давайте, я вам расскажу, что такое **электобилити**.

У меня есть старший товарищ, еще **член КПСС**, плавно перетекший в **Единую Россию**. Он директор завода, отсюда у него **пролетарское чутье**, на лбу барометр, а на носу флюгер, большой жизненный опыт и контакты во всех администрациях. И вот, он собирает своих:

– Ну что, – говорит, – доигрались? Женька-то выигрывает!

А они говорят:

– Что делать-то будем?

А он вздохнул и говорит:

– Да, что теперь делать? Поддерживать будем! [<http://roizman.livejournal.com/1610177.html>. Режим доступа: 02.10.2013].

В этой небольшой зарисовке, отсылающей к стилистике рассказов Е. Ройзмана, не дается прямого ответа на вопрос о значении термина, выступающего как абсолютно специфическая субъязыковая единица. Названные выше тенденции комментирования сохраняются, но вопрос о значении термина несколько раз всплывает в комментариях. Создается полилог с толкованием термина (интересно, что в зону обсуждения попадает и денотат, и своеобразная игровая коннотация):

Andrey Fedorov

Электобилиити – в электоральных соцопросах позиция, отражающая объективное мнение (прогноз) опрошенных относительно того, чьи шансы на предстоящих выборах они расценивают как наиболее высокие.

dohlik_nemruchi

А чем это от рейтинга отличается, который те же соцопросы замеряют?

mary_clarissa

Судя по определению выше, сильно отличается.

Два вопроса.

1. За кого вы будете голосовать?

2. Кто, по-вашему, победит?

По первому вопросу меряется рейтинг, по второму – это самое «электобилиити».

ohtori

Понавыдумывали словей всяких. Лизинги с мерчайдайзингами. Тьфу.

unholy_

На почту требуются специалисты по лизингу и маркетингу конвертов.

Объяснение непонятного слова вызвано запросом дефиниции. Запрос свидетельствует о восприятии специфической единицы как ‘чужой’. При этом возможны как повторные запросы разъяснений от новых участников полилога, так и дающие незапрашиваемое разъяснение комментарии. Участники полилога делятся на три условных группы: 1) не знающие значения слова, отвергающие его или использующие однократно как ‘чужое’ (Евгений! желаем победы... хотя и страшно за вас... Один под знаменем правды среди системы лжи, разврата и прочего электобилиити); 2) не знающие значения слова и требующие его толкования, то есть готовые к включению ‘чужой’ единицы в свой лексикон; 3) готовые разъяснить значение слова узкого употребления тем или иным способом.

Возвращаясь к комментариям записи «Перестарались», наблюдаем сходную картину. Желающих определить значение

нецензурных оценочных операторов немало, но встречаются и запросы разъяснения, что воспринимается как интуитивная отработка рече-поведенческой тактики, стимулированной много-речием. Например, в следующем запросе разъяснения специфическая единица маркируется как отмеченная региональным узусом:

sergey_cheban

*Э... В **питейском** сленге слово «пи...датый»²⁵ имеет положительное значение. Я думал, это **по всей России** так. Правильно ли я понял, что в **Екатеринбурге** возможны какие-то иные варианты, а **московские «специалисты»** этого не знали?*

В ответной реакции происходит переключение маркировки:

marauder_ii

значение сугубо положительное

но упор был на то, что население негативно воспримет мат на своих подъездах и перенесет этот негатив на вероятного заказчика – Ройзмана, что приведет к уменьшению количества голосов «за».

Во всех случаях четко воспринимается субъязыковая отмеченность единицы.

Еще один сигнал многоречия выявляется по параметру объема высказывания (как правило, этот параметр поддерживается жанровыми характеристиками высказывания). На фоне высказываний малого и среднего объема резко выделяются высказывания крупной формы – структурированные программные заявления, художественные тексты и др. В качестве примера приведем первую из восьми строф комментария «Ребята, приходите наблюдателями!» (комментарий сопровождается видеофайлом) к записи «Заложник» [<http://roizman.livejournal.com/1608643.html>. Режим доступа: 02.10.2013]:

*Мы можем что-то изменить и своими силами.
Тебе не надоело мы для всех слышем дебилами?
Судьба страны как ни крути по воде да вилами,
Терпеть не надо, за такое назовут терпилами.*

²⁵ В тексте матизм дан без графического разуподобления.

Введение крупного (пусть даже вписанного в ситуацию) инородного высказывания в полилог делит коммуникантов на три группы: 1) игнорирующие инородный фрагмент, 2) негативно оценивающие разрыв полилогической коммуникации, 3) воспринимающие фрагмент как *‘свой’* – соответствующий культурным потребностям адресата.

Появление группы *равнодушных* не противоречит практике устного полилога, но при непосредственном общении коммуникант легко добивается согласного или прекословного внимания собеседников, что корректирует его право на высказывание. В интернет-коммуникации высказывание может бесконечно долго ждать ответной реплики, что определяет специфику многоречия в свободном пространстве Интернета.

Интернет-письмо как форма существования языка обладает и собственными специфическими субъязыковыми знаками, которые требуют экспериментально социолингвистического исследования. В основе этих складывающихся в субкод знаков сама фактура Интернета:

1) Гиперссылки: их появление делит адресатов на *возмущенных, равнодушных, благодарных*; в основе деления – разные представления о целостности интернет-общения, причем переход по ссылке или отказ от перехода не всегда влияет на примыкание к той или иной группе; в группу субъязыковых знаков попадают медиафайлы: технические возможности приема объемных файлов и привычки потенциального адресата способствуют выработке рече-поведенческого сценария.

2) Другая группа субъязыковых знаков определяется опосредованностью интернет-общения, собственно сигналом становится разрыв в хронологии реплик (ответная, «победительная» и не получающая возражений реплика может быть высказана значительно позже заинтересовавшего коммуникантов обсуждения); в эту группу попадает и сигнал «удаленный комментарий», который фиксирует факт неподобающей «другой» речи с позиций модератора; участники полилога могут не относить себя к группе «возмущенных»:

voglusk

/подумав/

Что же такое электробилиоти?

ЗОГадка!

(Удаленный комментарий)

voglusk

Re: /подумав/

Да, это проясняет ситуацию.

3) В отдельную группу мы объединяем сообщения, цель которых прервать полилог, сделать площадку технически неудобной для общения. Яркое проявление такой тактики – отправление одного и того же набора объемных сообщений на интернет-страницу с разных компьютеров – DDoS-атака (от англ. *Distributed Denial of Service* – распределенная атака типа «отказ в обслуживании»). Специфика сигнала в том, что он может исходить как от равнодушных к материалам общения пользователей, так и от негативно настроенных пользователей, целенаправленно разрушающих коммуникацию на определенной интернет-странице.

Виртуальность и опосредованность интернет-коммуникации позволяет участникам полилога уклоняться от неприемлемых в общей культуре тем и приемов общения, оставаясь в пределах обыденной речевой практики. Но зачастую на специфический сигнал субъязыка откликается новый коммуникант, готовый говорить в предложенной тональности (сигналом становится актуализированная оппозиция *русский / не русский*). Далее высказывания приводятся последовательно:

русских

Поселок-герой Сагра.

Слава Руси!

Спасибо Ройзману, Маленкину, всем кто защищал маленький русский поселок Сагру!

русских

Re: Поселок-герой Сагра.

все вы войдете в учебник Новейшей истории России.

*Позор власти, которая покровительствует **черной аккупационной орде** и которая довела русский народ до того, что защищаться приходится самим.. вилами и дубинами..*

i_do_hope

Re: Поселок-герой Сагра.

*Да ничего они не покровительствуют. Все эти защищавшие банду генералы и прокуроры – и есть эта самая **черная аккупационная орда**...*

русских

Re: Поселок-герой Сагра.

покровительствуют!

*Если б не покровительствовали – то не завозили бы в Россию миллионы криминальных поганых **басурман**. Давно ввели бы визы и закрыли границу с наркоторговцами, насильниками, преступниками и бездельниками. Зачем они нужны России. Пусть плодятся в своих кишлаках а не живут за счет русских а продажные генералы и прокуроры – на службе у власти*

koresh_lofta

Re: Поселок-герой Сагра.

*Т. е. **русских** нужно выпускать из страны только по визам? Знаете, их лучше вообще не выпускать, **мир вздохнет с облегчением***

русских

Re: Поселок-герой Сагра.

*много ли русских ездит к **таджикам** и **чеченцам**? есть ли **русские**, которые занимаются там бизнесом или отдыхают в отпуске? Думаю, – никого! Более 140 000 подписей уже собрано за визовый режим со **средней азией!** [<http://roizman.livejournal.com/1538229.html?nc=259#comments>. Режим доступа: 02.10.2013].*

Из приведенного примера следует, что сигналы определенных субъязыков, в данном случае это субъязык националистов, могут а) прервать коммуникацию, б) вызвать прекословное общение, в) привлечь новых комментаторов, приверженцев речевого поведения, заявленного субъязыковым сигналом, задающим эмоционально-оценочный тон речевого взаимодействия.

Проведённое исследование показывает, что «чужое» слово в интернет-коммуникации воспринимается как следствие «кодовой раскрепощенности» и своеобразно принимается/преодолевается участниками полилога. В зоне повышенной речевой ответственности говорящий стремится к созданию целостного образа и демонстрирует полифункциональность речи, а не собственно многоречие. Приметой многоречия в зоне пониженной речевой ответственности может стать крупный по объему текст, разрывающий последовательность кратких высказываний, а также характерный для интернет-коммуникации комплекс рече-поведенческих ходов: запрос разъяснения, разъяснение, уточняющий запрос, новое разъяснение; возможен повтор запросов и разъяснений от других участников полилога. Фактура Интернета определяет различные группы специфических сигналов субъязыка: ссылки на другие страницы и медиафайлы, разрывы во временной последовательности высказываний, заполнение страницы «нечитательной» информацией, прерывающей общение. Интернет-коммуниканты условно делятся на три группы: возмущенные, равнодушные, благодарные. Специфика каждой группы может уточняться в ориентации на характер восприятия специфических единиц разных субъязыков.

Источники

Автоматическая подборка правовых норм. Поиск по запросу «Интернет» // <http://econsult.zakonrf.info>. Режим доступа – 02.10.2013 г.
Ройзман Е. В. Сила в правде // <http://roizman.livejournal.com>.
www.znak.com | Интернет-газета // <http://www.znak.com/urfo/news/2013-09-07/1011105.html>. Режим доступа – 02.10.2013 г.

Литература

Боярских Е. Г. Этикет живого журнала // Неклассические письменные практики современности: Коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. – Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2012. С. 94–98.
Данилов С. Ю. Пиар-блог: речеганровая структура текста. Материалы исследования. Сагра 2011. – СПб. : САГА, 2011.

- Купина Н. А.* Разноязычие и многоречие в социокультурном пространстве России: к постановке проблемы // Изв. Урал. ун-та. Сер. 2. «Гуманитарные науки». 2013. № (114). С. 68–75.
- Мечковская Н. Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. – М. : Флинта : Наука, 2009.
- Неклассические письменные практики современности: Коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. – Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2012.
- Шмелева Т. В.* Интернет-письмо как новая форма существования языка // Неклассические письменные практики современности : коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. – Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2012. С. 245–248.

2.5. Многоречие в текстах рекламы

Ю. Б. Пикулева

В коммуникативном пространстве современной России особое место занимает реклама. Ориентированный на продвижение товаров и услуг, формирующий ценности и установки общества потребления, отечественный рекламный дискурс отражает векторы развития российского информационного поля. За последние десятилетия период речевой «вольницы» сменился этапом роста пафосности рекламных высказываний, а затем и доминированием профессиональных языков в рекламной коммуникации. М. А. Кронгауз в этой связи говорит о «словесных волнах» – бандитской, профессиональной и гламурной, отмечая взаимодействие разных социальных субъязыков [Кронгауз 2007: 18]. Действительно, современный период развития рекламного дискурса отражает сложившийся в российской речевой практике феномен многоречия. На основе разных субъязыков, которые мы, вслед за Ю. Б. Скребневым, понимаем как разновидности языка, «условно замкнутые и самодовлеющие системы, полностью удовлетворяющие целям общения в данной речевой сфере» [Скребнев

1975: 103], формируется своеобразная полигlossия. Современный рекламный дискурс – пространство многоречия, в котором сосуществуют вербальные знаки разных субъязыков, единицы литературного языка и некодифицированных страт.

Исследование динамики рекламного дискурса в последние двадцать лет стало одним из самых привлекательных для лингвистов направлением изучения языка. Долгое время в рамках данного подхода доминировал классификационный подход: описание языковых средств, используемых в рекламе, носило списочный характер. Однако изучение языковых кодов рекламного текста требует междисциплинарного подхода, учета экстралингвистических основ рекламной коммуникации при интерпретации выбора копирайтером тех или иных языковых средств для достижения коммерческих целей.

В структуре рекламной коммуникации значимым является фактор адресата. Цель копирайтера – не просто информировать, т. е. доходчиво сформулировать преимущества объекта рекламы, но и воздействовать на мнение потенциального потребителя, побудить его к действию (приобретению рекламируемого). При этом решающее влияние на восприятие и оценку рекламного сообщения оказывает субъективная значимость рекламируемого товара или услуги для адресата (т. е. экстралингвистический критерий). Мотивация покупки возможна только в том случае, если текст привлечет непроизвольное внимание и заинтересует целевого адресата, поэтому переключение на конкретный субъязыковой код в рамках рекламного сообщения обусловлено образом целевого адресата (его гендерной, возрастной, социально-статусной характеристикой). Рекламодатель и копирайтер, учитывая статусно-ролевые особенности адресатов, их потребительский потенциал, уже на этапе планирования рекламной кампании осуществляют целенаправленный отбор ценностных символов. Проведенный с позиции адресата анализ потребностей позволяет составителю рекламного текста включить рекламируемый объект в ядро поля ценностей. В соответствии с проведенным исследованием определяются структурные, лингвосемиотические, семантические,

прагматические средства, которые будут использованы в рекламном продукте. Язык рекламного текста, таким образом, должен быть максимально приближен к языку, на котором говорят потенциальные потребители / покупатели.

Операция социолингвистической диагностики, проводимая составителем рекламного текста, позволяет целевому адресату идентифицировать рекламируемое как принадлежащее к кругу «своего». Социально отмеченные (чаще всего – сниженные) языковые единицы используются в рекламных текстах прежде всего с целью формирования привлекательного для целевого адресата образа товара, а также имитации тональности неформального общения с потенциальным потребителем. При этом в рекламном узусе отмечается некоторая закономерность в выборе тех или иных средств в зависимости от типа целевого адресата.

Разговорные средства часто употребляются в рекламе товаров для детей и женщин. Заряд разговорности несут не только лексические единицы, но и грамматические конструкции, ритмический и интонационный рисунок рекламной речи. Так, ребенку будет понятен и приятен стихотворный размер текста рекламы пюре «Агуша» (*С грядки овощи собрали, фрукты с веточки сорвали. Наслаждается Катюша вкусными пюре «Агуша»*), поскольку четырехстопный хорей воспринимается на слух носителями русской лингвокультуры с детства. Текст рекламы соуса Calve построен как эмоциональный рассказ от 1-го лица – разговорный женский монолог: *Ровно 8 месяцев, как я отдала свой разум и чувства своему муженьку! Безвозмездно! Сегодня я решила прийти домой пораньше – захотелось сделать моему Бегемотику какой-нибудь вкусенький сюрпризик: свечи, все дела... Все-таки какая-никакая, а дата! <...> А удачное получилось сочетание поджаренной ветчины, хрустящих свежих овощей (перчики, помидорчики, огурчики) и соуса «Ранч»... Все-таки я молодец, просто кулинарный гений!* Конвергенция разговорных языковых средств как «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [Арнольд 1973: 63] в данном случае выполняет как текстообразующую, так

и аргументативно-риторическую функцию [Бобровская 2010: 220]. Шутливо-ироничная тональность снимает излишнюю «слащавость» текста, построенного на восклицаниях и диминутивах как гендерных маркерах, позволяет стилизовать разговорный монолог, обладающий персуазивным потенциалом.

Жаргонные и просторечные языковые единицы характерны для рекламы, ориентированной на молодежную и мужскую аудиторию: *Мрачняк? Вынос мозга с гарантией* (реклама телеканала ТНТ); *Тариф «Хит 399» — просто бомба!* (реклама мультисервисной сети «Планета»); *«Марио». Охренеть! Мало того, что меня порядочно отмесили, так в конце ещё и помидорами закидали!* (реклама компании Da Vinci, специализирующейся на доставке пиццы). Проникновение в массовую рекламную коммуникацию социально отмеченных средств, понятное и оправданное с маркетинговой точки зрения, нередко оценивается специалистами-языковедами как проявление жаргонизации и вульгаризации русского языка [Карабань 2010: 183].

Осознанием рекламы как одного из мощнейших источников влияния на речевую культуру, тенденцией к экспансии низкого в рекламном дискурсе объясняются введенные в Федеральный закон «О рекламе» ограничения на использование нелитературных языковых средств [Федеральный закон «О рекламе» 2011]. Однако законодательно искоренить социально маркированные сигналы из рекламных текстов не удалось, поскольку копирайтеры не могут игнорировать высокий экспрессивный потенциал жаргонов и просторечия, который позволяет минимальными средствами решить проблему привлечения произвольного внимания к рекламируемому объекту за счет эмоциональной реакции, вызванной образностью, наличием в значениях маркированных слов оценочных и эмотивных компонентов. Некоторые рекламодатели готовы заплатить штраф, но вызвать взрыв обсуждения по поводу использования ненормативного в рекламном тексте.

Составители рекламных текстов нередко используют специфическую лексику профессиональных субъязыков. Использование подобных единиц позволяет адресовать информацию

целевому адресату. «Профессиональный язык направлен на достижение эффективного профессионального общения специалистов» [Малюга 2011: 134]. Так, для занимающегося горнолыжным спортом будет понятно переданное на профессиональном субязыке рекламное сообщение о курорте «Гора Ежовая»: *На горе присутствует крупнейший в России **сноуборд-парк** с шестью десятками **кикеров**, с **транзитами** от 1-го до 15-ти метров. Также есть **хаф-пайп олимпийского стандарта** со стеночкой 6 метров... Обилие подъемников (не то чтобы обилие, семь штук, включая «**креселку**») дают надежду не стоять в очередях. Специальные заимствования, входящие в ядро профессионального языка, относящиеся к разряду абсолютно специфических единиц [Скребнев 1975: 33], выдвигаются на первый план восприятия. Прагматический эффект усиливается общей шутливо-разговорной тональностью.*

В рекламных текстах, ориентированных на аудиторию, интересующуюся современными информационными технологиями, активно используется узко специальная заимствованная лексика: *Образовательные программы ЦБО – **драйвер** вашего бизнеса* (реклама Центра бизнес-образования); *Утром деньги – утром **комменты!*** (реклама МТС); *Сэр, ваши усы **ретвитят** в Интернете!* (реклама МТС); *Первый **лайкнутый** банк!* (реклама «Банк24.ру»). Подобные примеры показывают, что заимствования из данной сферы осваиваются как в семантическом, так и в деривационном плане. Слово *драйвер* (в первом специальном компьютерном значении ‘программа, являющаяся посредником между операционной системой и периферийным устройством компьютера’, а во втором (жаргонном) – ‘водитель в транспорте’ [Викисловарь: электрон. ресурс]) используется в метафорическом значении – ‘то, что позволяет ускорить, развить что-либо’. Жаргонное слово *коммент*, образованное путем усечения, активно используется в современном компьютерном сленге для обозначения авторских замечаний к фотографиям и постам в социальных сетях и «Живом журнале» [Lurkmore: электрон. ресурс]. Глагол *ретвитить* (неологизм, демонстрирующий активизацию деривационных процессов на

основе заимствований), имеющий значение ‘пересылать или перепечатывать чужую реплику в микроблоге Twitter’, образован от слова *retweet*, внесенного в 2011 году в «Краткий Оксфордский словарь английского языка» [Concise Oxford English Dictionary 2011]. Причастие *лайкну́тый* – от *лайкнуть* (глагола, обозначающего завершенность нажатия на кнопку «лайк» [Справочная служба русского языка: электрон. ресурс] в социальных сетях в Интернете) получает в тексте эмоционально-оценочное приращение. Отмеченные единицы входят в активный словарный запас интернет-пользователя и легко могут быть интерпретированы целевым адресатом рекламы. Кроме того, в подобных освоенных заимствованиях, по мнению М. А. Кронгауза, присутствует «какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны» [Кронгауз 2007: 45]. Рекламисты, обращаясь к целевому адресату, стремятся использовать прагматический потенциал социального субкода.

Для рекламного текста характерно наложение общеязыковых и специальных значений одного и того же слова: – *Такую точку выпуклой функции можно назвать экстремумом. Петров, повтори! – Не могу, у меня **память** маленькая. Новым знаниям нужна новая техника. М-Видео. Нам не все равно* (реклама компьютеров АСЕР в магазинах М-Видео). Сдвинутая лексическая сочетаемость в синтагме *память маленькая* (сдвиг акцентируется инверсией) отвечает внутренним нормам языка программистов: *память ЭВМ* (спец.) – ‘совокупность устройств и процессов, обеспечивающих запись, хранение и воспроизведение информации в ЭВМ’ [Шведова 2007: 610]. При столкновении значений рождается комический эффект, способствующий восприятию рекламного сообщения в заданной тональности.

Не только фактором целевого адресата обуславливается выбор специфических единиц субязыков. Вектор выбора определяется также рекламируемым объектом. Например, медицинские термины органичны в рекламе лекарственных препаратов, косметики: *Idealia pro. Уникальный комплекс активных компонентов **DRM-bright** (витамин С, ЛНА, эперулин) способен нормализовать*

процесс выработки **меланина** в глубоких слоях кожи, позволяет сократить существующую **гиперпигментацию** и предотвратить её появление. Подходит для чувствительной кожи. Без **парабенов**. Терминологизация рекламной речи обеспечивает риторический эффект: с одной стороны, копирайтер предоставляет потенциальному потребителю фактическую и логическую аргументацию, с другой стороны, – работает «уловка к науке» (см.: [Поварнин 1996]). Научообразная речь, насыщенная мало-понятной широкой аудитории терминологией, призвана повысить персуазивный характер рекламного сообщения, внушить представление о значимости рекламируемого продукта.

Акцентирование диалектной манеры произношения становится одним из приемов продвижения продовольственных товаров. В телевизионных рекламах закадровый текст нередко произносится с явным оканьем, которое становится культурным знаком, наводящим смыслы ‘русское’, ‘отечественное’, ‘деревенское’, которые, в свою очередь, формируют смысл ‘натуральное’. Аналогичный прием реализуется не только в рекламе отечественных товаров (например, молочных продуктов «Домик в деревне», минеральной воды «Обуховская»), но и текстах, представляющих импортные товары. Так, в рекламе маргарина «Rama» интонационная и орфоэпическая стилизация под народную речь используется как манипулятивный приём, способствующий продвижению на отечественный рынок немецкого продукта. Старушка, которая печёт хлеб в русской печи, произносит, **окая**: *«В наше время хорошего хлеба в магазине не купишь. Я всегда пеку хлеб сама в русской печке, как меня мать учила. А как хлеб поспеет, так на его дух и внуки бегут. Нет ничего вкуснее свежей горбушки и “Rama”. И внуки мои всегда говорят, что ничего нет вкуснее твоего хлеба и “Rama”. Правда, ведь всё, что с любовью к людям сделано, – оно всегда по душе. Хлеб и “Rama” — созданы друг для друга»*. Демонстрируемые в начале рекламного ролика прецедентные культурные знаки – изображение предметов русского вещного мира и диалектное произношение – никак не предвещают рекламирования немецкого маргарина. Лишь в конце сообщения появляется

написанное латиницей название товара. В систему национальных ценностных объектов (семья, дети, труд, хлеб) манипулятивно внедряется инациональный объект. Немецкий маргарин и русский хлеб – соединение несоединимого. С помощью рекламного слогана *Хлеб и «Rama» – созданы друг для друга* оксюморон толкуется как культурная норма.

Стремлением придать особый статус рекламируемому объекту объясняется и использование единиц религиозной речи. Библия как священная книга, исторический документ, памятник философской мысли и явление эстетической культуры становится источником прецедентных имен, афоризмов, сюжетов, которые опознаются не только носителями православной культуры, но и атеистами. Игра в высокий стиль усиливает значимость рекламируемого продукта: *А на седьмой день, когда он отдыхал, мы создали «Сервер»*, чтобы все работало как надо (отсылка к библейскому сюжету о сотворении мира в рекламе компьютерной фирмы «Сервер»); *В начале был кофе* (трансформация начальной фразы Евангелия от Иоанна в рекламе кофе «Нескафе»); *Накорми ближнего своего* (трансформирование одной из библейских заповедей в рекламе посуды IKEA), *Возвращение блудного сна* (замена по созвучию в устойчивом обороте, отсылающем к библейской притче, в рекламе постельных принадлежностей IKEA). В культурно-значимый контекст вносится рекламируемый объект, торжественное включается в рамки обыденного. Сакральный контекст прагматизируется. В некоторых случаях столкновение единиц разной культурной значимости воспринимается не как преднамеренный прием контраста, но как нелепость, алогизм: *Обувь купленная здесь несет добро, свет и защищает от кризиса*²⁶ (реклама магазина «Робек»).

Один из эффективных приемов привлечения внимания в рекламных текстах – культурно-субъязыковой эклектизм, способствующий «эффекту обманутого ожидания», который понимается как «частный случай непредсказуемости, обязательно нарушающий норму, возникшую в данных контекстах» [Арнольд 1973: 49]. Так, в театрализованной рекламе магазина «Медиамарт»

²⁶ Сохранена пунктуация оригинала.

инсценируется выбор пожилыми сельчанами ноутбука. Старушка, которая по внешнему виду осознается как носительница диалекта, неожиданно для продавца произносит следующую фразу: — *О-о-о! 15 дюймов, 2 ядра, и оперативка 4 гига* – как раз для моего хакера! Высказывание насыщено единицами профессионального жаргона: *15 дюймов* здесь – обозначение размера монитора; *ядро* – комп. ‘основная программа операционной системы’ [Викисловарь: электрон. ресурс]; *оперативка* – ‘оперативная память (ОЗУ)’ [Словарь молодежного, компьютерного и другого сленга и жаргона: электрон. ресурс]; *гига* – ‘гигабайт’ [Словарь компьютерного сленга и терминов: электрон. ресурс]; *хакер* – ‘человек, взламывающий компьютерную систему с целью самого процесса взлома, с целью поиска слабых, уязвимых мест’ [Словарь компьютерного сленга и терминов: электрон. ресурс]. Завершается рекламный ролик слоганом, также демонстрирующим принцип многозначности: *Фантастичи подарки для любимых*. Аудиальным фоном для финала рекламы служит «Ода к радости» Л. ван Бетховена. Ожидания адресата рекламы формируются на основе общих представлений о типичном, нормативном, апробированном в речевых практиках. В рекламе наблюдаем ситуацию, когда норма употребления знаков нарушается с целью реализации фатической функции. Тогда между знаком и контекстом возникает «рассогласование, которое и вызывает сбой в процессе восприятия, привлекая особое внимание адресата» [Калганова 1997: 10]. Этот приём соединяет в одном ряду несопоставимое: в нашем случае – визуальные сигналы народной культуры, вербальные сигналы профессионального субъязыка, вербальный знак одобрения, пусть «не нашего», иностранного звучания, но понятный и привычный, а также аудиальные сигналы немецкой классики. Однако к несомненным достоинствам этого многоголосия можно отнести «занимательность, неожиданность, непредсказуемость, помогающие разжечь любопытство потенциальных потребителей и активизировать их восприятие» [Кохтев 1991: 63]. Комбинирование разнотипных с точки зрения социальной отмеченности, эмоциональной окрашенности единиц позволяет создать элокутивно насыщенное рекламное сообщение.

Взаимодействие сигналов многоречия – эффективный приём привлечения внимания и интеграции потенциальных потребителей.

Ситуация многоречия дополняется в рекламном дискурсе сигналами разноязычия, т. е. сосуществования в данном вербальном пространстве сигналов разных национальных языков. Экспансию прежде всего англоязычных слов и высказываний попытались урегулировать законодательно – с помощью введения ограничения на использование «иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению высказывания» [Федеральный закон «О рекламе» 2011]. Однако это ограничение привело лишь к тому, что сейчас в рекламных текстах иностранные фразы сопровождаются переводом на русский язык, даже в тех ситуациях, когда используются широко известные слова: к примеру, рекламистам пришлось перевести слоган *Quadratisch. Praktisch. Gut* (шоколад Ritter Sport) – «*Квадратный, практичный, хороший*» [Lurkmore: электрон. ресурс]. Копирайтеры, использующие сигналы восточнославянских языков (украинского и белорусского), игнорируют требование о переводе, справедливо полагая, что интерпретация близкого языкового материала не вызывает сложностей у россиян: *Ласкаво просимо до нас!* (ресторан украинской кухни «Хутор Тараса Бульбы»), *Беларуский трыкатаж* (реклама магазина Ale-sya). Заметим, однако, что подобные высказывания нередко оцениваются российским потребителем негативно, поскольку на фоне схожих русских могут быть интерпретированы как ошибки.

Современная реклама активно внедряет средства разных субъязыков в единый контекст многоречия, создает технологии, обеспечивающие эффективную реализацию регулятивной стратегии.

Литература

- Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – Л. : Просвещение, 1973.
- Бобровская Г. В. Контекстуальное взаимодействие элокутивных средств в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – С. 218–229.

- Викисловарь: свободная энциклопедия, многоязычный открытый словарь. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/>.
- Калганова С. О. Семантические нарушения в отношениях слова и контекста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1997.
- Карабань Н. А. Реклама в аспекте культуры речи // Рекламный дискурс и рекламный текст : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – С. 177–189.
- Кохтев Н. Н. Десять эффектов рекламы // Русская речь. 1991. № 6. – С. 59–64.
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2007.
- Малюга Е. Н. Основные характеристики профессионального языка // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2011. № 1.2. – С. 133–138.
- Поварнин С. И. Спор: О теории и практике спора. – СПб. : Лань, 1996.
- Скребнев Ю. М. Очерки теории стилистики. – Горький : Горьковск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1975.
- Словарь компьютерного сленга и терминов: электронный ресурс. Режим доступа : <http://novichkam.info>.
- Словарь молодежного, компьютерного и другого сленга и жаргона: электронный ресурс. Режим доступа: slanger.ru.
- Справочная служба русского языка: электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.rusyaz.ru>.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007.
- Федеральный закон «О рекламе». – М. : Рид Групп, 2011.
- Lurkmore: электронный ресурс. Режим доступа: <http://lurkmore.to>.
- Concise Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 2011.

Глава 3

МНОГОРЕЧИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

3.1. Письменная речь старшеклассника: зоны субъязыкового влияния

Н. А. Купина

Для решения общей проблемы многоречия целесообразно выявить степень влияния последнего на языковую личность. Проникают ли специфические единицы отдельных субъязыков (здесь и далее термины «специфическая единица», «субъязык» используются в трактовке Ю. М. Скребнева [1975]) в жанрово определенное произведение письменной речи, правила производства которого известны адресанту? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к текстам экзаменационных сочинений (ЕГЭ, часть С) выпускников средних школ Свердловской области. Всего было проанализировано 400 текстов, освещающих 4 темы.

В соответствии с экзаменационным заданием, выпускник должен сформулировать проблему, поставленную в опорном тексте, выразить личное отношение к позиции автора данного текста, высказать собственную точку зрения с опорой на аргументы, взятые из художественной, публицистической, а также научной литературы. Текст сочинения объемом от 150 до 300 слов должен представлять собой монологическое произведение письменной речи. Из требований [Демонстрационный вариант ЕГЭ 2013] следует,

что выпускник школы обладает сформированным владением книжной речью в ее основных функциональных разновидностях. Разумеется, один из главных критериев оценки сочинения – орфографическая и пунктуационная грамотность. Поскольку многочисленные ошибки влияют на восприятие смысла и стилистического облика текста, извлечения из сочинений приводятся нами с исправлениями грубых орфографических и пунктуационных ошибок. Вот лишь один, произвольно выбранный, пример без правки:

*Проблема автора плохие воспоминания о родном доме, что когда то его дом згорел, и ему нехотелось глядеть на него даже сторался обходить стороной. **З** Позиция рассказчика быт современным, безжалостным к прошлому.*

Лексический состав высказываний воспроизводится в полном соответствии с исходным текстовым материалом.

Одиннадцатиклассники в той или иной степени осваивают стандарты книжной речи. Так, в значительной части сочинений активно реализуются клишированные сочетания с зависимым словом *проблема*: (Автор) *ставит / поднимает / затрагивает / раскрывает / анализирует / акцентирует **проблему***; стереотипные сочетания со стержневым словом *проблема* (далее также **п.**): **п.** одиночества, **п.** выбора профессии, **п.** памяти, **п.** отцов и детей, **п.** взаимоотношения учеников и учителей, **п.** социализации, **п.** неблагополучия семьи; стереотипные, в том числе экспрессивные атрибутивные сочетания: *философская п., социальная п., морально-этическая п., нравственная п., актуальная п., главная п., важная п., серьезная п., вечная п., острая п., злободневная п.* Освоенность подобных речевых стандартов подтверждается их высокой частотностью: *Автор пытается разрешить **проблему** + сущ. род.; Автора заботит **проблема** + сущ. род.; Надо задуматься над **проблемой**, которую поставил автор; В тексте сформулировано несколько **проблем** и т. п.* Автоматизм в использовании речевых книжных стереотипов нередко нарушается в составе сложного предложения: *Автор поднимает проблему, что мы забываем приезжать на свою родину, где мы родились; Писатель поднимает проблему того, что надо жить настоящим; Автор текста затрагивает проблему того,*

как же трудно расставаться с прошлым. «Рванный» синтаксис обнаруживает инородность книжности в дискурсе пишущего, осознающего необходимость использования заданного стереотипа в тексте сочинения: *Прочитав текст русского писателя Белова, автор поднимает проблему современности, что старое, когда очень любимое, становится забытым, если мы редко вспоминаем о ней и не хотим возвращаться.* Очевидно затруднение, связанное с переводом мысли в книжную речь: *Автор текста Лихачев раскрывает нам проблему, когда человек выбирает себе цель, задачу и как можно судить по самооценке.*

При реализации книжных стереотипов прослеживается влияние субъязыка учителя. Распространены так называемые учительские штампы: *Автор указывает нам на проблему самооценки; Бунин раскрывает нам картину, как герой ушел в мир книг; Писатель своим текстом хотел нам показать проблему, как герой нашел себе дело по душе; Писатель учит нас быть честными и смелыми.*

Типичны для текстов сочинений калькированные сочетания с притяжательным значением (*п. автора, п. Печорина, п. героя, моя п.*), выводящие соответствующие высказывания за пределы книжной речи. Например: *Главная проблема автора – смысл жизни; Этим текстом Бунин показал свою проблему.* В ряде случаев ощущается влияние штампованной речи учителя и одновременно разговорного узуса: *На мой взгляд, автор нам описывает картину, где взрослый человек понимает проблему мальчика.*

Приведенные примеры не свидетельствуют, однако, о полном отсутствии у учащихся навыков производства книжного текста. Правильная книжная речь, обнаруживающая интеллектуальную зрелость выпускников, характеризует тексты сочинений, в которых проявляется чувство стилиевой гармонии: *Дмитрий Сергеевич Лихачев затрагивает проблему ценностей, рассуждая о том, какая жизненная цель априори является самой главной; Автор рассматривает проблему социализации личности. Социализация – это процесс адаптации человека в обществе, в социуме; С самого начала самостоятельной жизни человек делает выбор. Главной*

для него становится деятельность гуманитарного характера или деятельность, связанная с техникой; Текст, представленный для анализа, является многопроблемным. Наиболее важной мне представляется проблема нравственного выбора.

В отдельных случаях в текст сочинения проникают единицы научно-естественной речи: *Как гласит теория Дарвина, все мы, люди, одинаковые, вне зависимости от социального статуса: все произошли от одного предка; В свое время один ученый заметил, что по утрам цвет тумана действительно красный. Он доказал, что цвет туману передается от стен домов и зависит от влажности воздуха.* «Аргументы из научной литературы», которые обозначены в требованиях к ЕГЭ как желательные, являются единичными.

Очевидно влияние на речь школьников клишированного субъязыка полицейских протоколов и криминальных сводок: *Соня Мармеладова своим сочувствием помогла Родиону Раскольникову **стать на путь исправления.** Переключение на юридический код в аргументативной части сочинения создает впечатление намеренной канцеляризации речи, например: *Опираясь на косвенные знания законов Российской Федерации и на свой жизненный опыт, я с уверенностью могу сказать, что в данный момент государство в полной мере не может обезопасить неблагополучных детей; Я считаю, что основной задачей для органов социальной защиты должна являться забота о воспитании неблагополучных детей; Евгений Петрович Новиков в данном тексте описывает жизнь малолетнего преступника. Дети из неблагополучных семей часто совершают преступления. Об этом говорил ответственный по правам ребенка Павел Астахов; В подобной ситуации, в которую попал герой статьи, есть большая вина органов соцзащиты, контрольных комиссий, участковых инспекторов; За езду в нетрезвом состоянии у мужчины были изъяты права на год. Он не стал на путь исправления. Через год – он снова за рулем в состоянии алкогольного опьянения.**

Чужеродность канцелярских стандартов в сочинениях выпускников ярко проявляется в аномалиях, нарушающих эти стандарты:

В деревне, где я живу, много **неблагоприятных семей**: дети болтаются на улице, занимаются воровством и даже совершают **особо тяжёлые преступления**; У меня есть хороший друг. Он воспитывался в **неполноценной семье**. Но благодаря поддержке **правопорядочных органов** он выкарабкался из поглотившей его трясины; Прошли годы. Евгений Александрович Субботин стал полноценным членом общества и **послушнозаконным гражданином**. Очевидно, на этапе вхождения в самостоятельную жизнь «канцелярит» представляется молодым людям источником одобряемых обществом установок. Воспринимаемые в основном «на слух», без опоры на письменные образцы, деловые клише в большинстве случаев остаются за пределами активного индивидуального словаря и поэтому не реализуются автоматически. Последнее, как показывают примеры, ощущается в деформациях структуры сложного слова, выявляющих эмоционально-оценочное отношение автора речи к обозначаемому.

Стремлением выразить личную гражданскую и нравственную позицию можно объяснить наличие в сочинениях публицистически маркированных средств. Публицистический пафос – воодушевление, энтузиазм – ярко проявляется в использовании речевого жанра призыва. Преобладают формы повелительного наклонения в побудительных высказываниях, передающих семантику совместности: *Давайте бережно относиться к своему прошлому!*; *Давайте подумаем: все ли мы сделали для того, чтобы быть достойными гражданами?* Призыв нередко сопровождается сентенциозностью: *Никогда не забывайте своего прошлого и берегите то, что было вам дано!*; *Будьте добрее и воспитывайте в себе чувство сострадания!*; *Совершая те или иные поступки, думайте о своих родных и любимых!* Призыв может включать обращение: *Люди, относитесь с большей теплотой друг к другу, будьте добрее!*; *Родители, любите своих детей и не бросайте их никогда!*; *Друг! Стань сильнее! Отогрей свое закоченевшее сердце* (метафора извлечена из опорного текста). Реже употребляется частица *пусть*: *Пусть любовь и дружба сделает нас добрее!*; *Пусть добро отогреет закоченевшее сердце!*

Типовое оформление призыва, наличие нормативных грамматических вариантов и вариантов лексических, заполняющих определенные синтаксические позиции в побудительном высказывании, – всё это позволяет сделать вывод об актуальности речевого жанра призыва, не утратившего своей нравственно-идеологической воздейственности.

Публицистические высказывания охвачены модальностью долженствования и поучительности: *Жизнь – самое дорогое, что есть у человека, и эту жизнь нужно прожить правильно. Цель жизни должна заставлять человека достичь ее всем своим существом на пределе возможностей, должна быть возвышенной, только тогда она будет приносить радость.* Эти и подобные участки текстов сочинений характеризуются дидактической манерой, являющейся приметой речевого жанра наставления, распространенного не только в школьной, но и в семейной речевой среде.

Об источниках единиц публицистического кода в речи выпускников можно судить по отсылкам к СМИ: *Я смотрел по телевизору одну передачу* (названия программ, имена телеведущих, как правило, не упоминаются); *По радио передавали...* Федеральные газетные издания не служат постоянными источниками информации; изредка отмечаются издания местные. Например: *В газете «Уральский рабочий» я прочитал интересную статью про то, как мальчик, живший в подвале пять лет, стал героем: он спас маленького мальчика, который провалился в прорубь на озере в парке. Он герой, хоть и бедный. Он заслужил награду.* Впечатляющая история стимулирует осмысление нравственной основы поступка, а также освоение стоящих за этим поступком социокультурных установок и речевых стереотипов.

Наблюдения показывают, что для формирующейся языковой личности газетная, радиийная, телевизионная публицистика является речежанрово-модальной, но не текстовой «питательной» средой. Достаточно сказать, что требование аргументировать собственную точку зрения с отсылкой на публицистическое произведение в выпускных работах не реализуется. В корпусе сочинений не встретилось ни одного упоминания авторского публицистического

текста. Дискурс художественной литературы, напротив, регулярно используется в аргументативной части сочинения.

Распространена отсылка к литературе в общем виде. Речевые стандарты: *великая русская литература, великие писатели, мировая (художественная) литература*. Например: *Великая русская литература дает множество материалов по данной проблеме; Проблема жизненных целей всегда была актуальной для великих русских писателей; В мировой художественной литературе существует множество примеров людей с высокой моралью; В жизни все великие писатели умели по-настоящему ценить то, что их окружает, то, что было в их жизни*. Общее место – перечислительный ряд собственных имен писателей: *Великие писатели, такие как Толстой, Достоевский, Тургенев, Лермонтов, учат нас задумываться над проблемой смысла жизни*. Однородные ряды нередко обнаруживают темпоральные аномалии: *Великие писатели – Фонвизин, Шолохов, Пушкин – раскрывали проблему личности; Поэты Есенин, Маяковский, Тютчев, Цветаева, Лермонтов воспевали красоту родной природы*.

Всего в исследованных четырехстах сочинениях упоминаются 39 русских писателей и 6 зарубежных (Шекспир, Сервантес, Дюма, Бредбери, Козьло, Мураками). Заметим, что неразграничение культурной, философской, эстетической значимости классической и массовой литературы проявляется в сопоставлении использованных в сочинениях показательных примеров: *Герой рассказа Гоголя «Шинель» Башмачкин в самый счастливый день своей жизни, день, когда нужно было идти забирать шинель, умирает. И его несчастливый призрак в шинели еще долго ходил по улицам Петербурга. А Волкодав из книги Марии Семенович? Он всегда стремился к счастью, но к счастью не для себя, а для его друзей! Ср.: Печорин не смог до конца понять себя. Этот пример учит нас быть честным с самим собой. Следующий пример я хочу привести из книги про пришельцев* (автор текста и название произведения не указаны).

С уверенностью можно сказать, что подавляющее число одиннадцатиклассников знают Пушкина, Толстого, Достоевского –

великих русских писателей. Однако в круг чтения вошли лишь отдельные произведения классиков: «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Война и мир», «Преступление и наказание». Менее регулярны в текстах сочинений ссылки на Гоголя («Мертвые души», «Портрет», «Шинель»), Лермонтова («Герой нашего времени»), Тургенева («Отцы и дети»), Гончарова («Обломов»), Чехова («Вишневый сад»). Частотны упоминания произведений писателей XX века: Горький («На дне»), Шолохов («Тихий Дон», «Судьба человека»), Булгаков («Мастер и Маргарита»), Солженицын («Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича»), Бажов («Медной горы Хозяйка»).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в сочинениях развернутых цитат. В коллективной памяти выпускников школ не хранятся хрестоматийные поэтические тексты. Вот один из редких примеров цитирования, который воспроизводится без правки:

А. С. Пушкин любил осень и посвящал стихотворения этому времени года. «Унылая пора. Очей очерование, приятна мне твоя, прощальная пора. Люблю я пышное природы увяданье, в багрец, и золото одетые леса.» А ведь и правда в любое время года природа прекрасна по своему. И что бы дальше можно было ей восхищаться нужно сохранять то что имеем мы сегодня.

Расстановка знаков препинания внутри цитаты обнаруживает отсутствие чувства ритмической организации стиха, а трансформация лирической тональности в публицистическую формирует субязыковой конфликт.

Точная цитата далеко не всегда свидетельствует о знании текста стихотворения: *На тему одиночества есть много замечательных произведений у Лермонтова. Одно из них хорошо запомнилось мне. Небольшой корабль плывет по морю во время сильного шторма, но он не преследует какой-то определенной цели, «он счастья не ищет и не от счастья бежит». Парус просто пытается скрыть свое одиночество в буре.* Толкование проблемы в границах фрагмента лирического сюжета препятствует объективной

интерпретации лермонтовской идеи. Прецедентным становится отдельное высказывание, а не поэтический текст как целое.

Владение прецедентным культурным фондом оказывается недостаточным для конструирования рассуждения, предусмотренного экзаменационным заданием. Типичные аномалии: неправильное соединение имени и фамилии писателя: *Максим Гоголь, Александр Есенин*; неправильное указание автора произведения: *Вспомним рассказ Гоголя «Старуха Изергиль»*. Ср.: *Я знаю много примеров из литературной жизни. Например, роман Паустовского «Доктор Живаго», в котором рассказывается об огромной любви и высокой человечности; В повести Бажова «Левша» представлен образ мастера, который смог изобрести миниатюрную блоху, а потом подковать ее*. Тексты сочинений обнаруживают безразличие к жанровой форме произведения: *рассказ «Вишневый сад», рассказ известного писателя «На дне»*. Прецедентные сюжеты нередко искажаются: *Онегин скрывается в селе и занимается там общественно полезным трудом; Раскольников убивает бабушку и беременную женщину; Если взять роман «На дне», то там можно увидеть замужнюю девушку Аксиныю, которая под влиянием большой любви уходит от мужа*.

В коллективном культурном сознании выпускников средних школ закреплено ограниченное количество прецедентных знаков, источником которых являются тексты художественной литературы. Системные сбои, неточная связь отдельной прецедентной единицы с конкретным источником, неосвоенность самого книжного источника деформируют «мотивационный уровень», входящий в структуру языковой личности [Караулов 2007: 51; 56], отдаляют языковую личность молодого человека от одобряемых национальных образцов. Всё это способствует культурному разрыву между старшим и младшим поколениями.

Художественное произведение, пусть даже не изученное детально, оставляет след в памяти старшеклассника. «Образный отклик» [Гаспаров 1996] возникает на базе цепочки «поступок → нравственный результат поступка». Та или иная нравственная категория оказывается ассоциативно связанной с поступком

литературного персонажа. Например, проблема милосердия вызывает в памяти старшеклассников образ Сони Мармеладовой: *Милосердие проявляется в конкретных делах и поступках: Соня Мармеладова пошла вместе с Родионом Раскольниковым на каторгу. Милосердие связывается также с образом толстовской героини: Наташа Ростова не пожалела собственного имущества ради раненых, ради беспомощных солдат. Проявляя милосердие, она учит, какими чувствами должен руководствоваться в жизни человек. Доброта, чистосердечие, бескорыстие ассоциируются с поступком Петра Гринёва: Гринёв проявил сострадание к бродяге, отдав ему свой заячий тулупчик, отдал от чистого сердца. Поэтому во вторую встречу его с Пугачевым тот его пощадил. Значит, нужно проявлять сострадание друг к другу!* Важно подчеркнуть, что словосочетание *заячий тулупчик* вошло в активный словарь как опознавательный знак субъязыка Пушкина.

Если согласиться с тем, что «письменная речь служит для передачи мыслей, идей, знаний и понимания» [Адлер 2013: 23], следует признать, что понимание старшеклассниками духовных проявлений личности, жизненных целей и задач находится в зависимости от знаний текстов художественной литературы. Мысли о «главном», причинно-следственные зависимости формулируются авторами сочинений в проекции на поступки литературных героев. Так, общая для русской литературы идейная установка на «другого», понимание собственного счастья как счастья близких интерпретируется школьниками на примере рассказа М. Шолохова «Судьба человека»: *В центре рассказа Шолохова – история солдата по имени Андрей Соколов, прошедшего Великую Отечественную войну. Судьба жестоко распорядилась, забрав у него все самое дорогое – его родных и близких. Но Андрей не утратил способности верить в лучшее, любить и сострадать. Однажды он повстречал мальчика, который, как и он, остался совсем один в этом мире. Андрей Соколов назвал его отцом Ванюшки и тем самым подарил счастье ребенку и счастье себе.* Отмеченная взаимозависимость прослеживается регулярно: *Фронтовик Андрей Соколов, потерявший семью, обретает смысл жизни, когда*

усыновляет мальчика. Делая счастливым ребенка, Андрей Соколов сам чувствует себя счастливым. Так и я, входя во взрослую жизнь, постараюсь проявлять заботу и уважение к окружающим меня людям. Будет ли молодой человек следовать положительному примеру? На этот вопрос нельзя ответить определенно, однако с уверенностью можно сказать, что ключевую идею рассказа он осознал.

Изложение собственных мыслей может сопровождаться интерпретацией жизненного выбора литературного персонажа и сформулированной этим персонажем идеи. Вот одно из рассуждений: *Я думаю, что у каждого человека должна быть цель в жизни, выбранная его душой, иначе он постоянно будет ощущать себя неполноценным. В пример я хотел бы привести роман Достоевского «Преступление и наказание». Герой романа Раскольников ищет свое место в жизни. «Тварь я дрожащая или право имею?» – спрашивает себя Раскольников. Он убивает старуху-процентщицу, но этим убийством совершает роковую ошибку. Раскольников неправильно выбрал жизненную задачу и заплатил за <...>*

Даже откровенно наивные рассуждения обнаруживают силу художественного слова, его влияние на мировоззрение юного читателя. Например: *Я думаю, что главная цель жизни должна быть наполнена добром. Ведь даже незначительный добрый поступок приносит радость <...> А вот Раскольников решил, что он «не тварь дрожащая, а право имеет». Движимый этой идеей, которая была навязана ему его воображением, он убивает старуху и ее сестру. И никакой радости от такого поступка он точно не получил.*

Проследить эффект влияния художественного слова можно на материале сочинений, написанных по конкретному опорному тексту. Например, В. Белов использует сравнение, которое вызывает эстетические переживания старшеклассников, рассуждающих о проблеме прошлого и настоящего. Ментально значимое слово *береза* и образно воспроизведенный писателем жест комментируются во всех, без исключения, сочинениях по опорному тексту. Приведем отдельные примеры: *Возможно, у автора было такое*

прошлое, о котором лучше не вспоминать, но то, что он **отталкивается от березы**, которую когда-то посадил с братом, **как от ядовитого дерева**, наводит на мысль, что он вообще не принимает прошлого; Белов рассказывает о березе, которую они с братом посадили около окошка зимней избы, о том, как она выросла и окрепла. Но автор настаивает, что надо быть современным, и **отталкивается от березы, как от ядовитого дерева**. Автор убеждает нас в том, что не надо беречь прошлое, нужно быть современным. Но зачем отталкивать березу?; Я не согласен с автором, что он так равнодушно относится к своему родному краю. Все-таки каждый из нас – живой человек, который имеет хоть какие-то переживания, но автор в корне перечеркнул прошлое своими жестокими словами: **«И я отталкиваюсь от березы, как от ядовитого дерева»**. Но береза ведь тоже живая!; Я согласен с автором: нужно быть современным. Но **березу отталкивать нельзя!** Неподдельное чувство, выраженное старшеклассниками, позволяет сделать вывод о том, что художественное слово будит мысль о добре и зле, а художественная литература является источником нравственных и поведенческих установок. В то же время сочинения, рассмотренные как единый свертхтекст, не обнаруживают непосредственного влияния языка художественной литературы на речевой и стилистический облик анализируемого свертхтекста.

Мы проследили влияние основных разновидностей книжной речи на письменную речь школьников. Тексты сочинений содержат специфические единицы разговорной разновидности современного русского языка. Например: *Категории прошлого и настоящего обсуждают в своих произведениях великие русские писатели. Мы не можем существовать без прошлого. Дак давайте задумаемся о нашей истории!* Фонетический просторечный вариант *дак*, заменяющий нейтральный аналог *так*, употребляется для создания эмоционального эффекта усилительности: *Дак вот автор дает нам понять, что всегда надо оставаться человеком; Дак нельзя принижать роль выбранной цели; У человека случилось горе. Он потерял свою семью в автокатастрофе.*

Дак зачем напоминать ему о той боли, тоске по своим родным? Очевидно неумение дифференцировать литературные и нелитературные фонетические варианты. Аналогичные случаи: *Нужно быть хозяином **своёва** слова; Он подошел к березе и заговорил с ней **прям** как с живой.*

Просторечное влияние проявляется в реализации ненормативных аффиксальных образований: *Кто-то хранит свое прошлое, как лучинку сердца, а кто-то **надсмехается** над прошлым; Целью всей жизни Мастера **стает** роман о Понтии Пилате.*

Отсутствие в сознании старшеклассников представления о разграничении стилистических синонимов и шире – о дифференциации субъязыков – проявляется в использовании просторечных лексем: *Я прочитала текст о мальчике, который ради сестер пошел на преступление. **Малышка** (в значении «несовершеннолетний») вынужден был пойти на воровство; В поэзии много красивых слов и смыслов. И в своей речи тоже нужно употреблять эти слова, а не **выражаться** (в значении «сквернословить»); В семье, где отец **алкаш** и мать **алкашка**, дети остаются без присмотра; Любя мужчину **на стороне**, Аксиныя уходит от мужа.*

Нередко в письменных работах выпускников средней школы употребляются просторечные грамматические формы: *Человек стремится приобрести материальные **благ**; стать хозяином машины, дачи; Людей **мало чего** теперь **интересует**; Ведь в настоящей жизни очень **много чего** прекрасного; Я поддерживаю позицию автора: не стоит жить прошлым. Иначе не было бы стремления **мечтать об чем-то новом**; В **телевизоре** часто **показывают**, как люди теряют память; Свою мудрость человек **взял с тех** мудрых книг; Андрей Соколов **сбежал с плена**; Аксиныя и Григорий вместе **любовались на Дон**. На нем они встретились и влюбились **в друг в друга**.* Грамматические аномалии создают нелитературный облик высказывания и текста.

Впечатлению нелитературности письменной речи школьников способствуют единицы общего жаргона, источниками которого, по наблюдениям специалистов, являются социальные субъязыки: милицейский (полицейский), криминальный, а также субъязыки

наркоманов, бизнесменов, студентов, школьников [см.: Ермакова 1999: IX–XI]. Социальная отмеченность жаргонизмов старшеклассниками не осознается. Именно поэтому в тексте сочинения ощущается инородность жаргонной лексики: *Одна моя знакомая **серьезно** увлекалась наркотиками, но потом **завязала**; **Крутой** автомобиль, куча **бабок** – вот мечта современной молодежи.* В ряде случаев жаргонизируется целое высказывание: *Человек реально идет по головам, чтобы занять побольше бабла.* Объективный процесс жаргонизации языка в письменной речи учащихся проявляется очагами. Частотными становятся ставшие модными отдельные сочетания [Новиков 2005: 84]: *Базаров был нигилистом **по жизни**; Человек сам выбирает, чем ему заниматься **по жизни**; Выбирать себе занятия **по жизни** нужно тщательно; Огорчения **по жизни** будут чаще, если не радоваться успехам других.* В активный лексикон школьников проникает интенсив *реально*: *Самое главное – что нам будет **реально** интересно; Наши парни **реально** не хотят работать; Могу сказать однозначно, что иволга **реально** поет не зря.*

Дефицит литературных средств выражения мысли сказывается в использовании «пустых» слов, которые в конкретном высказывании утрачивают модальное значение предположительности: *Великолепные писатели Шолохов, Толстой, Островский обладали **как бы** развитой памятью и написали великолепные произведения; Автор **как бы** словами, своими мыслями описывает то, что он видит, представляет и чувствует. Я думаю, что Бунин **как бы** хочет передать чувства, которые у него были, когда он читал книгу. Ср.: Я скажу из своего опыта, что не надо **типа** жить в своем мире; Я хочу **типа** выразить благодарность автору за поднятие важной проблемы.*

Просторечные и жаргонные языковые единицы, которые учащиеся используют в письменной речи, подтверждают объективность процесса демократизации русского литературного языка: расширение его границ за счет сближения с некодифицированными подсистемами. Следствием соединения в тексте литературных и нелитературных элементов является субъязыковой

эклектизм. Непреднамеренно отобранные в процессе производства книжно-письменного произведения речи сигналы разных субъязыков – следствие несформированного навыка дифференциации последних. В процессе порождения текста не происходит осознанного переключения с одного субъязыка на другой, с разговорного языка на книжный и наоборот [см.: Крысин 2004: 336]. Стилистически не сочетающиеся единицы употребляются как стилистически однородные.

Если многообразие в тексте сочинения диагностировать только с позиции носителя книжного литературного языка, можно утверждать, что в языковом сознании старшеклассников формируется общий лингвистический фонд, включающий как знаки литературного языка, так и знаки социальных субъязыков, не осознающиеся как маркированные и как аномальные в соотношении с книжными. Дихотомия «книжное – разговорное» в большинстве случаев оказывается при порождении текста сочинения нерелевантной. Вывод о нейтрализации указанной оппозиции является не универсальным, но типовым, характерным для речевой практики языковой личности старшеклассника. При этом языковая личность понимается как «“усредненный” типовой представитель» [Шмелева 2003: 804] данной лингвокультурной общности, а лингвистический фонд – как особо организованная система средств разных уровней, закрепленных в сознании языковой личности.

Речевая деятельность в проекции на ее коммуникативный результат и результат прагматический обеспечивается не только собственно лингвистическим, но и лингвокультурным фондом, единицами которого, как уже было отмечено, являются прецедентные знаки, сохраняющие связь с текстами художественной литературы и шире – с текстами культуры.

Прецедентные высказывания из хрестоматийных литературных текстов вошли в язык и употребляются как афористические выражения, оценочные стереотипные суждения в разных ситуациях речевого пользования. Набор имеющих речевое воплощение социокультурных стереотипов не ограничивается, однако, афористическими высказываниями писателей, поэтов, драматургов.

Оставляя за пределами настоящего исследования типологию речевых стереотипов, обратим внимание на функциональный аспект проблемы.

Стереотип, в широком понимании термина, – это «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т. п., в то же время это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [Бартминский 2005: 68]. Социокультурные стереотипы, поддерживающие коллективную идентичность, закрепились в языке. Именно «повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях... а также закрепление этой характеристики в языковых средствах» [Бартминский 2005: 169] – в значениях слов и фразеологизмов, в семантических связях между частями высказывания и значении целого высказывания – выступают как показатели стереотипизации. Речевой стереотип в каждом конкретном случае его употребления – это специфический знак общенациональной или групповой идентичности, «своего» или «чужого». Отбор и сочетание стереотипов находятся в прямой зависимости от ценностных предпочтений языковой личности.

В текстах сочинений употребляются пословицы и поговорки, позволяющие выразить общенародную точку зрения: *В народе говорят: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Я считаю, что вспоминать о прошлом незачем. Нужно жить настоящим; Наверное, каждый из нас знает пословицу: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Но это вовсе не означает, что не надо вспоминать о своем прошлом; Никогда не нужно жалеть, что уже произошло. Нужно идти вперед и вперед. Как говорится, что ни произойдет, все к лучшему. Ничего, если человек совершает ошибку. Как говорят, на ошибках учимся; Мой жизненный опыт говорит о том, что какими бы ни были твои воспоминания, это часть тебя, твоих ошибок, твоих знаний. И пускай я иду против поговорки «Дурак учится на своих ошибках, умный – на ошибках*

других», у меня будет свой личный опыт. Типовые сопроводители высказываний «в народе говорят», «как говорится», «все знают / каждый знает» акцентируют общенародную точку зрения. Одинадцатиклассники осознают аксиологическую значимость общего взгляда на конкретное обозначаемое и тем самым – собственную принадлежность к лингвокультурному общенациональному сообществу. Формульный оборот, как показывают примеры, осмысливается авторами сочинений аналитически: в одних случаях это бесспорный аргумент в поддержку собственной позиции, в других – общепринятое утверждение, которое оспаривается.

Пословицы и поговорки часто употребляются с отсылкой к жизненному и речевому опыту старших членов семьи: *Отец меня предупреждал, что в жизни есть много случаев, которые необходимо помнить, чтобы не наступать два раза на одни и те же грабли; Мне бабушка часто говорит: «Без горького не почувствуешь сладкого»; «Тот, кто не голодал, – говорит мой дед, – не знает, почем фунт лиха».* Эти и подобные высказывания выявляют особую роль народной афористики в трансляции ценностных установок, в формировании диалога сознаний, в установлении межпоколенческих культурных связей.

Традиционные социокультурные стереотипы, мотивирующие выбор одобряемых культурным сообществом поступков и решений той или иной проблемы, находят речевое воплощение в группах высказываний.

Высказывания с ключевым словом *человек / люди*: *Каждый человек должен помогать ближнему своему; Человека так мало, и ты не можешь объять необъятное; Человек должен найти место под солнцем; Человек не должен быть одиноким; Все мы люди, все мы достойны любви и понимания; Люди должны друг друга поддерживать.*

Высказывания с ключевым словом *духовный*: *Главное – это духовное богатство; Я хочу узнавать для себя что-то новое, иметь какие-то открытия, иметь свои духовные ценности; Духовный порыв помогает осуществить цель жизни.*

Высказывания с ключевыми словами *прекрасное, красота*: *Прекрасное рядом; Жизнь прекрасна; Нужно видеть и понимать красоту природы; Красота – это внутренний мир человека.*

Высказывания с ключевым словосочетанием *выбрать/выбирать свой путь*: *Главное – выбрать верный, правильный путь в своей жизни; Чтобы выбрать правильный путь, сначала нужно все взвесить и подумать; Каждый выбирает свой путь; Цель жизни – делать что-то не так, как у других, реализовать себя, выбрать свой путь.*

Группы приведенных высказываний основаны на реализации «общих» (неспецифических) языковых средств, с помощью которых декларируются принятые в национальной культуре ценностные установки.

Новейшие социокультурные стереотипы формируются на базе отдельных слов, денотативное и понятийное содержание которых осмысливается с учетом сторонней точки зрения и в проекции на национальную культурную традицию. Этим можно объяснить антитетическое построение отдельных фрагментов рассуждений. Чаще всего формируется ценностный конфликт духовного и материального: *Человек должен дорожить духовными ценностями и не ставить в своей жизни на первое место ценности материальные; В современном обществе перестали замечать духовную красоту, все стремятся к материальным благам.* Дихотомия духовного и материального конкретизируется на фоне новейших стереотипов: *В наше время многие стремятся уехать в другую страну и делать карьеру, заработать много денег. А цель жизни нужно выбирать с душой. Главная жизненная задача должна диктоваться добротой к людям, любовью к своей семье, к своему городу, к своему народу, ко всей вселенной. Духовные радости – вот ради чего нужно жить. Ср.: Сейчас повсюду говорят, что главное в жизни – построить карьеру, заработать большие деньги, купить машину, дачу, квартиру, но, добившись всего этого, каждый понимает, что самого себя человек не познал, утерять реальные краски драгоценного мира, забыл о духовном; Работать в фирме, купить домик у моря – это все неплохо, но не стоит забывать*

о духовной жизни, об общении с друзьями и близкими. В отдельных случаях в тексте сочинения примат материального характеризуется как общесоциальное зло: *Что есть современное общество? Это общество потребления, общество, где культ потребления возведен в высшую степень, где люди живут по принципу «моя хата с краю», я только потребляю.* Духовное, в отличие от материального, признается ценностным достоянием, интерпретируется как личный мировоззренческий выбор.

Еще одна группа новейших стереотипов поддерживается ключевыми словами *компьютер, Интернет, Сеть*. Осуждающий взгляд со стороны не является всеобщим. В большинстве случаев старшеклассниками отмечается неизбежность, объективность компьютерной зависимости: *XXI век – это век новых технологий, век компьютера, поэтому человек не может не зависеть от Интернета.* Увлечение компьютером нередко оценивается как вредная привычка: *Сегодняшние дети очень зависят от компьютера; Дети сидят целыми днями возле компьютера; Ребята сутками сидят в Интернете на разных сайтах и блогах; Проблема многих молодых людей в том, что они сидят в социальных сетях, играют в компьютерные игры и не могут оторваться.* Компьютерная зависимость интерпретируется также как суррогат эмоций: *Люди все чаще предпочитают переживать всякие разные эмоции в сети, а не в жизни; Молодые люди отказались от нормальных чувств и подсади на компьютер; Вместо нормальных книг, которые позволяют испытывать настоящие чувства, – сейчас компьютер.* Наконец, типичный случай – признание собственной «любви» к социальным сетям: *Я люблю сидеть в социальных сетях; Я, как и многие другие, привык жить в социальной сети; Я думаю, что без компьютера сегодня жить нельзя, поэтому больше всего я люблю Интернет.* Как следует из материала, новейшие культурные практики и связанные с ними стереотипы осмысливаются аналитически, сопоставляются с традиционными ценностными предпочтениями.

Нельзя не обратить внимание на исповедальность как культурно-специфическую составляющую сверттекста сочинений.

Опора на жизненный опыт членов семьи, рассказ о нравственном подвиге, об участии в судьбе друзей и соседей, о равнодушии к горю близких, поражающая откровенность, вера в чудо – все эти грани национальной языковой личности прослеживаются в речи старшеклассников. Например:

*Автор текста считает, что, несмотря на то, что семья не участвует в социализации личности, один случай или человек может сыграть очень большую роль в этом процессе. Я согласна с позицией автора, так как со мной случился этот случай. Я жила в социальном приюте и понятно, чему там можно научиться. Я начала пить, курить, прогуливать школу, ходить на дискотеки. И так бы все и продолжалось, но в один прекрасный день случилось чудо. 15 октября 2008 г. меня решила удочерить одна очень хорошая женщина. Мне тогда было 14 лет, и я благодарю Бога за то, что она приняла меня и полюбила, как родную дочь. Так этот случай коренным образом изменил мою жизнь. **З** Социализация личности – это очень важный и трудоемкий процесс, и хотелось бы, чтоб у каждого человека главную роль в этом процессе играла семья. Ну а если это не получилось, то чтоб в каждой судьбе был этот самый случай. Я думаю, конечно, у каждого будет и был такой случай. Главное, не пропустить его.*

В приведенном текстовом фрагменте проявляется глубокий нравственный потенциал автора сочинения: оптимизм, вера в счастливый случай, утверждение преобразующей силы человеческого участия и благородства, способность к самоанализу, деятельностная готовность к преодолению пороков и самосовершенствованию.

Сформулируем три заключительных замечания.

1. Подход к корпусу письменных работ школьников как к единому сверткесту позволяет сделать вывод о субъязыковом эклектизме, который обнаруживает себя в непреднамеренном употреблении одиннадцатиклассниками специфических средств разных субъязыков, отсутствии дифференциации этих средств. Книжный облик речи под влиянием иностилевых вкраплений деформируется. Заметно сужение круга чтения и, следовательно, ослабление

непосредственного влияния на речь школьников книжно-письменных текстовых образцов.

2. Сверхтекст сочинений обнаруживает **препятствия**, не позволяющие выпускникам школ реализовать «готовность к письменной речи» [Караулов 2007: 60]: орфографическая и пунктуационная безграмотность, отсутствие навыков конструирования сложного предложения, ограниченный индивидуальный лексикон, ограниченный запас прецедентных текстов и информационных стандартов книжной речи.

3. Речевые стереотипы, их логические связи в тех фрагментах сочинений, которые организованы по типу рассуждения, свидетельствуют о мировоззренческой значимости ядерных концептов, которые соответствуют ценностным предпочтениям национальной языковой личности (духовность, человечность, откровенность, понимание прекрасного, свой путь). Новейшие социокультурные стереотипы, мировоззренческое влияние которых не следует преуменьшать, осмысляются в проекции на участки национальной картины мира. Закрепленное в коллективном сознании старшеклассников ядро национального культурного фонда необходимо сохранить и расширить с помощью образовательных технологий, разрабатываемых с учетом многоглаголия как объективной данности современного языкового существования.

Литература

- Адлер М. Искусство говорить и слушать. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М. : Индрик, 2005.
- Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996.
- Демонстрационный вариант ЕГЭ 2013 г. Русский язык, 11 класс [электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.fipi.ru/view/sections/226/docs/627.html>.
- Ермакова О. П. Источники пополнения и тематические группы жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. Слова, с которыми мы

- все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М. : Азбуковник, 1999. – С. IX–XVII.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 6. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
- Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социалингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Новиков В. И.* Словарь модных слов. М. : Зебра Е, 2005.
- Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький : [б. и.], 1975.
- Шмелева Е. Я.* Языковая личность // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под общим руководством Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 804–805.

3.2. Эффект многоглаголия в школьном дискурсе

А. И. Дунев

Обращаясь к проблеме дифференциации языковых средств в школьном дискурсе, считаю необходимым обратиться к идее Л. В. Щербы о способах сосуществования речи разных социальных групп. Одну из причин сложности изучения языка ученый видел в том, что «в реальной действительности вся картина сильно усложняется и затемняется тем, что некоторые группы населения могут входить в несколько социальных группировок и иметь, таким образом, отношение к нескольким языковым системам. От степени изолированности разных групп друг от друга зависит способ сосуществования этих систем и влияния их друг на друга» [Щерба 1974: 27].

По существу, учитель и ученик как субъекты коммуникации принадлежат разным социальным и возрастным группам. Столкнувшись с этими социально-возрастными группами в единой плоскости школьного дискурса позволяет говорить о появлении многоглаголия как явления речевой дифференциации.

Являясь предметом исследования, школьный дискурс – частный (но и прототипический) случай педагогического дискурса – складывается как взаимодействие и противопоставление двух социоречевых ролей: учитель и ученик.

Объектом анализа в настоящей работе становятся не столько реальные факты речевой деятельности, сколько фрагменты, моделирующие коммуникацию школьного учителя и ученика. Модели речевого взаимодействия учителя и ученика ярко представлены в отечественной художественной прозе.

В русской литературе имеются давние традиции создания образа учителя. В этой связи вспоминаются «Детство» Л. Толстого, «Очерки Бурсы» Н. Помяловского, автобиографическая повесть С. Аксакова «Гимназия», повесть «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского. Не всегда образ учителя воспринимается как положительный. Комические и сатирические образы учителей присутствуют в русской классике от «Недоросля» Д. Фонвизина до рассказов А. Чехова с незабываемым Беликовым и его фразой «Как бы чего не вышло». М. А. Черняк отмечает: «Критическое изображение школы являлось своеобразным лейтмотивом всей русской классической литературы» [Черняк 2010: 29].

Изменение традиции наметилось в середине прошлого века: в произведениях, созданных в 60-80-х гг. и адресованных подросткам, личные качества учителя, его поступки и слова были примером для подражания. Достаточно назвать повести Чингиза Айтматова «Первый учитель» (1965); Юза Алешковского «Кыш, Двапортфеля и целая неделя» (1970); «Третий в пятом ряду» (1975); «Безумная Евдокия» (1976) Анатолия Алексина, «Благие намерения» (1982) Альберта Лиханова, «Ночь после выпуска» (1974) Владимира Тендрякова, рассказ Валентина Распутина «Уроки французского» (1973). Сейчас можно спорить, был ли это социальный заказ или же искренняя тональность и сила воздействия на читателей свидетельствуют о самостоятельности и независимости выбора писателем темы и красок в изображении педагога. Возможно, у целого поколения писателей было прекрасно сформировано чувство благодарности.

В конце 80-х гг. образ учителя начинает «тускнеть», можно вспомнить повесть В. Железникова «Чучело», написанную в 70-х, но ставшую популярной после выхода на широкий экран фильма (1983), произведения В. Крапивина, в которых образ учителя отходит на второй план.

В 90-е годы литература перестает быть ориентиром нравственных ценностей, из нее уходит позитивный образ учителя. В начале 21-го века тексты об учителях и современной школе стали востребованы как никогда. И эта потребность вызвала новую волну произведений, в которых появляется современный учитель.

Школьная проза оказывается многоадресной. Первый и главный адресат текста о школе – подросток. Второй адресат – родитель, желающий разобраться в том, что происходит с его ребенком, читающий вместе с ребенком одни и те же книги. И третий адресат – учитель, интересующийся как школьной прозой, так и представлением своей профессии в литературно-художественных произведениях.

Тексты, адресованные взрослым и рассказывающие о современной школе, нередко предлагают негативный образ учителя и школьной среды в целом (А. Иванов. «Учитель глобус пропил», Е. Свиноаренко. «Учитель-психопат», М. Осипов. «Камень, ножницы, бумага» и др.). Образ учителя складывается прежде всего благодаря созданию автором речевого портрета персонажа.

Речь – основной инструмент учителя. Профессия требует от педагога сознательного отношения к отбору языковых средств. Именно поэтому внимание писателя обращено на речь как отражение личности, которая способна оказать положительное или отрицательное влияние на взрослеющего человека.

Конечно, профессия неизбежно накладывает отпечаток на речь человека. Ограниченное количество часто повторяющихся жанров и форм речи (замечание, требование, объяснение нового материала, обвинения и оправдания) обуславливает появление типизированных формул, учительских штампов. Когда учитель вне школы начинает продуцировать эти жанры в общении с окружающими – это говорит об отсутствии речевого контроля, неадекватной

реакции на речевую ситуацию, неуместное использование речевых клише – и в конечном итоге о профессиональной деформации.

Манера учительской речи не раз становилась предметом высмеивания в анекдотах: *Заходит учитель вечером после трудового дня в городской автобус и хорошо поставленным голосом громко говорит:*

– Здравствуйте, садитесь!

Профессиональная «зашоренность» сужает круг тем и, в конечном итоге, ограничивает набор языковых средств. Это одна из опасностей профессии.

Часто речевые проблемы оказываются результатом и симптомом психологического, эмоционального и интенционального состояния учителя.

Сущность многоглаголия в школьном дискурсе чаще всего выявляется в психологическом конфликте «учитель – ученик» и становится ключом к анализу эффективной педагогической коммуникации.

Школьная коммуникация как речевое взаимодействие учителя и учеников, как правило, организована таким образом, что педагог стремится создать единое коммуникативное поле, задать границы общения, привести речевое многообразие к общему знаменателю. Речевой конфликт, обнаруживаемый в школьном дискурсе при общении ученика и учителя, основывается не столько на различии в выборе языковых средств, сколько на противопоставлении коммуникативных установок и ценностей. Своеобразие школьного дискурса заключается в том, что в общении учителя и ученика происходит трансляция социальных и личных ценностей и установок, а также их восприятие и оценка собеседниками, включенными в «другое культурное поле».

Психофизиологической причиной речевого конфликта учителя и ученика можно считать появляющееся у подростка сопротивление унификации и единообразию, стремление выделиться и заявить о себе как о личности.

Речь – внутренний образ учителя-профессионала, в котором скрыты его ощущения, переживания, намерения и отношение как к предмету речи, так и к собеседнику.

Современная литература обнажает проблему педагогического конфликта, в котором учитель и ученик – две противоборствующие стороны.

В романе петербургских авторов Натальи Курчатовой и Ксении Венглинской «Лето по Даниилу Андреевичу» герой – выпускник истфака, специалист по средневековой Франции, знаток старофранцузской поэзии. Целый ряд проблем (неудачный любовный роман, отчисление из аспирантуры, растрата денег, подаренных уехавшей в Америку матерью) приводит Даню в школу, где есть лишь одно вакантное место – учителя домоводства для девочек. При этом статус профессии учителя в привычной социокультурной среде явно низок:

Нелепость, молодой и неглупый мужик – и школьный учитель. Подумать смешно. Тоже мне, взвейтесь кострами, синие ночи. О такой работе в приличном баре за кружкой «гиннеса» как-то не заикнешься: справа пиарщик, слева какой-нибудь финансист, специалист по фьючерсным торгам, напротив – менеджер по продажам баллонов со сжатым кислородом.

Для писателей интересна нестандартная речь и неординарная личность. Так, получив возможность вести уроки истории, Даниил Андреевич стремится научить своих учеников думать, а точнее – просто разговаривает с ними о том, что волнует его самого:

Дети, я ни в коем случае не хочу окорачивать в вас такое естественное чувство, как патриотизм, но вы должны понимать, что в наше время для того, чтобы генерировать миф, вовсе необязательно строить подземные города и рассылать полстраны по «беломорканалам». Достаточно запустить несколько циклов пафосных передач по центральному ТВ, и люди в маленьких уральских городках будут работать на заводах за тысячу рублей в месяц и гордиться своей великой отчизной.

Заслуживает внимания тот факт, что при гендерном меньшинстве в школе учителей-мужчин именно они становятся героями произведений современных писателей. Но, что грустно, практически никто из героев современной литературы не задерживается

в школе. Школа становится ступенькой в другой мир, ступенькой, через которую нужно пройти, не останавливаясь. Вот мотивированный ответ талантливого педагога – персонажа современной повести Андрея Жвалецкого и Евгении Пастернак «Я хочу в школу» – полюбившим его ученикам:

Мне не дадут работать только с вами. На меня навесят еще пять классов, классное руководство и заставят заполнять кучу бумажек. Я буду 80 процентов своего рабочего времени тратить на заполнение формуляров и выяснение отношений с директором, и только 20 процентов на общение с детьми. Причем из этих 20 процентов эффективными будут только 20 процентов. Остальное время уйдет в полный пишик. <...> Ребят, хватит того, что у меня жена – врач в обычной больнице. И двое детей. Если еще и я сяду на бюджетную зарплату, то нам есть будет нечего.

Гендерный выбор в пользу учителя-мужчины (и, соответственно, мужской речи) делают многие писатели, обращающиеся к теме современной школы.

Речевая ситуация, в рамках которой происходит общение учителя с учеником, характеризуется дифференциацией языковых средств, которая может быть осознаваемой и неосознаваемой адресантом и адресатом, а на фоне коммуникативных неудач становится явной.

На каком языке говорит современный учитель с классом, с учеником? Что изменилось в общении учителя и ученика? Какие средства, тактики и стратегии оказываются эффективными?

Если находишься внутри речевой ситуации, то оцениваешь ее как нормальную, хотя иногда испытываешь дискомфорт, чувствуя, что твой собеседник не настроен на волну взаимопонимания.

Различие в понимании ситуации и в способе мышления часто высмеивается в анекдотах:

– Когда ты наконец справишь свои отметки? – спрашивает директор у Вовочки.

– Я пытался, но учительница заметила исправления в журнале и поставила еще две двойки!

Между тем проблемы многоречия в школьном дискурсе прежде всего не внешние, связанные с выбором языковых средств, а внутренние, заключенные в глубинном конфликте «учитель – ученик».

Школьная коммуникация, т. е. речевое взаимодействие учителя и учеников, как правило, организована таким образом, что многоречие равнозначно конфликту и поэтому всеми способами подавляется учителем. Конфликт связан с различиями в ценностных предпочтениях.

В качестве примера моделирования общения неординарно мыслящего ученика с учителями, мышление которых ограничено штампами, приведу рассказ «Педсовет» из книги Артура Гиваргизова «Записки выдающегося двоечника»:

Однажды учителя пригласили выдающегося двоечника, трижды ученика 4 класса «Б» Гаврилова Сережу выступить на педсовете с докладом: «Почему дети не хотят учиться и не делают уроки».

– В Поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнить с пользой от НЕДЕЯНИЯ. В этом закон небесного ДАО, – начал Сережа. – Когда будет уничтожена ученость, тогда не будет и печали, – сказал Сережа и глубоко вздохнул.

– А физика?! – закричала с места учительница по физике. – Без физики ты бы, Гаврилов, даже не знал, что Земля круглая!

– Какая же она круглая? – удивился Сережа.

– Как какая! – не выдержала учительница по географии и вынула из сумочки чугунный глобус, который носила с собой, как средство самозащиты. – Вот, как глобус!

– Ну, хорошо, – усмехнулся Сережа и показал пальцем на океан, – а почему тогда вода не выливается?

– А Земля ее притягивает, как магнит! – снова вскочила красневшая от волнения учительница по физике.

– Магнит не притягивает воду, – сказал Сережа и устало прикрыл глаза, – я это знал еще в детском саду.

– Что же, по-вашему, Сергей Сергеевич, – вежливо обратился к Сереже директор школы, – ученые ошиблись, и все жертвы были напрасны?

– *Эррарэ хуманум эст – ошибаться – человеческое свойство. Цицерон, – сказал Сережа и развел руками. – Я вас понимаю, и, поверьте, мне очень жаль.*

– *Как, как? – переспросил учитель по истории. – Повторите еще, я не успел записать. Эррарэ хуманум кто?*

– *Эст, – сказал Сережа.*

Описывается ситуация, в которой ученик в споре с учителями одерживает интеллектуальную победу. Чтобы убедить читателя в коммуникативном превосходстве ученика над наставниками, А. Гиваргизов выбирает для характеристики учительских коммуникативных реакций яркие детали: учителя *кричат, не выдерживают* (т. е. проявляют несдержанность), *вскакивают, раскрасневшись от волнения; переспрашивают* (не в состоянии понять и запомнить сообщение с одного раза). Комический эффект достигается за счет демонстрации несостоятельности учителя как оппонента. Пружина комизма кроется в смене коммуникативных ролей: ученик поучает учителей.

Речевые жанры, используемые в речи педагогов, оказываются безапелляционными и даже агрессивными, нарушают правила ведения дискуссии. Начинается спор с обвинения: *Без физики ты бы, Гаврилов, даже не знал, что Земля круглая!* Далее следует ложный аргумент, смешивающий причину и следствие (*Земля круглая, как глобус*), поэтому легко опровергаемый выдающимся двоечником. Бездоказательная декларация (*Земля притягивает воду, как магнит*) не укрепляет интеллектуальную позицию учителей. Опора на авторитет, представленная в виде риторического вопроса, также не имеет решающего действия, так как опровергается подобным аргументом – цитатой из Цицерона.

Многоречие, по нашему мнению, вызвано не столько противопоставленностью языковых, сколько несовпадением коммуникативных задач, интенциональных состояний участников педагогического общения. Для экспликации коммуникативных интенций учителя нами выбраны фрагменты из книги А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу». Фабула произведения такова: ребят из школы для одаренных, где все не так, перевели

в обычную школу на время ремонта и во избежание проверки. Персонажи, участвующие в диалоге: Анастасия Львовна – учительница начальных классов и Аня – ученица 3-го класса.

Анастасия Львовна вошла. Все вскочили по стойке смирно. Она улыбалась.

Аня поняла, что учительница все время улыбается. Постоянно. Не повышает голоса. Не говорит ничего плохого.

Но откуда тогда страх, который после фразы «Проверим домашнее задание!» сгустился так, что воздух можно было топором рубить?

Все открыли тетрадки и положили их на край стола. Учительница медленно шла по рядам и делала пометки в блокноте. Аня тоже положила на край стола свою тетрадку.

– Что это? – спросила Анастасия Львовна и слегка подняла бровь.

– Я старалась, – улыбнулась Аня.

– Слово «задача» пишется в центре строки. После решения нужно отступить три клеточки и только потом писать ответ. «Ответ» должен быть с большой буквы, и после него ставится двоеточие. Как ты училась, если не знаешь таких простых вещей?

Аня растерялась.

– Но ведь решение правильное!

– К завтрашнему уроку пять раз перепишешь это задание.

– Зачем? – ужаснулась Аня.

Все это время Анастасия Львовна что-то бодро строчила в блокноте.

– Я много слышала про 34-ю школу, – сказала она, – но не думала, что все настолько... Ладно, ты не виновата.

Учительница улыбнулась, Аня поежилась.

– Через месяц я сделаю из тебя человека, – пообещала Анастасия Львовна. – А сегодня останешься после уроков.

Интересно, Ане показалось, или ее сосед по парте действительно нервно дернулся?

Другой фрагмент (персонажи те же) демонстрирует неприятие учителем самостоятельности в рассуждениях ученика:

– Скажи мне, девочка, ты когда последний раз открывала учебник? – ласково спросила учительница.

– Вчера! – честно сказала Аня. – Только я его читать не стала.

– Почему? – поинтересовалась Анастасия Львовна.

– Да он для маленьких! – сказала Аня. – Я чуть не заснула. Жалко стало время на него тратить.

Учительница смотрела на Аню, не мигая. А Аня опять уткнулась в свой листик.

– Анастасия Львовна, я не понимаю, что здесь неправильно! Вопрос: «Занятия первобытных людей». Я написала, что это охота, рыбалка, домашнее хозяйство и рисование.

– Рисование — это не занятие! – отрезала учительница. – И в учебнике нет никакого домашнего хозяйства.

Там четко все расписано. Занятия первобытных людей – охота, рыболовство, собирательство и хранение огня!

Перечисляя занятия, Анастасия Львовна уверенно загибала пальцы.

– Но рисунки же есть! – удивилась Аня. – Значит, рисование тоже было!

– Не все первобытные люди рисовали!

– Тогда вопрос сформулирован неправильно! – сообщила Аня. – Тогда нужно было написать «основные занятия первобытных людей».

Улыбка у учительницы слетела с лица. Но Аня, совершенно не понимая, что происходит сейчас внутри у педагога, продолжила:

– И вот тут, «орудия труда железного века», я написала, что это нож и топор. А вы мне вписали еще и меч, и щит. Но меч и щит – это не орудия труда, это оружие!

Анастасия Львовна впервые в своей педагогической практике треснула кулаком по столу. Аня подпрыгнула.

– Что случилось? – испуганно спросила она.

Учительница с трудом взяла себя в руки.

При анализе речи учителя, с точки зрения коммуникативных интенций, характеризуется 1) манера общения; 2) лексика

и грамматика; 3) жанры речи; 4) невербальные средства; 5) коммуникативные цели и задачи, а также тактики.

Анастасия Львовна стремится к доброжелательной манере общения (по крайней мере, внешне). Это проявляется в улыбчивости, спокойной речи, использовании этикетных формул. *Учительница все время улыбается. Не повышает голоса. Не говорит ничего плохого.* Педагог для выражения побуждения к совместному выполнению действия использует форму первого лица множественного числа в значении повелительного наклонения: *Проверим домашнее задание!* Авторы показывают обратный коммуникативный эффект: *страх сгустился так, что воздух можно было топором рубить*. Несоответствие реакции учеников и способа выражения императива определяется опорой школьников не на речевые показатели, а на жизненный, в том числе речевой, опыт.

Лексика и грамматика речи учителя безупречны. С точки зрения выбора языковых средств, мы обнаруживаем все признаки хорошей речи: правильность, доступность, точность, логичность.

Второй фрагмент выявляет намерение учителя подчинить ученика, заставить выполнять привычные для педагога требования. Здесь описывается речевой конфликт между учителем и учеником, возникающий в результате предвзятости оценки, неготовности признавать любые аргументы своего собеседника, так как учитель не считает, что общение строится на равных. Агрессию, которую проявляет учитель, выдают не слова, а прежде всего невербальные средства: *Перечисляя занятия, Анастасия Львовна уверенно загибала пальцы; Улыбка слетела с лица; треснула кулаком по столу.*

Примечательно, что учитель использует в качестве обращения не имя собственное «Аня», «Анечка» (так называют героиню повести авторы), а наименование по полу «девочка». В речи учителя мы обнаруживаем нагнетание коммуникативного напряжения, которое происходит за счет формульного использования таких речевых жанров, как обвинение, упрек (*Как ты училась, если не знаешь таких простых вещей?*) и оправдание, которое сопровождается снисходительным, покровительственным тоном (*Ладно,*

ты не виновата). Скрытая угроза, неясное обещание (*Через месяц я сделаю из тебя человека*) подчеркивают коммуникативное превосходство учителя, речевая партия которого включает специфические субъязыковые единицы – штампы.

Школьница чувствительна к неискренности и высокомерию. Многократное переписывание Аня воспринимает как бессмысленное действие. Нестандартная реакция школьницы деавтоматизирует диалог и приводит учителя в замешательство. Происходит речевой сбой: вместо прямого ответа на резонное замечание Ани следует немотивированное предписание, выраженное с помощью повтора субъязыкового стандарта:

– Но ведь решение правильное!

– К завтрашнему уроку пять раз перепишешь это задание.

Анастасия Львовна выбирает стратегию запугивания, подавления адресата. Тактика выстраивается по цепочке: коммуникативное напряжение – обвинение – милостивое прощение.

Учительница, мышление которой стандартизовано, не готова к тому, что третьеклассница может с ней не согласиться и, более того, исправляет то, что считает неверным. Побуждение ученика к метатекстовой деятельности происходит потому, что для третьеклассницы Ани очевидна несправедливость оценивания. Многообразие возникает как результат различных коммуникативных целей и задач. Интенциональное состояние учителя характеризуется стремлением обвинить, принизить ученика и укрепить собственный статус с помощью проверенных на практике субъязыковых формул – руководств к действию.

Авторы повести оценивают намерения, проявляющиеся в речи учителя, как нежелательные и даже порицаемые.

Идеал в представлении писателей – учитель, который общается с учениками на равных. Вот речь другого персонажа этого же произведения. Учитель устанавливает собственные правила педагогического общения:

Говорить громче я не буду. Заставлять себя слушать тем более. Кому не интересно, садитесь назад и молча занимайтесь

любым другим делом. Если будете мешать, сразу получаете самостоятельную работу. Я посмотрел ваш учебник. Честно говорю, по этому материалу я работать не могу. Поэтому мы делаем так: я вам буду начитывать лекции. Пять лекций, потом проверочная работа. И сразу договариваемся – тратить свое время на то, чтобы вас контролировать, я не собираюсь. Мне совершенно все равно, записываете вы за мной или нет. Меня интересуют только ваши знания, каким путем вы их получаете – это ваше личное дело. А сейчас я хочу проверить ваш уровень. Оценки никуда ставить не буду, я просто должен понять, с какого уровня мне начинать читать материал.

Впалыч раздал листочки.

– Все задачи простые, но нестандартные. Все варианты разные.

Глядя на задачи, класс взвыл.

– Мы такого не решали!

– Это не по программе!

– Мы не проходили!

Виктор Павлович ухмыльнулся.

– Все проходили. Нужно только немного подумать. Довольно сложно начать, но вы потом привыкнете. Думать – это вообще хорошая привычка.

Через пятнадцать минут Кошка и Дима собрали работы, а Впалыч провел разбор всех задач. Горячо хвалил тех, кто решил. Показал несколько способов решения каждой, а в конце урока сказал:

– Все лучше, чем я думал. Мы с вами работаем.

Манера речи Впалыча спокойная, даже несколько равнодушная. Категория персональности, реализованная в местоименных и глагольных формах, четко противопоставляет говорящего коллективному адресату: *я и вы*. Учитель использует сентенции (*Думать – это вообще хорошая привычка*), поучения (*Нужно только немного подумать*), похвалу, но избегает употребления педагогических штампов.

Речь учителя-мужчины передается авторами как независимая, раскрепощенная, логичная. Коммуникативные задачи и намерения (установить доброжелательные продуктивные отношения, приносящие пользу) оцениваются писателями как желательные и одобряемые.

Наблюдения за педагогической речевой коммуникацией в условиях реальной школы и представленной в художественных текстах о школе позволяют сделать вывод о многоглаголии в школьном дискурсе. Субъязыковые педагогические штампы далеко не всегда интегрируют коммуникацию. Напротив, они способствуют разрушению единства коммуникативного пространства. Результатом многоглаголия может стать коммуникативная неудача или речевой конфликт.

Сигналы описываемого явления – противопоставление языковых средств с точки зрения их стилистической дифференциации и сферы употребления. Многоглаголие обнаруживается в различиях оценки языковых единиц в системе координат «свой – чужой», в конфликте коммуникативных целей и интенциональных состояний адресанта и адресата. Задача учителя – нейтрализовать конфликт, добиться единства коммуникативных целей.

Источники

- Гиваргизов А.* Записки выдающегося двоечника. – М. : Эгмонт Россия Лтд., 2005.
- Жвалевский А., Пастернак Е.* Я хочу в школу. – М. : Время, 2012.
- Курчатова Н., Венглинская К.* Лето по Даниилу Андреевичу. – М. : Амфора, 2007.

Литература

- Черняк М. А.* Школа как диагноз: опыт современной прозы // Образование XXI века: формирование условий для создания успеха учителя и ученика в общеобразовательном учреждении. Вып. 5. Сборник научно-методических статей. Отв. ред. А. И. Дунев. – СПб. : САГА, 2012. С. 21–31.
- Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 24–39.

3.3. Речевой портрет действующего политика в контексте многоречия

О. И. Асташова, Е. В. Шулындина

Для публичного политика, один из видов деятельности которого связан с произнесением публичных речей, важен языковой образ, который складывается в сознании массового адресата, ибо «настоящий политик – это вовсе не *Homo faciens* – человек действующий и (к сожалению) даже не столько *Homo sapiens* – человек разумный, сколько *Homo loquens* – человек говорящий, причем говорящий публично» [Михальская 1999: 3]. Не случайно в лингвистических трудах новейшего времени активно развивается процедура лингвистического портретирования.

Создающийся исследователем по принципу фиксации «ярких диагностирующих пятен» (Т. М. Николаева) речевой портрет политика предполагает описание речевой манеры, маркирующей индивидуальность в ее социальном бытии, а также речекультурную характеристику языковой личности. Мы опираемся на широкое определение культуры речи, выходящее за пределы ортологии: «Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые <...> позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [Ширяев 1996: 13]. В этом понимании культуры речи главным становится «коммуникативное целеполагание», являющееся «организационным центром культурно-речевых механизмов» [Купина 2007: 59].

Необходимый для политика набор коммуникативных компетенций предполагает «знание литературного языка и речевую компетенцию, т. е. умение строить высказывания по определенным правилам на основе знания языковых единиц и правил их соединения» [Матвеева 2003: 105]. Каждый адресант определяет свой набор эффективных средств коммуникации в зависимости от конкретной речевой ситуации и в соответствии с собственной «речевой биографией» [Седов 2004: 9].

Особая задача, таким образом, формулируется как характеристика дискурса политика с позиций реализации принципа эффективности общения, учета качеств оцениваемой речи как инструментария для достижения коммуникативной цели.

Активный интерес исследователей к коммуникативной компетентности современного политика [Комментарий к Федеральному закону... 2009; Культура парламентской речи 1994; Проскуряков 2004; Хорошая речь 2001 и др.] обусловлен особым вниманием общества к речи публичных людей. Существует устойчивое общественное мнение: речь политика априори должна быть эффективной во всех своих функциональных проявлениях, ей необходимо отличаться «высоким и эстетическим уровнем своего состояния» [Химик 2009: 9]. Отмечается, что политический дискурс недостаточно изучен «с точки зрения взаимоотношений литературной нормы и коммуникативно-речевого узуса, с точки зрения императива нормы, ее предписаний и их реализации в речевой практике» [Голанова 2006: 40]. Однако обнаружение и перечень ошибок в речи политика было бы обеднением научной задачи. Собственно научный интерес представляет обнаружение более глубокой связи культурно-речевых навыков политика с выбранной профессией.

Работа над категоризацией понятия «речевая культура» привела современных исследователей к созданию классификации типов речевых культур [Гольдин 1993], которая определяет соответствующие уровни коммуникативной компетенции. Высшая степень владения коммуникативными навыками проявляется у носителей полнофункционального типа, признаками которого являются «максимально полное знание языковой системы, ее функциональных возможностей и норм их использования» [Сиротинина 2003: 5]. Неполнофункциональный тип предполагает «владение не всеми, а лишь профессионально значимыми функциональными стилями» [Там же: 6]. Сниженный уровень коммуникативной компетенции (в трактовке В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой) характерен для среднелитературного, литературно-жаргонизирующего и обиходного типов речевой культуры.

Российские политические деятели представляют собой гетерогенный коллектив с точки зрения возраста, уровня культуры, профессионального образования и других параметров, накладывающих отпечаток на формирование языковой личности. Тем не менее «к речевой культуре политика предъявляются особые требования: работа с людьми, публичность обязывают их соответствовать более чем среднему уровню» [Сиротинина 2003: 4–5].

Очевидно, что в процессе лингвокультурологического портретирования следует учитывать набор маркеров, характерных для каждого типа речевой культуры. Выявление этих маркеров в речевом дискурсе говорящего / пишущего позволяет диагностировать уровень / тип речевой культуры.

Данная типология, с одной стороны, дает в руки исследователя инструмент, измеряющий уровень владения речевой культурой. С другой стороны, классификация типов речевой культуры отличается высокой степенью абстракции, на ее основе невозможно описать речевую индивидуальность. Более тонким инструментом процедуры портретирования является понятие речевой манеры говорящего.

Индивидуальная манера речевого поведения, отмеченная прежде всего языковыми средствами, «предпочитаемыми индивидом» [Дымарский 2006: 82], – это элемент следующей, более частной субкатегоризации типа речевой культуры.

Речевая манера профессионального политика характеризуется «многоязычием, двудиалектностью, полиглотизмом» [Ларин 1977: 189–190], т. е. способностью переключаться на различные подсистемы языка и стилевые регистры в соответствии с предложенными обстоятельствами. В существующей социальной реальности можно говорить о сформировавшемся «лингвокультурном типаже (модельной личности)» политика [Карасик 2003: 29], который в определенных обстоятельствах действует, адаптируясь к обстановке, для достижения определенного коммуникативно-прагматического эффекта. Политики, как «члены одной лингвокультурной группы», используют «вербальные знаки отдельных субъязыков» [Купина 2013: 71].

Рассмотрим с этой точки зрения речевые портреты двух действующих политиков – Н. Ю. Белых и М. Д. Прохорова.

Никита Юрьевич Белых (в 2013 году ему исполнилось 38 лет) имеет богатый опыт публичных выступлений. С 2005 г. по 2008 г. он возглавлял оппозиционную либеральную партию «Союз правых сил»; с 2009 г. по настоящее время он представляет власть в должности губернатора Кировской области. Н. Ю. Белых вырос в интеллигентной семье (его родители – ученые); получил два высших образования (экономическое и юридическое), имеет ученую степень кандидата исторических наук. Профессиональная деятельность сначала в бизнесе, потом в политике способствовала расширению языковой эрудиции, совершенствованию коммуникативных умений. Коммуникативная компетенция лидера сформировалась под влиянием речевой среды, профессионального образования и жизненного опыта.

Михаил Дмитриевич Прохоров (в 2013 г. ему исполнилось 48 лет) — предприниматель, президент частного инвестиционного фонда, миллиардер, бизнесмен, под управлением которого «Норильский никель» стал в отрасли мировым лидером. М. Д. Прохоров рос в семье госслужащего; мать – инженер; он окончил Московский финансовый институт.

В отличие от Н. Ю. Белых, М. Д. Прохоров пришел в политику недавно. В июне 2011 года он возглавил российскую политическую партию «Правое дело». Речевой имидж М. Д. Прохорова-политика находится на стадии формирования, однако богатый коммуникативный опыт в сфере бизнеса позволяет ему рационально совершенствовать речевую компетенцию, переключаясь на политическую деятельность. Несмотря на недостаточный опыт публичных выступлений, олигарх уже в декабре 2011 года, после внутрипартийного раскола, смог выступить независимым кандидатом на президентских выборах 2012 года и среди претендентов занять третье место. М. Д. Прохоров ведет активную культурную и просветительскую деятельность, он возглавил основанную им партию «Гражданская платформа» (в декабре 2013 г. руководство партией было возложено на И. Д. Прохорова).

Индивидуальные черты речевой манеры обоих политиков, Н. Ю. Белых и М. Д. Прохорова, характеризуются «смешением языков» [Дымарский 2006: 86]: в их речи мы находим немало примеров субъязыковых пересечений.

С одной стороны, речь действующих политиков отличается книжностью. Например, Н. Ю. Белых говорит: *Вообще доходы складываются из нескольких составляющих: первое – это заработная плата, которая получена по месту работы; второе – это проценты по вкладам; и третье – это иная деятельность* (Интервью с Тиной Канделаки, 12.04.11). Политик акцентирует внимание на логике изложения, использует обороты, по терминологии В. Г. Костомарова, различные «словесные увязки», характерные для книжной речи: *еще раз говорю, еще раз подчеркну, повторяю*. Например: *Еще раз говорю, мы возьмем эти расходы на себя* (Эхо Москвы, 30.11.09); *<...> сейчас, вот я подчеркиваю, у нас не было оснований каким-то образом быть недовольными тем, как организована эта часть работы* (Там же).

Книжность речи ярко прослеживается на лексическом уровне. М. Д. Прохоров и Н. Ю. Белых, будучи опытными финансистами, часто переходят на субъязык экономики и финансов: *бизнес, рынок, кризис, финансы, финансовый ресурс, рыночные отношения, доход, миллион, инвестиции, активы, кооперация* и другие специфические единицы. Как видно из примеров, «особую роль играет политическая, экономическая лексика» [Солганик 1997: 204], вошедшая в общее употребление. Но Н. Ю. Белых и М. Д. Прохоров используют не только распространенные в политическом дискурсе термины типа инфляция, доходы, но и узкоспециальные единицы политического языка. Вот примеры высказываний М. Д. Прохорова: *Мы посмотрим коалиционные правительства разные, там тоже есть трения* (<http://radio.bfm.ru/news/2012/06/21/new-5.html>); *За счет чего будет достигаться конкурентоспособность при строительстве новых рабочих мест? Это мне не очень понятно, нужна будет другая экономическая парадигма* (<http://www.kommersant.ru/doc/1963605>); *Это не чисто российская проблема, это проблема горячих капиталов, она сейчас существует везде в мире, и любая страна в будущем и в настоящем*

сталкивается с гигантским количеством сложностей. Просто меняется формация (<http://radio.bfm.ru/news/2012/06/21/new-5.html>).

М. Д. Прохоров обнаруживает знания в экономике, владение экономической терминологией. Он профессионально рассуждает о современном экономическом состоянии страны, анализирует его: *Макроэкономические цифры говорят о росте экономики, промышленности, но с другой стороны – все это остается неповоротливым, статичным. В общем, я за диверсификацию. И хотя бы 20 % активов должны быть в кэше или в близком к нему состоянии, чтобы в тяжелый момент помочь своему бизнесу, если рынки капитала закрыты* (ForUm, 10.07.2012). Ср. фрагмент речи Н. Ю. Белых: *...вернемся к политике. Здесь тоже устанавливается монополия. Причем она не «продуктовая», а «монополия производителя». То есть монополия принадлежит даже не «Единой России», поскольку это – «продукт», а его «производителю», то есть Кремлю. Этот же монополист, помимо производства, является владельцем товаропроводящей сети («Первый канал», ВГТРК, НТВ и т. д., и т. п.), а также мерчендайзером; монополист выдает потребителю «продуктовый ряд», расширяет «товарный ассортимент», предлагая продукт в разных упаковках, имитируя конкуренцию между брендами, чтобы привлечь потребителя, которому монопольная торговая марка на рынке не по душе* (Новый компаньон, 11.04.2006).

Неотъемлемой приметой речевого портрета политика является общественно-политическая лексика, существенная доля которой представляет собой ключевые слова политического дискурса: *выборы, СМИ, политический режим, политика, государство, гражданство, власть, оппозиция, реформы, режим, общество, партия, идеология, президент, Дума, чиновники и др.* Концентрация политической лексики ощущается в речи М. Д. Прохорова: *У нас другой принцип: в выборах должны участвовать люди, которые имеют шанс на победу, а просто наработать бренд – это легитимизировать выборы без выборов. Именно поэтому мы в партии приняли принципиальное решение не участвовать*

в выборах (www.vedomosti.ru); Мы – политическая партия, задача которой брать власть. Поэтому мы в первую очередь присматриваемся к тем регионам, где проходят выборы (<http://polit.ru/article/2013/03/07/prokhorov/>). Ср. высказывания Н. Ю. Белых: ...мы – оппозиция со своей собственной политической позицией, со своими политическими принципами, менять которые под сиюминутные политические выгоды мы не будем (Живой журнал, 11.07.06); ...гражданское общество до сих пор не то что не расправило плечи, но даже толком не встало на ноги (Ведомости, 14.12.10); ...мы считаем как бы, что вот это никоим образом на коррупцию не влияет, мы считаем, что только власть виновата в том, что происходит (Эхо Москвы, 12.03.12).

Тенденция к книжности прослеживается также в стремлении к экспрессивному выражению мысли. Помимо средств выразительности, встречающихся в публичной речи, политики используют прецедентные тексты из арсенала культуры, преимущественно в виде цитат из художественной литературы, а также высказывания известных политических деятелей. Приведем фрагменты из устной и письменной речи Н. Ю. Белых: *Не хочу сыпать какими-то банальными штампами, цитируя Черчилля по поводу того, что «демократия – отвратительный способ управления», но, к сожалению, лучший из того, что есть* (Эхо Москвы, 11.03.2013); ...на ум сразу пришло бессмертное булгаковское:

– Не читайте до обеда советских газет.

– Так других нет.

– Так вы никаких не читайте. (Правое дело, март 2006).

Интертекстуальность характерна и для речи М. Д. Прохорова: *Прежде всего стоит отметить, что я вряд ли считаюсь завидным женихом. Все уже оставили надежды на то, что я когда-нибудь женюсь. Что же касается наиболее важной черты в женищинах, то отвечаю словами Оскара Уайльда: «Женщины предназначены для того, чтобы их любили, а не понимали»* (<http://mihail-prokhorov.ru/interview/642-interview.html>); *Можно спокойно признать: на этом этапе власть переиграла меня. Но, как пел Высоцкий, «еще не вечер»* (<http://md-prokhorov.livejournal.com/118082.html>).

Поликодовость проявляется в переходе с литературного языка на нелитературные субъязыки. Приспособление к речевой среде массового адресата обеспечивается за счет переключения на его код. Приведем примеры из устной речи Н. Ю. Белых, характеризующиеся намеренной сниженностью: *...думаешь, елки-палки, вообще-то, собственно говоря, на эти деньги можно было в детский дом купить* (Эхо Москвы, 10.12.12); *...те, кто занимается такими вещами, делают одну большую ошибку. Они считают людей быдлом. Да, именно так* (Живой журнал, 18.01.12); *...у РОСТЕЛЕКОМА есть интерес, чтобы эти веб-камеры, немножко поюзанные там у себя...* (Эхо Москвы, 27.02.12); *Если вы просто сначала посмотрите «Вести-24», послушаете «Эхо Москвы», например, у вас возникнет очень серьезное внутреннее бурление чувств и желание кому-то все-таки морду набить* (Эхо Москвы, 06.02.2012).

М. Д. Прохоров использует элементы общего жаргона: *Из интересных мест — я периодически на Ибицу езжу. Клевое место, отличный спорт, современная музыка и молодежная тусовка* (<http://mihail-prokhorov.ru/interview/721-interview.html>); *...атмосфера, и внутренняя, и внешняя, должна быть в гармонии. Тогда ты отдыхаешь. И если этого не происходит, это уже какие-то ненужные понты* (<http://www.snob.ru/profile/5021/about>); *Например, в Германии Партия пиратов. Феномен, никакой идеологии, чистый протест, стеб, трэш, как хотите* (<http://mihail-prokhorov.ru/interview/544-interview.html>).

Современные политики активно используют иронию — как в зоне монологической, так и в зоне диалогической речи. Ирония ощущается, например, и в монологическом высказывании Н. Ю. Белых, и в его диалогических репликах: Н. БЕЛЫХ. *... когда они (скандальные выпуски на НТВ передач о Кировской области и губернаторе Белых) не выходят, я начинаю волноваться, не случилось ли с ними чего.... а потом они на следующий день выходят, и я чувствую, что ничего с ними не случилось* (Эхо Москвы, 30.01.12); ЖУРНАЛИСТ. *Можно еще заручиться поддержкой домовых комитетов, Никита Юрьевич...* Н. БЕЛЫХ. *А можно заручиться*

поддержкой троллей и гномов, какая разница, я просто к тому, что, мне кажется, идет дискуссия немножко не в том ключе (Эхо Москвы, 09.04.12).

Ирония и самоирония – примета речевой манеры М. Д. Прохорова: М. ПРОХОРОВ: *Вообще в следующем году «Гражданская платформа» впервые пойдет на выборы как партия. В этом году нас придержали в рамках попытки рейдерского захвата нашего имени. Я говорил единороссам — зачем вам это название? Это же для граждан, а вы подданные. Поэтому я им предложил название «Дворянское гнездо». Мне кажется, им гораздо больше подходит. Но не все поняли эту шутку* (<http://mihail-prokhorov.ru/interview/721-interview.html>). ЖУРНАЛИСТ. *Если вас выберут президентом, найдётся ли место для первой леди?* М. ПРОХОРОВ. *Конечно, её будут звать Россия* (<http://mihail-prokhorov.ru/interview/642-interview.html>).

В заключение отметим, что речь действующего политика сочетает в себе разные субъязыковые сигналы, свидетельствующие о полифункциональном типе речевой культуры. Для повышения стилистического «градуса» выражения, имеющего задачу сформировать авторитетный политический имидж, вызвать доверие, применяются книжные конструкции и специальная лексика – финансовая, экономическая, общественно-политическая. Интеллектуальное и эмоциональное воздействие основывается на отсылочном использовании прецедентных текстов. Для создания комического эффекта используются иронизмы. Стилистическое понижение, выступающее инструментом переключения на код массового адресата, сближения с электоратом, достигается за счет включения в авторскую речь просторечной и жаргонной лексики и фразеологии.

Источники

<http://radio.bfm.ru/news/2012/06/21/new-5.html> (дата обращения: 25.08.13).
<http://www.kommersant.ru/doc/1963605> (дата обращения: 2.08.13).
<http://m.for-ua.com/interview/2012/07/10/080000.html> (дата обращения: 2.08.13).
www.vedomosti.ru (дата обращения: 2.08.13).

<http://polit.ru/article/2013/03/07/prokhorov/> (дата обращения: 2.08.13).

<http://mihail-prokhorov.ru/interview/642-interview.html> (дата обращения: 25.08.13).

<http://md-prokhorov.livejournal.com/118082.html> (дата обращения: 25.08.13).

<http://mihail-prokhorov.ru/interview/721-interview.html> (дата обращения: 15.04.13).

<http://www.snob.ru/profile/5021/about> (дата обращения: 1.09.13).

<http://mihail-prokhorov.ru/interview/544-interview.html> (дата обращения: 4.05.13).

<http://tikandelaki.livejournal.com/225500.html> (дата обращения: 25.02.2013).

<http://www.echo.msk.ru/programs/belykh/637802-echo/#element-text> (дата обращения: 18.01.2013).

<http://www.sps.ru/?id=212399&PHPSESSID=> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://www.echo.msk.ru/programs/belykh/867490-echo/> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://www.echo.msk.ru/programs/belykh/1028312-echo/> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://www.echo.msk.ru/programs/belykh/965106-echo/> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://echo.msk.ru/programs/belykh/862738-echo/> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://www.echo.msk.ru/programs/belykh/855993-echo/q.html> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://www.echo.msk.ru/programs/belykh/853556-echo/> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://www.echo.msk.ru/programs/belykh/876587-echo/> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://www.sps.ru/?id=212083> (дата обращения: 14.12.2012).

http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/251676/merkantilnye_shagi (дата обращения: 14.12.2012).

<http://belyh.livejournal.com/42443.html> (дата обращения: 14.12.2012).

<http://belyh.livejournal.com/2012/01/18/> (дата обращения: 14.12.2012).

Литература

- Голанова Е. И. Публичная речь в прямом эфире: литературная норма и речевая практика / Е. И. Голанова // Проблемы языковой нормы. Тез. докладов междунаро. конф. Седьмые Шмелевские чтения. – М. : РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2006. – С. 40–42.
- Гольдин В. Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – Вып. 25. – Проблемы культуры речи. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1993. – С. 9–19.
- Дымарский М. Я. Речевая манера: конфликтность внутренняя и внешняя / М. Я. Дымарский // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : колл. монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Тр. Урал. МИОНА. Вып. 20. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 74–88.
- Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. ИЯ РАН. – М. : «Азбуковник», 2003. – С. 24–45.
- Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» : в 2-х частях. Ч. 1. Доктринальный и нормативно-правовой комментарий. – СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
- Культура парламентской речи / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев, Е. М. Лазуткина. – М. : Наука, 1994.
- Купина Н. А. Лингвоидеологические процессы и проблемы культуры речи / Н. А. Купина // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука. – Вып. 9. – 2007. – С. 58–72.
- Купина Н. А. Разноязычие и многоречие в социокультурном пространстве / Н. А. Купина // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 68–75.
- Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание. – М. : Просвещение, 1977. – С. 189–190.
- Матвеева Т. В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003.
- Михальская А. К. О речевом поведении политиков / А. К. Михальская // Независимая газета. – 1999. 3 дек.

- Проскуряков М. Р.* Дискурс власти (Очерк культуры политической речи) / М. Р. Проскуряков // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналит. мат.-лов. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2004. – С. 82–105.
- Седов К. Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004.
- Сиротинина О. Б.* Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека (роль социальной активности личности в формировании типа речевой культуры) / О. Б. Сиротинина // Язык и власть : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 3–12.
- Солганик Г. Я.* Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 1997.
- Химик В. В.* Государственный язык Российской Федерации: языковая норма и ценностные ориентиры русской речи / В. В. Химик // Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» : в 2 ч. Ч. 1. Доктринальный и нормативно-правовой комментарий. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2009. – С. 5–15.
- Хорошая речь* : кол. монограф. / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001.

3.4. Игровой субъязык С. Д. Кржижановского

Т. А. Гридина

Сфера литературно-художественного творчества – уникальный коммуникативный регистр, использующий специфические коды общения автора с читателем, в том числе коды языковой игры (ЯИ).

Субъязык писателя – сложный феномен, отражающий не только систему координат авторского миромоделирования, но и индивидуальную лингвокреативную технику воплощения художественного замысла. Соответственно филологическая интерпретация художественных текстов непосредственно связана с декодированием присущего им «субъязыкового своеобразия» [Купина 2013:70], что, в частности, может проявляться в наличии игровой

доминанты, транслирующей мысль автора в нестандартном ассоциативном ключе.

В этом отношении весьма показателен субъязык С. Д. Кржижановского, в творчестве которого ярко выражено экспериментальное начало, воплощаемое как в фантазийном, мистическом сюжете, так и в тонкой, изощренной ЯИ. В аннотации на книгу рассказов и повестей писателя (Кржижановский 2006) как нельзя более точно сказано: «Его новеллы – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия».

Слово писателя само по себе есть самодостаточный объект авторской рефлексии и выстраивания смысловой перспективы текста. Насыщенность произведений Кржижановского игровыми импликациями требует от читателя включения в процесс сотворчества с автором, известного интеллектуального усилия, преодоления сопротивления восприятию мысли в «нестандартной» форме. Операциональные механизмы и конструктивные принципы ЯИ соответствуют образно-эвристической сущности субъязыка Кржижановского, открывающего читателю особые, находящиеся за гранью обычных значений слов, виртуальные миры.

Мы определяем ЯИ как особую форму лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах актуализации и одновременного переключения, ломки стереотипов восприятия, порождения, употребления языковых знаков. ЯИ предполагает возможность оперировать знаком, создавая направленный эффект его воздействия, требующий от адресата дешифровки нестандартного языкового кода, транслирующего авторскую интенцию. Конструктивные принципы ЯИ – ассоциативное наложение, ассоциативная интеграция, ассоциативная выводимость, ассоциативная идентификация, ассоциативная провокация, имитация – моделируют соответствующий контекст восприятия игры²⁷ на фоне

²⁷ Данный термин был введен нами для обозначения единицы (результата) ЯИ как семантической и/или формальной трансформации (обновления) некоего исходного языкового материала [Гридина 1996; 2012].

породившего ее прототипа. Операциональные механизмы ЯИ – специальные приемы лингвистической техники, задающие перспективу ассоциативной интерпретации знака. Это механизмы порождения слова (мотивационная техника создания игры); механизмы контекстуальной актуализации слова (включая лексический фон); механизмы, эксплуатирующие асимметрию языкового знака (новое семантическое наполнение готовых языковых форм и поиск новых форм выражения мысли – с акцентированием соответствующего аспекта «игровой» семантики) [Гридина 1996].

Говоря о ЯИ как черте художественного миромоделирования, необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть ее дискурсивный характер. Такое понимание заложено в трактовке этого феномена Л. Витгенштейном. Согласно его концепции, ЯИ (= сам язык и все виды «сплетенной» с ним деятельности [Витгенштейн 1995: 79]) задает некие границы, которые направляют мысль говорящего в определенное русло. Однако «правила» ЯИ включают в себя не только и не столько следование установленному социальному канону, сколько саму возможность его деавтоматизации. Ср. в этой связи важный постулат философской концепции В. фон Гумбольдта о том, что «... язык допускает свободное использование только в рамках своего характера...», но в то же время «в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии, которые кто-то считает нежелательными» [Гумбольдт 1985: 372, 349]. Коды ЯИ актуализируют многомерность ассоциативных связей вербального знака, при этом *игра* («продукт» ЯИ) предстает как производное от индивидуальных черт *homo ludens* («человека играющего» – в терминологии Й. Хейзинги) vs *homo creans* («человека творящего»). Использование принципов ЯИ выступает и как особая примета художественного идиостиля, в котором самопрезентация автора опосредована нестандартной словесной «аранжировкой» мыслеобраза.

«Странное слово» Кржижановского – это своего рода ключ к пониманию его художественного игрового сознания, в основе которого лежит принцип релятивизма, стремление вывернуть расхожую истину наизнанку.

К такому необычному восприятию побуждают уже сами названия новелл писателя. Ср., например, оксюморонные заглавия типа «Автобиография трупа» (из цикла рассказов «Чем люди мертвы»), «Проигранный игрок», «Сбежавшие пальцы», «Прикованный Прометеем», «Разговор двух разговоров» и др. ЯИ принимает в подобных случаях характер перевернутой максимы, что достигается опрокидыванием пресуппозиций семантической и лексической сочетаемости, меной синтаксических ролей «субъект и его признак», «субъект и его действие», «субъект и объект действия» и т. п.

Принцип ассоциативной провокации (нарушения прогноза), используемый Кржижановским в заголовочных играх (в том числе прецедентного характера), задает парадоксальную логику развития сюжетной перспективы. Так, в рассказе «Прикованный Прометеем» развенчивается миф о Прометее как герое, похитившем огонь для людей и обреченном за это на вечные страдания. В действительности трагическим последствием его поступка оказывается то, что огонь, попав к людям, утрачивает свое божественное предназначение, именно он, будучи низвергнутым с небес на землю, несет незаслуженную кару:

...Огонь весь трепетал от негодования... Взгляни на меня, о Зевес: за что мне, ни в чем не повинному, посланы муки, перед которыми твои кары – ничто. Подумай: мне – седмиустому Пламени, ...небожителю, блистающему среди небожителей, – быть брошену сюда, на черную землю, к людям, бороться с мраком их пещер, униженно ползать по сучьям и поленьям, вымаливая в пищу каплю масла и ветви сухого хвороста; ...тлеть на их грубых алтарях и треножниках... Пусть он, обидчик, прикован к камням – поделом; но за что прикован я, за что мое звездное тело прижато кирпичами к днищам их очагов? ...Горе земле, похитившей меня! (Ист.: 436–437).

«Заплакавший» (что уже оксюморон! – Т. Г.) от жалости к самому себе, заточенный в лампаду, Огонь погибает от собственных затушивших его слез. Последняя фраза «умирающего» Огня, брошенная великому старцу Эсхилу, пишущему героическую

поэму-трагедию «Прометей, принесший огонь», расставляет все на свои места: *«Будь прославлен в веках», – прозвучало шипящим шепотом у края светильни, – и Огонь потух: он убил себя слезами. ...Старец Эсхил беспокожно застонал во сне: ему снилось – трагедия о Прометее, принесшем огонь, встречена тихим, но злобным шипением: ошикана* (Ист.: 438).

Фонетическая игра (звукоизображение шипения затухающего огня), поддерживающая сближение значений этимологически родственных слов *шипящий*, *шипение* – *ошикать*, создает эффект их оценочной идентификации и подводит саркастический итог этой «вывернутой наизнанку» истории-мифу. Избранная точка отсчета меняет ракурс восприятия события, показывая, что истина, оценки и ценности человеческого бытия относительны.

Приведенная новелла – не единственное подтверждение этого тезиса в творчестве Кржижановского, использующего прием «сдвига», смещения привычной точки зрения на изображаемое. В этом процессе активно задействована техника ЯИ, основанная на принципе ассоциативной выводимости, позволяющем моделировать такой ассоциативный контекст игры, в котором она осмысливается как элемент, зависимый от того или иного вида устанавливаемой мотивационной связи. Текстовый нарратив при этом выстраивается писателем как цепь рефлексий над этимологией и деривационно-смысловыми связями ключевого слова. В произведениях Кржижановского подобные комплексы идентифицируемых по смыслу и по форме слов часто очерчивают параметры создаваемой им художественной «реальности» (модели мира) и получают символические функции.

Так, в повести «Странствующее “Странно”» уже в названии парадоксально сближаются смыслы родственных лексем, разошедшихся в значениях (в это же гнездо этимологических ассоциатов в тексте включаются еще и *пространство*, *страна*, *странник*, *страннеть*). Знаковым для выражения авторского замысла оказывается «восстановление» мотивационной связи слов *странствующий* («путешествующий по разным странам») и *странно*. Последнее выступает как символический знак новизны, узнавания

неизведанного, непонятного. Философский смысл приобретает идея свертывания и развертывания жизненного пространства как проявления внутренней свободы личности. В новелле намечаются разнообразные векторы перемещения в пространстве: начиная с эпиграфа (...*Это «странно» – как странника прими в свое жилище.* «Гамлет», д. 1, сц. 5) выражается идея существования человека в рамках того пространства, которое он сам готов «впустить» в свой внутренний мир. Ср. реплику, обращенную к рассказчику, ждущему прибытия поезда: – *Что ж, постраниствуйте, это так просто: упаковать вещи и перемещаться в пространстве.* И далее: *Мало: Странствия превратят вас самого, ваше «я», в некое «Странно»; от смены стран вы будете страннеть, хотите вы этого или не хотите; ваши глаза, покатавшись по свету, не захотят вернуться назад в старые удобные глазницы...* (Ист.: 303). Определенное «Странно» вбирает в себя смысл странствования как стремления познать еще неизведанное, узнавание чего задает новые перспективы миропонимания и «блокирует» возвращение к уже пройденному (оказиональный глагол *страннеть* ассоциативно соотносится с мотиваторами *страна*, *странствовать* и *странный* в значении «не свой, чужой, непохожий»). Ср. также выражение *с другой стороны (посмотреть, увидеть)*, перекликающееся с текстовой метафорической синекдой (...*ваши глаза, покатавшись по свету, не захотят вернуться... в старые удобные глазницы*). В этой текстовой экспозиции содержится зерно понимания символического (философского) смысла авторской игры с ключевым словом текста: вся человеческая жизнь есть перемещение в пространстве бытия, границы которого человек определяет сам.

В юности ...герой (профессор), чья история (воспоминание) лежит в основе повествования, *откликнулся на зовы пространства, хотел дойти до куда всех дорог...*, но «самое длинное и самое трудное /его/ путешествие» *передвинуло /его/ в пространстве лишь на семьдесят футов* (Ист.: 304).

Именно это путешествие открыло ему, человеку, захотевшему *здесь в малом мире, мира большего*, простую истину: ...*В большее*

есть один путь: через **меньшее**, а в **возвеличение** – сквозь **умаление** (Ист.: 305). Путешествие в пространстве – это извечная борьба между известным и неизвестным (между жаждой Свободы и Страхом), и это путь того, кто *предпочитает загадку разгадке, заданное данному, дальний конец алфавита с иксом и зетой – элементарным абцедам и абевегам...* (Ист.: 309).

Фантастический сюжет (уменьшение роста героя – с помощью волшебной тинктуры) позволяет представить ничтожно малое как неизмеримо большое и большое как ничтожно малое, ощутить *странность* бытия вне привычного жизненного измерения и метаморфозу собственного «я» героя по возвращении к исходному состоянию. Ср. выбор героя (*умалившегося* под воздействием капель до величины букв), стоящего перед неизведанной перспективой существования в новом пространстве: – *Да, мое назад было близко, на расстоянии протянутой руки* (стоило лишь прикоснуться к букве-символу, чтобы принять свой прежний вид. – Т. Г.), *но я... направился в безвестное вперед* (Ист.: 308). Туда – сюда, *назад – вперед* – вот бесконечно пересекаемые человеком грани перемещения во времени и пространстве, состояния бытия между свершившимся и грядущим. *Бациллы времени* безвозвратно вбирают в себя жизнь человека. Часовая стрелка, вращающаяся по циферблату, – символический аналог неумолимого бега времени, остановить который может только смерть. Передвижение в пространстве есть и мысль (аналог такого передвижения – существование героя в мозгу, *внутри мышления своего врага*, где он видит *дрожь и сокращение рыхлых ассоциативных нитей, ...то втягивающиеся, то длинящиеся щупальца нервных клеток, сцеплявших и расцеплявших свои длинные вибрирующие конечности* (Ист.: 348). Напряженное стремление понять этот тонкий механизм, овладеть им, управлять им – особое ментальное существование, испытываемое самостоятельно мыслящим человеком (в данном случае героем повести, внедрившимся в чужой мозг). Но безусловная грань бытия, охватывающая внутренний мир человека, – это любовь, которая каждому открывает свой опыт переживания новизны и силы чувств (все действия героя повести,

все его «превращения» подвижны стремлением познать любовь, добиться любви). И только *жизнь за гранью жизни* остается «тайной красной тинктуры», рассказ о назначении которой оборван подошедшим для героя временем отъезда, необходимостью успеть на уходящий поезд в погоне за вечно *странствующим* «Странно». Таким образом, ЯИ органично включается в сюжет, позволяя писателю переводить смыслы «обычных» слов в русло экзистенциальной философской проблематики.

В числе характерных для субъязыка Кржижановского принципов художественной символизации – игра с лексико-грамматическими актуализаторами мнимости, ничтожно малой величины, позволяющей измерить, казалось бы, неизмеримое. С. С. Бирюков называет эту особенность творческой манеры писателя хлебниковским окказионализмом *наималы*²⁸, имея в виду особое внимание Кржижановского к неким словесным «первоэлементам»: «Ясно, что в своих смещениях – малое-большое / большое-малое он следует, например, Свифту, но если Свифт работал исключительно с так сказать видимыми объектами, то Кржижановский уходит дальше, внутрь тела, к «атомарности» телесного и психофизиологического»... Как раз это оказывается возможным показать путем взаимодействия минимальных единиц языка» [Бирюков 2010: 328–329].

Излюбленным кодом ЯИ выступает в данном случае транспозиция слова в другой грамматический класс (субстантивация частиц, наречий). Такие опредмечивающие номинации придают слову статус игрем с символикой ирреальной бытийности («Страна нетов», «Чути-чути» и др.).

Показательна в этом плане новелла «Чути-чути». Герой-рассказчик – служащий *по отделу графического анализа*, чей труд заключается в *обнаружении фальшивых документов* – духовных,

²⁸ Хлебниковский неологизм *наимал*, согласно трактовке Бирюкова, «...коррелирует с понятием «атом», учением о наималах языка, слуха, ума <...> Оказалось, что им можно обозначать не только минимальные «детали» языка, вплоть до слова, но и элементы художественного языка и даже философского и исследовательского дискурса» [Бирюков 2010: 331].

подложных векселей, верениц поддельных подписей. Отождествление героем самой работы с человеческим именем как с объектом, в котором скрыта *ложь*, придает метафорический смысл выражениям *линия наклона, уклоны* строк, *вгибы* и *выгибы* букв (ср. *уклончивый ответ, уклоняться от ответа*). Символическое звучание в сюжетном контексте приобретает фраза: *Под прозрачностью стекла правда почти всегда разбухает в мнимость* (ср. *рассматривать через лупу* – в прямом значении и в переносном – выискивать ‘скрытые дефекты’: *...работа требует наводстренного глаза*). Заметим расширение символики ключевого для Кржижановского слова *глаз* (и формы мн.ч. *глаза*) в связи с темой *кажимости, мнимости, видимости* и *реальности*. В развитии этого мотива участвуют подмена и переключение смыслов паронимов *подделывать* и *поддевать*: – *Что подделываете? Почему не «что поддеваете»: поддевают любовь, мысль, буквы, поддевают само дело, идеологию, себя* (ср. *дело, подделывать, подделка*). Аналогичен по принципу образования и своеобразный игровой силлогизм: *Все их положения на подлоге* (ср. *положить – подложить – подлог – ложь* как слова этимологически родственные). И далее – явный игровой сарказм по поводу подлинности и священности брачных уз: *А их так называемый **брачный подлог**, т. е. нет **полог**: выдерни из слова букву, из смысла малую неприметность, отдерни **полог-подлог**, а там такое...* (Ист.: 366). Мотив подлога, неподлинности перетекает в философское обобщение относительно мнимости человеческих ценностей: *Подложно имя: следовательно, подложен и носитель имени. Подложен человек, значит, фальшива и жизнь*. Олицетворенный образ фальши – *буквы=люди*, все они фальшивы, *лжемысленны, мнимословны* (ср.: *буквы* – только знаки, изображения, которые можно подделать, из них складываются слова, отсюда их мнимословность. – Т. Г.). Данный фрагмент, весь построенный на этимологической игре, – лишь завязка для собственно фантастического повествования о встрече с королем *чутей-чутей*, покровителем *елей-елей*.

В моделировании ассоциативного контекста приведенных игрем использован прием субстантивации наречий *чуть-чуть* и *еле-еле* (с количественным и временным значением). Эти субстантиваты-«наималы» – квинтэссенция авторской игры. В текстовом поле при восприятии их в привычном частеречном употреблении актуализируется семантика «ничтожно малой величины», «едва заметной неточности (изъяна)», некоторого несовершенства, не позволяющего считать (признать) что-либо подлинным. В символическом плане то же значение выражает развиваемую в сюжете новеллы идею *всеобщей фальши* как сути современного писателю общества. Однако ключевая играма *чути-чути* получает гораздо более глубокую интерпретацию. Появление нового персонажа (короля *чутей-чутей*) предвещает следующий знаковый фрагмент, фиксирующий смутное, едва заметное изменение в мироощущении героя, от лица которого ведется повествование: *чуть сдвинуто* и *еле отклонено* синонимизируются как выразители мотива незначительного сдвига (некоего движения), и тут же актуализируется сквозное для писателя смысловое отождествление надвигающегося, изменяющегося как нового и странного (открывающего какие-то иные перспективы существования в этом мире). Видимость и подлинность – главная оппозиция для многих новелл Кржижановского. *Чути-чути* – подданные своего короля – обладают особым *чутьем*, свойственным также и герою: «По видимости ...все подлинно, по сути, *чую*, все лживо, поддельно», – говорит он об умело подделанной подписи. Визуальный образ *Его Чуть-Чутества* (*голова в точечку, крохотный, в пылинку ростом*) вносит в восприятие субстантивированного наречия сему ‘точь-в-точь, в точку, точечный’, что в сюжете новеллы соответствует способности *чутей-чутей* обнаруживать любую, даже самую малую погрешность и, исправляя изъян в подписи, доводить ее до подлинного совершенства. Вступление героя в подданство *чуть-чутева царства* резко меняет его взгляд на мир, освобождает его от необходимости бессмысленного цензорства. Отныне всё находящееся в его ведомстве взято на учет *чутями-чутями*. И нет больше фальшивых документов (все они *амнистированы*). Миг – и стараниями

букводелов подложный росчерк преобразается в подлинный. Но можно ли «амнистировать» неправду, придав ей характер (видимость) правды? Обретенный смысл существования под контролем *чутей-чутей*, когда все вокруг получает смещение в лучшую сторону (дурнушка кажется красавицей, тусклые обои играют яркими свежими красками), оказывается утопией (король погибает, тонет в слезе, скатившейся в миг счастья из глаз героя). *Ведь у лотосов на обоях только нарисованная жизнь. И мерзлым узорам на стекле – рано или поздно истаять от солнца* (Ист.: 373). *Чути-чути* – символ некоего извне возникшего чуда, некой иллюзии спасения, несостоятельности надежд на изменение в том, что есть обман по сути (известно, что Кржижановский испытывал трагическое разочарование «результатами» Октябрьской революции, разрушившей основы прежней культуры; новое общественное устройство он не принял). Иллюзии оставались только на бумаге, на страницах его фантазмагорий (тем более и в то, что его опубликуют, он не верил). Последние строки новеллы «Чути-чути» симптоматичны в этом смысле: – *Целый день думал над этим вот. Кончаю: написанному в портфель. И мне: в чёрный глухой портфель; защелкнется – и ни солнц, ни тем, ни болей, ни счастья, ни лжей, ни правд* (Ист.: 373). Ср. аллюзию на выражение *искать правды*. Несоразмерность величин, несовпадение желаемого и возможного – еще один сквозной мотив творчества писателя, реализуемый им через символику иносказания.

В эстетике экспрессионизма, направления, к которому тяготеет Кржижановский (см. об этом: [Кубасов 2012]), принципиально зыбкой является грань между бытием и небытием изображаемого объекта, что соответствует принципу релятивизма, уже упоминавшемуся в связи с анализом новеллы «Прикованный Прометеем».

В этом отношении показателен рассказ «Страна нетов» (с использованием того же принципа игровой субстантивации, что и описанный выше). Игра начинается с первой фразы: – *Я есть – есьм. И поэтому именно есьм, что принадлежу к великому народу естей. Немогу небыть. Вданномслучае Яесть–есьм* – своеобразная формула естества, данности, настоящести – в противоположность

кажимости, небытию. Этимологическая метаязыковая рефлексия в виде переключки утраченных форм настоящего времени глагола *быть* (*быти*) и сохранившейся связки *есть* – отправная точка для обыгрывания текстовых смыслов каждого из членов данного противопоставления (*ести* – *неты*). Но изъяснить вам, **достопочтенные ести**, как бытие терпит **каких-то там нетов**, как оно где-то, пусть на глухой окраине своей, на одной из захолустнейших планеток, дает разрастись **странному мирку нетов**, – это для меня будет чрезвычайно трудно. Однако Страна нетов – факт.

Все дальнейшее повествование ведется от лица рассказчика (*естя*), когда-то посетившего эту диковинную страну, в которой протекает мнимое, кажимостное бытие нетов (...это **кажущаяся** им, **нетам**, плоской сфера; над **кажущейся** плоскостью через равные промежутки времени, которое, как доказано наимудрейшими нетами, само по себе **не существует**, происходят **кажущиеся** восходы и закаты...).

Страна нетов – отраженное бытие, или точнее – бытие, превратившееся в свою противоположность – небытие. В ней все – кажимость и противоположность реальному и обычному, здесь все – мнимость. <...> Правда, **неты** учат своих малых **нети**ков, что тени отбрасываются вещами, но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, вещи ли тенями – и не следует ли отбросить как **чистую мнимость** и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями (Ист.: 454). Обыгрывание этимологической связи слов *мнить* и *мнение* актуализирует парадоксальное расхождение значений корня (ср. также *ментальный* – ‘заключенный в мыслях’); соответственно *мнение* – *мысль*, *мнить* – ‘думать, полагать, мыслить’ изначально тождественны по семантике с *мнимый* – ‘мыслимый’. Последнее слово (прилагательное) приобретает качественную коннотацию, развивая значение ‘не существующий в реальности’, ‘ложный’. В контексте рассматриваемой новеллы *мнимые мнения нетов* – особая ирреальная ментальность, противопоставленная бытийной ментальности *естей*. *Нетствующая философия* последовательно излагается в ряде ключевых сентенций, в «цитатном»

нарративе (изречения эти приписываются неким *ученым нетам*). Один расфилософствовавшийся *нет* сказал: «*Бытие не может не быть, не превращаясь в свое небытие*». Переключка с шекспировским *быть или не быть* здесь очевидна, как, впрочем, и переключка с марксистской максимой «Бытие определяет сознание». И все же *нетствующая философия*, этот перевернутый мир, отрицание стереотипной логики существования по канону, по проторенному и установленному пути – возможно, один из самых важных для Кржижановского, выраженный во всем его творчестве принцип опровержения расхожих истин.

Моделирование игры, обозначающей квазиденотат, – актуальный для писателя способ художественной символизации. Общим свойством таких единиц является номинирование того, что реально не существует. Интересен в этом отношении рассказ «Мухослон», где ключевое слово создано по принципу парадоксальной гибридации (соединения несоединимых «величин» с использованием словообразовательного кода ЯИ). Текстовая актуализация семантики ключевой игры обнаруживает многократное перекодирование ее восприятия. Весь рассказ есть, по сути, реализованная метафора, обыгрывающая внутреннюю форму фраземы *делать из мухи слона* (как прецедентного ассоциата окказионализма *Мухослон*). В символике созданного фантомного образа заявлен мотив саморазрушения личности, отрешения от своего «я» ради мнимых ценностей. Нельзя забывать о таком важном для Кржижановского мотиве, как самоидентификация личности, определение границ (пространства) ее внутренней свободы, и в этом отношении игра *Мухослон* воплощает в себе философскую идею неразрешимого противоречия между *быть* и *казаться* (см. подробнее в: [Гридина 2012; 2013]).

Подытоживая сказанное о специфике субъязыка Кржижановского и намечая некоторые перспективы исследования его игровой палитры, подчеркнем следующее:

– семантика слова-*игры* обладает свойствами дискурсивности (соотнесенностью с определенной изображаемой в тексте ситуацией и актуализацией смыслового наполнения игры)

в соответствии с каждым новым речевым «ходом» воплощения авторской интенции);

– «странное» (игровое) слово Кржижановского не только высвечивает неожиданные ракурсы изображения тех или иных фрагментов текстового нарратива, но и самым тесным образом связано с трансляцией сквозных мотивов всего творчества писателя.

Анализ субъязыка Кржижановского позволил выявить следующие разновидности игр, которые являются характерными сигналами художественного мышления писателя и его творческой «работы» со словом, обнаруживающей интерпретационный потенциал механизмов ЯИ:

– мотивационные игры, созданные по принципу ассоциативной выводимости, задающие этимологическую ретроспективу и текстовые векторы актуализации внутренней формы слов (как узуальных, так и окказиональных); такие игры выступают в новеллах Кржижановского как ассоциативные комплексы, значимые для воплощения авторского замысла (см., например, *страна, странствовать, странно, страннеть, пространство* и др.);

– словообразовательные игры, среди которых особо выделяются группы так называемых фантомных номинаций: а) игры-гибриды, моделирующие квазиденотат (ср., например, *Мухослон*). Ассоциативный контекст такого слова становится основной сюжетной актуализации символики образа – в том числе прецедентной (ср. делать из мухи слона); б) игры-транспозиты, созданные путем «переведения» готового слова в другой грамматический класс. Такие переключения грамматической семантики слова (субстантивация, опредмечивание) придают ему статус игры с символикой ирреальной бытийности (ср. *чути-чути, ели-ели, ести, неты; дойти до куда всех дорог, странствующее «странно»*); в) словообразовательные игры как текстовые производные, транслирующие семантику ключевого слова (*страннеть, Его Чуть-Чутество, ослоненное существо, нетствующая философия* и др.);

– словосочетания-оксюморны, созданные по принципу ассоциативной провокации – с синтаксической инверсией,

нарушающей семантические пресуппозиции, соответствующие привычной логике вещей («Проигранный игрок», «Сбежавшие пальцы» и др.); такие игремы создают характерный для субъязыка Кржижановского эффект смещенного восприятия, «сдвига» и остранения;

– прецедентные игремы: а) игровое тиражирование и текстовая трансформация и символическое переосмысление фразем, пословиц, цитат (ср.: *Когда рак свистнет... И рыба запоем* – окказиональное обозначение жизненной философии выживания и т. п.); б) аллюзивная актуализация семантики ключевых игрем и игровая стилизация как способ символического иносказания; в) буквализация значений фразем как основа развития сюжета и переводение профанных смыслов в символические (см. об этом подробнее в: [Гридина 2013]).

К перечисленному следует добавить, что в субъязыке Кржижановского выделение «чистых» игрем (в плане их соответствия какому-то одному типу) вряд ли возможно, его игремы – это синкреты, предполагающие многомерность ассоциативного декодирования авторской интенции.

В целом можно отметить, что основными функциями игрем в субъязыке Кржижановского является углубление ассоциативного наполнения образа; участие в сюжетостроении; символическая презентация выражаемой идеи; создание подтекста и поля для эвристического взаимодействия авторских и читательских рефлексий над словом.

Выделенные аспекты художественного мышления Кржижановского, несомненно, не отражают всей глубины его творческой оригинальности, но намечают возможные пути описания игрового субъязыка в свете дискурсивной обусловленности авторских эвристики, проявляющих интерпретационный потенциал знака.

Основной источник

Кржижановский С. Тринадцатая категория рассудка. Повести. Рассказы. – М. : ЭКСМО, 2006. – 640 с.

Литература

- Бирюков С. С.* Наималы Сигизмунда Кржижановского // Поэтика и эстетика слова: Сборник научных трудов, посвященный памяти Виктора Петровича Григорьева / под ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой, Л. Л. Шестаковой. – М. : ЛЕНАНД, 2010. – С. 13–18.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М. : Прогресс, 1985. – с. 79–128.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
- Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество : монография. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
- Гридина Т. А.* Языковая игра в художественном тексте: монография. 3-е изд. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2013. – 253 с.
- Гридина Т. А.* «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива — 2 : коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2012. – С. 272–288.
- Кубасов А. В.* Креативные стратегии литературы русского экспрессионизма: случай С. Д. Кржижановского // Лингвистика креатива -2 : коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2012. – С. 289–334.
- Кутина Н. А.* Разноречие и многообразие в социокультурном пространстве России: к постановке проблемы / Изв. Урал. гос. ун-та. — Гуманитарная серия. — № 1. 2013. – С. 68–75.

3.5. Многообразие в пьесах Николая Коляды: социальный аспект

М. А. Литовская

Рецензент журнала «Афиша», предвзято гастролируя театры Николая Коляды в Москве, формулирует мнение, которое является общим местом в современной театральной критике: «К творчеству Николая Коляды необходимо и при этом довольно-таки сложно быть готовым. Это непростое, неоднозначное, но необъяснимо интересное явление в российском и русском искусстве» [Жекус].

Одним из возможных способов объяснить творчество драматурга и режиссера, пьесы и спектакли которого сначала – из-за непривычности – с опаской впускали в свое понимание допустимого в театре как критики, так и зрители, на наш взгляд, является феномен многоречия.

Художественная словесность традиционно фиксирует реальное речевое многообразие, «не умерщвляет заложенные зачатки социального разноречия, не устраняет те языковые лица и языковые манеры (потенциальные персонажи-рассказчики), которые просвечивают за словами и формами языка» [Бахтин 1975: 111], используя его, в первую очередь, как инструмент идентификации автора / персонажей. Можно говорить о том, что многоречие является своего рода нормой словесно-художественной культуры, наиболее отчетливо проявляясь в существовании «ролевых» повествовательных форм, где подчеркивается несоответствие реалий разговорной речи нормам литературного языка и производится моделирование этой речи.

Не рассматривая здесь общетеоретические аспекты поэтики многоречия в художественном тексте, обратим внимание на социальный аспект явления. Даже поверхностное наблюдение над динамикой литературного процесса показывает, что эстетизация устной речи, которая не только является ненормативной по отношению к кодифицированному письменному литературному языку, но и осознается читателем в качестве ненормативной, обостряется в период кризиса идентификаций. Обычно подобная ситуация возникает при кардинальной смене социального ландшафта. Так, в начале 1920-х годов резкая демократизация общества, выход на историческую арену героев принципиально нового типа привели к обновлению языка повествования. Одной из форм такого обновления является использование сказа как фиксации нового типа речи [см.: Чудакова 2001]. В социальном плане многоречие может подчеркиваться, во-первых, при появлении на общественной арене новой социальной группы, нуждающейся в описании, в частности, через речевую характеристику, во-вторых, при уходе со сцены некой социальной группы, память о которой закрепляется в тексте.

И в том, и в другом случаях можно говорить об эвристическом потенциале многоглаголия, когда писатель фиксирует тип речеобразования, до того не выступавший в качестве предмета изображения, или о ностальгическом потенциале многоглаголия как специфической формы выражения сожаления об уходящем / ушедшем прошлом через реконструкцию своеобразного говора, до того изображавшегося каким-то принципиально иным способом. Так, И. Бабель ввел в «Одесские рассказы» одессизмы, до этого бывшие объектом высмеивания фельетонистов; С. Шергин и С. Писахов запечатлели своеобразие речи поморских мореходов и крестьян. На Урале ностальгическое многоглаголие мы встречаем в сказах П. Бажова, написанных в 1930-е годы от лица дореволюционного уральского рабочего. Кризис региональной идентичности в 1930-е годы привел П. П. Бажова к созданию формы сказа, написанного от лица уральского рабочего – персонажа, социальный авторитет которого нуждался в дополнительной поддержке через включение его специфического голоса (=позиции) в текст «высокой» литературы [Васильев 2007; Литовская 2009].

Во всех случаях возможно говорить о социальной легитимации типа персонажа через включение его специфического «голоса», а значит, и позиции, в текст «высокой» литературы. Подобный тип повествования обычно вызывает эмоциональный отклик у читателей, так как основан на идентификации с героями и рассказчиком – носителем странной, но выразительной речи, обладателем здравого смысла и внутренней свободы, утрачиваемых / утраченных на момент написания / чтения текста.

Однако писатели, сориентированные на воспроизведение ненормативной устной речи, начиная с конца 1920-х годов, находились на периферии литературного процесса. Фиксировали ли они новые социальные явления или утраты, возмущалась или радовалась этой фиксации публика, в советском обществе с его идеей социального равенства предполагалось достижение выравнивания речи. Индивидуализация речи персонажей могла размещаться в достаточно широких рамках нормы. Конечно, в литературе появлялись сложнейшие по речевой организации тексты,

например, А. Платонова. В качестве персонажей могли действовать как не владеющие русским языком злодеи (фашисты, например), так и своего рода «благородные дикари»: жители союзных республик с комичными ошибками в русском языке или «сельские жители», например, герои «деревенской прозы» – носители «традиционной» (=подлинной) крестьянской культуры и просторечного говора, выражающие самые тонкие нюансы мыслей и чувств. Но все же воспроизведение писателем ненормативных речевых практик под различными предлогами выводилось за рамки официальной литературы, будь то насыщенная обценной лексикой речь персонажей Ю. Алешковского и Э. Лимонова, раскованные, сориентированные на разговорную манеру находящихся в «своем» кругу образованных горожан высказывания героев С. Довлатова и В. Аксенова 1970-х гг. или витиеватое «народное» философствование Вен. Ерофеева.

Появление очередного корпуса текстов с ярко обозначенным многообразием в середине 1980-х годов зафиксировало очередной социальный слом периода «перестройки», в частности, осознание общественной значимости неких доселе молчавших групп населения. Одной из первых эти изменения запечатлела так называемая новая драма. Драма как род искусства основана на представлении образа человека говорящего, а динамика «новой драмы» возникает в тот момент, когда «...не просто нужно какое-то обновление репертуара, а необходим современный человек на современной сцене. Когда нужно понять наше время, назвать его и начать с ним сотрудничать» [Руднев 2013]. Установку многочисленных «новых драм» в литературе разных периодов театральный критик К. Матвиенко обозначает как «стремление писать пьесы об определенных социальных группах общества и поднимать социальные проблемы (так было в европейской «новой драме», унаследовавшей интерес к социальному от натурализма)» [Матвиенко 2008: 83].

Новая драма, по сути, рождается из стремления вывести новые социальные типы, в частности, дав их речевые портреты, существенно отличающиеся от аналогичных портретов предшественников, иначе – описать новые общественные феномены. Не случайно

поэтому на каждом очередном витке своего появления она встречает противодействие, во многом основанное на неготовности аудитории к встрече с непривычной, до этого маргинализированной / стигматизированной социальностью, будь то провинциальное и замоскворецкое купечество А. Островского, перехватывающая власть у интеллигенции «сфера услуг» в пьесах В. Арро или «никакие люди» И. Вырыпаева. Б. Боймерс и М. Липовецкий в своей книге «Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты “Новой драмы”» отмечают, что заслуга «новой драмы» состоит ещё и в том, что она «стимулировала обновление собственно драматургической эстетики: сценического языка и видения, драматического конфликта, способствовал репрезентации современного сознания в тексте – став, таким образом, важным *литературным фактом*» [Боймерс, Липовецкий 2012: 12].

Когда на излете советского и в начале постсоветского периода в России обострились кризисные социальные процессы, Николай Коляда делает героями своих пьес обитателей «посада», которые, несмотря на свою реальную многочисленность, воспринимались обладателями нормативной культуры как маргиналы, не имеющие в литературе права голоса. Полугородская-полудеревенская культура является едва ли не доминирующей у населения России XX века [Неклюдов 1995], но она долгое время существовала, замкнутая в себе, выходя на поверхность в прибаутках, приговорках, песенках, ритуалах, запечатлевших ее стереотипы, качество представлений о мире. Носители этой культуры, конечно же, участвовали в советском просветительском проекте, в частности, в государственной программе обязательного образования со встроенным в нее освоением норм литературного языка и «высокой» литературы. Тем не менее далеко не всем удавалось приобрести капитал в виде безупречно правильной речи, и «культурные люди» видели в них людей второго сорта, поскольку их просторечная манера воспринималась как порча языка, а не как язык, на котором говорят миллионы людей.

«Новая драма» конца XX века вернула «некультурный» язык в театр, показала его социальную значимость в российской

действительности. Н. Коляда сыграл в этом процессе важную роль. Сначала драматург лишь фиксировал «нашествие» людей из городских «низов». В ранних его пьесах подчеркивалась «естественная» грубость языка «простых» горожан, резко отличающая их от языка людей иного социального слоя. Конфликт пьесы «Рогатка» (1989) развивается в том числе и через противопоставление речевых характеристик маргинала Ильи и Антона, мальчика из «хорошей семьи». Речь Ильи подчеркнута груба:

— Нет, ты посмотри, посмотри, какой гад... Посмотри, какой тимуровец, скотобаза... Ну, привез, привез ведь, чего еще надо, чего? Вали отсюда, ну? (Коляда 2012: 231).

Как только героев объединяют высокие чувства, противопоставление исчезает, и они переходят на традиционный литературный язык, где устность задается паузами и повторами.

Антон: Я полгода не ходил к тебе... А потом пришел... навсегда пришел... Я шел, а сам уже знал, что тебя нет... В тот день, когда тебя не стало, я уже знал, знал... Мы встретимся? Скажи мне, Илья, мы встретимся? Только одно слово скажи мне, Илья, мы встретимся?

Илья: Мы встретимся. Обязательно встретимся (Коляда 2102: 276).

Критики сразу обратили внимание на игру высоким / низким словом в пьесах Н. Коляды, первоначально приписав это неопытности актера-драматурга: «Косноязычие заурядного человека драматургия “новой волны” осознавала для себя как непрекращающуюся тупую муку — муку персонажа, но и автора тоже. Людмила Петрушевская с ее чутким и безжалостным слухом филолога выставила напоказ, как корежится обыденным сознанием строй выражаемой мысли — синтаксис фразы. У Коляды речь, насквозь прожженная штампами и вульгаризмами, течет естественно и свободно. Автор перекачивает ее на языке с тем же смешливым и радостным удивлением, с каким, должно быть, записывал голоса купеческого Замоскворечья начинающий драматург Александр Николаевич Островский. Не говоря уж о многословии

и тавтологических эпитетах, это соединение очень наивно стилистически. <...> Если автор чувствует, что сигнал слаб, он приписывает к ремарке собственный лирический монолог (“Полонез Огинского”, “Канотье” и др.) о любви, смерти, Боге и вообще главных ценностях бытия; словарь его, как правило, груб, интонация же — страстна и велеречива» [Соколянский 1995: 234].

Несмотря на отчетливую сентиментальность сюжетов раннего Коляды, на его сочувствие собственным персонажам, подчеркнутой грубости языка маргиналов оказалось большинству критиков достаточно, чтобы отказать им в праве быть выведенными на сцене. Коляда был заклеен как «чернушник»: «Непременное место действия — канава, полная экскрементов... В этой канаве — люди из социальных низов — или опустившиеся, или попросту деклассированные. <...> Почему простой народ, с которого, собственно, его герои списаны, воспринял бы это все как клевету на себя? Потому что у человека все равно есть некоторое внутреннее содержание. Он самому себе кажется лучше, чем есть на самом деле, или хочет быть лучше, или на худой конец хочет казаться. А Коляда рисует их во всей мерзости и физиологичности, объективно, так, как они предстают перед окружающим миром, но почти не оставляет зазора для душевного света. <...> Коляда, конечно, писатель до некоторой степени типично российский. Но он писатель Нового времени. Он не певец униженных и оскорбленных, а певец грязных, вонючих, злых, завистливых, поганных и страдающих» [Винокуров 1998]. Драматурга высокомерно обвиняли в смаковании грубости, в презрении к народу, эти грубости произносящему, даже в стремлении нажить себе на этом известность за границей. При этом сами критики признают правдоподобие изображенного в пьесах: «В общем-то, понятно, почему Коляду смотрят в Гамбурге и прочих заграницах. Они его не за того принимают. Для них это такой театр абсурда. Для них это, может, и театр, а у нас такой театр каждый день, поэтому, думаю, популярности Коляды довольно скоро придет конец. Если уже не пришел» [Винокуров 1998].

Но предсказание не оправдалось. Когда с постепенным изменением социокультурной ситуации слой носителей специфической

культуры, которая получает название «постфольклорной», стал осознаваться как значимый, нарастает интерес не только к пьесам Н. В. Коляды, но в целом к его театру как проявителю языка этого некогда «молчаливого большинства». В текстах 2000-х годов в творчестве Н. Коляды происходят кардинальные изменения. Он по-прежнему «работает» с открыто сентиментальными сюжетами об обитателях бараков, ветхого жилья, общежитий, живущих вне «высокой» культуры, утопающих в потоке площадной речи, драматически сталкивающихся с людьми из других страт. Но речевая разница между представителями различных социальных слоев стирается: все они говорят типологически одинаково.

Действующие лица написанной в 2010 году пьесы «Баба Шанель» – участницы ансамбля русской песни «Наитие». Старшей из них 90, а младшей 70 лет. Это женщины разных профессий и судеб, за каждой закреплена четкая речевая характеристика, но все они, как одна, нарушают нормы языка и / или пересыпают свою речь однообразными прибаутками. В прошлом балерина театра музкомедии Тамара: – *Я терпеть ненавижу, когда вы все начинаете фальшивить* (Коляда 2012: 9). Нина, «штамповщица с секретного завода “Три тройки”», о разных ситуациях рассказывает с помощью трех слов: – *Это было нечто! Бухгалтер Ираида: – Вот так селедка вышла у меня. Обсоси гвоздок!* (Коляда 2012: 14); – *Ты встаешь, как из тумана, раздвигая грудью рожь! Ты ему навстречу, Анна, белым лебедем плывешь* (Коляда 2012: 9). Ревизор Сара к месту и не к месту цитирует стихи А. Ахматовой и М. Цветаевой, но при этом говорит: «*сизжа споем*» (Коляда 2012: 43). Девяностолетняя учительница Капитолина наделяется русским народным юмором (Коляда 2012: 15): – *Эх, тяпнем сейчас по маленькой. Эх, люблю я отдохнуть, а более – пожрать! Парочкой батончиков в зубах почесать!* (Коляда 2012: 10); – *Эх, наша Дунька не брезгунька: жрет и мед* (Коляда 2012: 11); – *Ну какой вы придераст, а? Вам надо за копейку канарейку и чтоб басом пела? Да хватит вам выкобениваться!* (Коляда 2012: 12).

Аналогичная языковая картина возникает и в пьесе «Большая Советская энциклопедия» (2011). Вика живет в *интеллигентном*

доме, где есть и фортепьяно, и шкаф с книгами; Вера – из круга людей малообразованных; о командировочном Артеме мы почти ничего не узнаем. Речь всех троих персонажей однотипна: она пересыпана ходячими присказками и шутками юмора (Коляда 2012: 70), с помощью которых они выражают разнообразные эмоции, обозначают и решают непростые житейские проблемы. Приведем набор типичных реплик.

Вика: *Красивая, как попа сивая* (Коляда 2012: 66); – В «*коридоре*»? «*Польта*»? *Коматоз. Умотейшен полный. Сельпо* (Коляда 2012: 71); – О, *гербарий! О, листья засушенные! Пахнут даже... Как красиво, блин!* (Коляда 2012: 80); – *Чистильщица она, из «Соцзащиты»... Ухаживает за бабками, а потом, как с ними Загиб Петрович происходит, она – квартиры вычищает. Кончита полная* (Коляда 2012: 85). Артем: *Здрасьте. Карбышев какой на улице* (Смеется) (Коляда 2012: 70); – *А что тут произошло? Взрыв, Чернобыль, отступление фашистов?* (Смеется) (Коляда 2012: 73); – *Обожаю КаВээН! И вообще все передачи для посмеяться!* (Коляда 2012: 74); – *Привезли бабусе! Технику Занусси! И пошли под пиво! Жареные гуси!* (Коляда 2012: 80); – *Ну, по два булька! По два булька за бабульку!* (Коляда 2012: 82). Вера: *Трынди-брынди-балалайка, под столом сидит бабайка. У бабайки усики! Золотые трусики!* (Коляда 2012: 64); – *Во саду ли в огороде бегало два танка, немец курицу поймал, думал – партизанка... Шла машина темным лесом за каким-то интересом. Инти-инти-интерес, выходи на букву «С»* (Коляда 2012: 111).

Когда – и это тоже фиксируется Н. Колядой – под сомнение ставятся права персонажей, они свободно и так же единообразно переходят на официальный язык власти, которым, как выясняется, уверенно владеют все, кто получил хотя бы среднее образование. Тамара: *У нас коллегиальное мнение. Мы ж ее не гоним. А тестируем, так сказать. Достойна ли она быть в нашей инвалидной команде* (Коляда 2012: 33). Капитолина: «*Раньше думай о Родине, а потом о себе*» (Коляда 2012: 32). Руководитель ансамбля: *Я решил сделать ребрендинг нашему ансамблю <...> Вы спросите, а зачем мне нужен в ансамбле «Наитие» ребрендинг, ведь*

у нас и так все до этих пор замечательно получалось? И я отвечаю. Потому что все, все постоянно надо менять... Нужные инновации! Без них сегодня никак! (Коляда 2012: 30). Шутник Артем в состоянии в нужный момент произнести возвышенный монолог, за которым никаких чувств нет: Я вот верю в Россию, в ее духовное возрождение. Все-таки русский человек, прежде всего возвышенный. Планку, планку надо поднимать, понимаете? Я вот всегда в оппозиции, думаю о прошлой духовности и взываю к общественности о падении нравов» (Коляда 2012: 89).

Меняется по сравнению с ранними пьесами и характер речепорождения: персонажи по-прежнему грубы, но теперь они изъясняются преимущественно с помощью готовых речевых формул, которые тасуют в произвольном порядке. Герои реагируют на жизнь, пытаются соответствовать ей, перемешивая пословицы, детские песенки, фразы из анекдотов и телепередач, официальные клише, выводы школьных уроков, фрагменты классических текстов и т. п. Квазистихи заменяют выражение непосредственных эмоций. Информационные обломки, причудливым образом тасуясь в головах персонажей, создают нелепые, но выразительные образы реальности, в соответствии с которыми и живут персонажи драматурга. Когда Н. Коляда говорит «мне приходится выискивать для атмосферы, для точности какие-то небольшие настоящие вещи» [Коляда 2013: 57], он, скорее всего, имеет в виду не только предметы, но и те самые обломки различных культур, вылученные им из разговоров существующих в реальности людей, что сталкиваются в речи его героев. Социально благополучные персонажи пьес свободно владеют двумя речевыми регистрами – официально-приподнятым и шутливо-обыденным, поскольку узка возможность социального проявления человека: он либо обороняется от нападок окружающих, либо сам нападает, отстаивая свои права. Инфантильные маргиналы лепечут свои любимые приговорки, даже в острых ситуациях не реагируя на внешние раздражители.

Однотипно неправильная речь, не зависящая от социального статуса говорящего, состоящая, как кажется, сплошь из фатических высказываний, лишенная смысла, но, тем не менее, вполне

успешно служащая средством коммуникации персонажей, противопоставляется в пьесах 2000-х годов только авторским ремаркам.

На наш взгляд, Коляда фиксирует феномен новой деклассированности, своеобразного выравнивания социума, идущего уже не от усилий советского просвещения, но, напротив, от люмпенизации общества 1990-х годов. Произошло очередное перемешивание социальных слоев, после чего экономически они необратимо разошлись, но остались близкими в способе самовыражения через якобы шутивное бормотание, почти камлание, когда глубинное содержание высказывания складывается помимо слов. Только автор, наблюдающий за своими персонажами, хорошим русским языком обозначает игнорируемую ими норму, подчеркивая драму героев, живущих за пределами «высокого» в тоске и безысходности.

Характерно, что современная критика в грубой речи персонажей уже видит, в первую очередь, метафизическую составляющую: «Где-то на просторах огромной нашей России живут странные люди: мучаются, пытаются любить и ненавидеть, ищут счастья, просят его у Бога и не могут найти. Удивительные персонажи. Как они похожи на всех нас» [Два + два]. Узнавание себя через язык пьес драматурга произошло, потому что та значительная часть общества, которой насильственно в текстах художественной словесности приписывалась нормативная речь, наконец, проявила себя через устный письменный язык социальных сетей, который стал восприниматься как «нормальный» (=обычный, повседневный, непарадный) язык большинства. Хотя современный русский язык является конгломератом множества разных языков, в речи даже самых образованных героев Коляды эти языки являются только в виде осколков. Речь персонажей одновременно раздражает и привлекает зрителя, поскольку она узнаваемо уродлива и в то же время является для человека единственной возможностью выразить себя.

Форма существования воплощенного в языке культурного многогласия становится одной из центральных проблем не только драматургии, но и театра Н. Коляды. Постановки классических

текстов в театре Н. Коляды сделали символически наглядным существование в культуре любого времени двух «полюсов», из которых один остается в истории искусства в виде «высокой» нормы и, являясь основанием для последующей литературной метарефлексии, непрестанно развивается, тогда как другой, почти не изменяясь, бесконечно воспроизводится в «низовой» культуре. Высокая речь Н. Гоголя, М. Лермонтова, Ж.-Б. Мольера, А. Пушкина, А. Чехова, В. Шекспира, в которой является сущность человеческого бытия, оказывается частью кинетического, не только вербально выраженного многоглаголия. Обычные люди, в трактовке режиссера, из века в век живут свою незатейливую и некрасивую жизнь среди сеток-авосек, нелепых нарядов, незатейливо-ритмичной однообразно громкой музыки; им достаются растиражированные до уровня китча образцы искусства, вроде упакованных в целлофан репродукций Джоконды («Гамлет») да ликов Богородицы на ковриках местной ковроткацкой фабрики («Борис Годунов»), или музыки Россини и Верди, которая снабжается невообразимыми куплетами.

Если в «современных» постановках театра Коляды живое чувство хоть иногда да пробивается сквозь речевое однообразие, то в «классических» слово гениального автора скрывает неприглядность жизни «молчаливого большинства», не удостоенного «высокой» культурой права быть награжденным речью и стать полноценным героем пьесы. Принц Датский или король Лир ходят в таком же тряпье, как их современники, и танцуют те же танцы, но они говорят языком великой литературы. Человеку «большинства» от этого великого языка достаются обрезки цитат. О гипсовые бюсты классиков русской литературы бесконечно спотыкаются все героини гоголевской «Женитьбы». Дуняшке – «девочке в доме» Агафьи Тихоновны – в начале режиссер Н. Коляда поручает произнести целый центонный монолог, который начинается словами: «Над кем смеетесь? – над собой смеетесь!», а завершается наивным объяснением особенностей «нашего русского реалистического театра», где «все правда: и мужик, и мороз, и лес, и духовность, которая присутствует на сцене».

«Высокая» культура, кто бы ее ни создавал, узурпировала право остаться в истории и представлять свое время, но жалость драматурга к культуре низовой, признание ее своеобразной нелепой эстетики побуждает его к моделированию на сцене ее «речи», даже если ее средствами будут танцевальные па или бессвязные коллективные выкрики. Столкновение языков, на которых «говорят» разные типы культур внутри одного времени, таким образом, изображается драматургом и режиссером Николаем Колядой как важнейшее условие социальной жизни. Многоречие становится неотъемлемой приметой поэтики новой российской драмы.

Источники

Коляда Н. Баба Шанель: пьесы. Екатеринбург: без издательства, 2012.

Литература

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художеств. литература, 1975.

Боймерс Б., Липовецкий М. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «Новой драмы». – М. : Новое литературное обозрение, 2012.

Васильев И. Е. Сказ как форма бажовского повествования // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург: Изд-во УрФУ – ИД «Сократ», 2007. С. 374–377.

Винокуров А. Лирическая песнь о крысах, мышах и дебильных харях // Знамя. 1998. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/10/nablud4-pr.html>.

Два + два: Премьера. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uralweb.ru/poster/theaters/12285.html>.

Жекус Владимирович. Спектакль «Женитьба» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.afisha.ru/performance/75423/review/204836/>.

Коляда Н. Все есть вокруг нас // Театральный журнал. 2013. № 1 (71). С. 56–57.

Литовская М. А. Жанропорождающее значение авторского образа в творчестве П. П. Бажова // Кормановские чтения. Статьи и материалы Межвузовской научной конференции (апрель, 2009). Вып. 8. Ижевск : Удм. ун-т, 2009. С. 216–224.

- Матвиенко К.* Новая драма в России: краткий экскурс в недавнее прошлое и эскиз настоящего // Петербургский театральный журнал. 2008. № 2 (52). С. 82–84.
- Неклюдов С. Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
- Руднев П.* Новая пьеса в России // Знамя. 2013. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/4/r14.html>.
- Соколянский А.* Шаблоны склоки и любви // Новый мир. 1995. № 8. С. 234–235.
- Чудакова М. О.* Литература советского прошлого. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 79–245.

Глава 4

РАЗНОЯЗЫЧИЕ

В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

4.1. Русский среди других языков Финляндии: актуальные проблемы

А. Мустайоки, Е. Протасова

Вводные замечания. В Финляндии два официальных государственных языка, и ощущение двуязычности страны присуще каждому гражданину. Как на родном языке, по-шведски, говорит 5,4 % населения (290 977), а по-фински – 89,7 % (4 866 848 чел.). Чем лучше человек владеет обоими языками, финским и шведским, тем выше его шансы получить хорошую работу. Особый статус Аландских островов предполагает широкую автономию и допускает использование только одного языка – шведского. Саамы являются коренным народом Финляндии, имеют культурное самоуправление; письменный саамский язык существует около 400 лет. В Финляндии используется три диалекта саамского языка (инари, северный и колтта). Языками меньшинств являются цыганский (романский), татарский и язык жестов у глухонемых (причем есть еще и финляндский вариант шведского языка жестов), а с 2009 г. еще и карельский язык. Карельский используют в быту около пяти тысяч человек, но больше рецептивно; лишь немногие зарегистрированы как говорящие по-карельски (www.karjal.fi). Цыгане (романы) живут в Финляндии около 500 лет. Документов по их

истории сохранилось немного, но жива устная традиция. Особые отношения связывают цыган между собой, внутри семьи и в обществе; они подчиняются определенному моральному кодексу, сохраняют свою культуру. Есть особая школа и печатные издания [Pulma 2012]. Кроме того, языком исторического меньшинства является также идиш.

Согласно данным статистического ведомства Финляндии (www.tilastokeskus.fi), в конце 2012 г. население Финляндии составляло 5 426 674 чел., причем 87 % прироста населения произошло за счет иноязычных (иммигрантов первого и второго поколений). Число финно- и саамоязычных выросло, а шведоязычных сократилось. Русскоязычных граждан – 62 554, и это самая большая языковая группа после финно- и шведоязычных. Следующие по численности – эстоноязычные граждане, их 38 364, после них – сомалийцы – 14 769, затем англоязычные – 14 666. Далее идут те, кто говорит на арабском, языке жестов, различных диалектах курдского, китайском, албанском, тайском и т. д. Всего 37 языков, на которых говорят более тысячи человек.

Финнов живет за рубежом около 800 000, из них около 280 тысяч эмигранты первого поколения. Финские школы работают в 36 странах. Живущих в Швеции финнов называют «руосу»; в 2009 г. вступил в действие закон, по которому финский стал одним из языков меньшинств в Швеции.

Положение финского языка и его развитие, естественно, имеют приоритетное значение. Согласно программе реализации языковой политики [Hakulinen 2009], финский язык функционирует в разноязычном обществе, но представлен во всех сферах жизнедеятельности. Его использование отвечает общим установкам северных государств, подкрепляется интенсивным обучением в школе, поддержкой мультилингвизма, развитием в бизнесе, управлении, науке и образовании, лингвистическими технологиями, поддержкой международных организаций, СМИ. В частности, обеспечивается проверка текстов, переводы, создание словарей, терминов и т. п. Отметим, что в перечне школьных дисциплин предлагалось

заменить термин «родной язык и литература» термином «финский язык и литература».

Сегодня в стране функционируют не только традиционные диалекты, но и новые варианты неродного финского. Озабоченность судьбой финского языка высказывали разные специалисты (например: [Halonen 2009, Hassinen 2004, Kalliokoski et al. 2009]). С их точки зрения, качественное и результативное преподавание финского языка как второго, поддержка родного языка учащихся и эффективное преподавание разных иностранных языков – ключ к решению проблемы разноразличия.

Иностранные языки. Европейский союз рекомендует изучать, помимо родного, еще два языка: какой-то «большой», один из языков-соседей либо язык меньшинства в своей стране, что часто совпадает. Без английского сегодня трудно прожить, и мало кто отказывается изучать английский. Проблема может быть в том, что, кроме английского, другие языки предлагаются редко. В основной школе около 66,3 % учеников изучает английский, а русский – только 0,6 %.

Согласно концепции Министерства образования, формулируются цели многоязычного образования. Финны должны занять свое место в Евросоюзе как активный, предприимчивый народ. Должна развиваться не только идентичность «финляндца» и «скандинава», но и «гражданина ЕС». Сегодня растет интернационализация рынка рабочей силы; мир бизнеса и процесс принятия решений требуют активного знания языков, владения навыками кросс-культурной коммуникации. Информационное общество зависит от способности своих граждан обрабатывать и генерировать данные на иностранных языках – в том числе в инокультурном окружении. Новая Финляндия мультикультурна, и успешное речевое поведение в ситуациях повседневной коммуникации требует знания иных культур, толерантного отношения к последним.

В начальной школе, с 1 по 6 класс, изучение одного языка обязательно, а второго – факультативно. В 7–9 классах обязательно изучается два языка, а число факультативных различно. В гимназии («лукио») можно начать изучать новые языки. По статистике,

около 8 % начинают изучать язык А1 в первом классе, во втором – около 13 %, остальные – в третьем. Второй факультативный язык А2 обычно начинают изучать в пятом классе. Обязательным языком В1 обычно становится второй государственный язык (финский или шведский) или английский в 7–9 классах, а В2 – тогда же начинающийся другой язык. В3, как правило, осваивают в гимназии. Английский в качестве А1 выбирает около 90 % учащихся, а русский только 0,2 %. Русский как А2 выбирает менее 1 %, как В2 – 1,3 %, как В3 – менее 1 %. Таким образом, около 2,1 % всех заканчивающих школу сдают экзамен по русскому языку в той или иной форме (она разная для языка А – «длинного» курса; языка В – «короткого» курса) [Kumpulainen 2012]. Образцы материалов выпускных экзаменов выставляются на сайте (abitreenit.yle.fi/files/abitreenit/VAH-K13.pdf, abitreenit.yle.fi/files/abitreenit/VAT-K13.pdf, abitreenit.yle.fi/files/abitreenit/VCH-K13.pdf, abitreenit.yle.fi/files/abitreenit/venaja_K13.pdf).

Ректор Хельсинкского университета Ю. Кола считает, что, поскольку английский является международным языком науки, преподавать на нем следует больше предметов. При этом он подчеркивает, что требуется больше студентов, владеющих русским и испанским языками. Позиция родных языков сильная, а значение их велико, и на них обращают внимание в учебном процессе и коммуникации [Tikkanen 2013]. В университете под руководством профессора А. Мауранен исследуются особенности использования английского как лингва франка. В частности, удалось доказать, что взаимопонимание в этом случае происходит достаточно хорошо, потому что заинтересованные стороны к нему стремятся (например, [Mauranen 2012, Suvinitty 2012]). Многие работы (например, [Räsänen 2012]) демонстрируют, что при общении на английском языке в смешанном по языковому критерию коллективе очень важно добиваться взаимопонимания любыми способами, поскольку уровень владения языком часто является низким.

Преподавание иностранных языков достигло особенно больших успехов в последнее время, прежде всего благодаря

применению разнообразных лингводидактических технологий [Sajavaara K., Piirainen-Marsh 1999]. Некоторые школы специализируются на преподавании английского, немецкого, французского, русского, китайского, испанского. В классических лицеях можно изучать латынь. Во многих школах предлагается краткий курс итальянского.

Языки иммигрантов. В середине XX века в Финляндии лишь 0,2 % населения составляли лица, говорящие дома на иных, чем местные, языках, а сейчас иноязычных среди финляндцев около 5 %. Несмотря на то, что социальное положение родителей после переезда в иную страну обычно понижается, они ценят качественное образование. Правда, дети иммигрантов чаще справляются с программой хуже, чем школьники в среднем; меньше всего отстают представители Восточной Азии, больше всего – беженцы из Югославии. Иммигранты реже заканчивают гимназию и реже успешно трудоустраиваются. Однако в Финляндии все больше иммигрантов принимают участие в политической и общественной жизни [Martikainen, Haikkola 2010, Martikainen et al. 2013]. Изучение финского (шведского) как второго организуется в зависимости от возраста. В начальной школе дается оценка устной речи, а позже проводится письменный экзамен.

Все лица в возрасте от 7 до 17, постоянно проживающие в Финляндии, могут изучать родной язык и культуру 2 часа в неделю, в группе должно быть минимум 4–6 учеников; в основной школе по родному (домашнему) языку выносятся оценки, влияющая на средний балл аттестата; предусмотрена возможность сдачи родного языка как иностранного на общих экзаменах. Религиозное обучение проводится отдельно, язык обучения можно выбрать, в группе должно быть минимум 3 человека. Существуют специальные классы для учеников, которые дома говорят на арабском, сомалийском, вьетнамском, эстонском и русском языках.

Сегодня в школах преподается более 60 родных языков. Существует мнение, что нужно пересмотреть принципы обучения, потому что большая часть учеников в школе многоязычны,

а не просто овладевают финским языком как новым для себя [Tainio, Haaju-Luukkanen 2013]. В Хельсинки 14 % учеников дома говорят на ином языке, а к 2020 г. таковых будет 20 %. Это обстоятельство (например, лингвистические особенности разных языков) должно учитываться при организации обучения. Молодые люди разного лингвоэтнического происхождения, говоря по-фински, то и дело вставляют в свою речь слова из других языков [Lehtinen 2011]. Ученики часто переводят с языка на язык, постоянно пользуются разными языками, а многоязычные лучше знают грамматику, чем те, кто знает только один язык. Вообще, преподавание любого предмета становится также преподаванием языка, потому что преподается не только содержание, но и то, как говорить об этом содержании на языке. Однако оказывается достаточно трудным разделить учеников по таким группам, которые соответствовали бы уровню владения языком [Huhtanen 2013]. Культурное разнообразие должно учитываться, скажем, при написании книг для детей. Рекомендуются для чтения книги, героями которых являются дети-иммигранты; члены смешанных семей; представители меньшинств; нетрадиционные семьи. Уже появилось несколько книг об усыновленных / удочеренных детях [Rastas 2013]. Выдвигаются также требования демонстрации большего культурного разнообразия при написании и иллюстрировании учебников.

Ситуация с русским языком. Самая длинная из границ Финляндии – с Россией. Эта граница в разные эпохи была то условной, прозрачной, относительно легко пересекаемой, то непреодолимой. В восточных финских диалектах множество заимствований из русского языка; есть они и в православном обиходе (около 1,1 % населения принадлежит к Финской православной церкви). Среди известных финнов в той или иной степени владели русским языком М. Агрикола, К. Эрнрот, К. Г. Маннергейм, многие президенты страны. В 1813 году началось преподавание русского языка в Финляндии (см. рис. 1), поскольку она входила в состав Российской империи как автономное Великое княжество.

Рис. 1. Старинные учебные пособия.

Первым профессором русского языка в Хельсинкском университете стал Я. К. Грот, создатель уникальной Славянской библиотеки. На рубеже XIX и XX веков царское правительство попыталось ввести обязательное изучение русского языка в школе, но масса населения противилась этому. После финляндской гражданской войны, последовавшей за провозглашением независимости Финляндии, опасным казался не только русский язык, но и русский акцент. Знание языка снова потребовалось в 1939 г., во время Зимней войны, а затем во время войны-продолжения. Т. Ринтанен свидетельствует: в 1945 г. в приграничном регионе было введено обязательное изучение русского языка, и он изучал его в Хамине. Преподавали по учебникам царского времени, добавив туда лишь главу о Советском Союзе (личное сообщение). С тех пор количество изучавших русский язык в целом увеличивалось, достигнув наивысших показателей к концу перестройки, затем пошло на спад, потом начало расти и сегодня достигает стабильных показателей [Мустайоки и др. 2010, Юрков и др. 2012]. Мотивация к изучению

русского языка менялась: то это была прерогатива коммунистов, то бизнесменов. В Евросоюзе считают, что Финляндия лучше многих других стран знает особенности России, и это так и есть. Среди финнов существует четыре типа отношения к русским: есть энтузиасты, восхищающиеся русской культурой; прагматики и реалисты, осознающие значимость России для Финляндии; безразличные, старающиеся забыть о ее существовании; ненавистники. Число реалистов в последнее время выросло [Mustajoki 2013].

Актуальным является вопрос о том, стоит ли преподавать русский язык как язык соседа (это одна из рекомендаций Евросоюза) в большем числе учебных заведений Финляндии, а если да, то с какой возрастной ступени. С инициативой предложить русский язык на выбор выступил в СМИ профессор русского языка Хельсинкского университета и один из авторов данного раздела коллективной монографии А. Мустайоки. В этом случае язык выбрали бы около 10 % учащихся; остальные продолжали бы изучать шведский. Если бы каждый десятый, а не каждый пятидесятый, как сейчас, знал русский язык, это было бы очень выгодно для Финляндии. Самые веские аргументы в пользу свободного выбора: 1. Сегодня из тех, кто изучает шведский язык в школе, примерно 30 % умеют потом говорить по-шведски. Если будет возможность выбора, у тех, кто выбирает шведский, появится мотивация для активного обучения, следовательно, будет больше тех людей, которые по-настоящему знают шведский язык! 2. Потребности изучения языков и отношение к языкам в разных частях Финляндии разные. Не случайно в Швейцарии, которая славится как страна с либеральной языковой политикой, в каждом кантоне свой набор официальных языков и языков, которым обучают в школе.

В откликах на предложение свободного выбора русского языка звучат мнения о его (не)соответствии Конституции; партия «Истинных финнов» собирает подписи под петицией для парламентского рассмотрения вопроса. Эту идею подхватил Союз гимназистов. Многие финляндцы считают, что шведский язык является частью культурной истории Финляндии и в двуязычной стране им владеет на хорошем уровне слишком мало людей, поэтому шведский

нужно преподавать больше и лучше. В Восточной Финляндии, где шведская речь звучит редко, за предложение изучать русский высказалось довольно много учителей и родителей. В то же время известный журналист Э. Пеннанен выступил на страницах газеты «Хельсингин Саномат» с заявлением о том, что русский язык учить трудно, т. к. кириллические буквы отпугивают школьников, начинать изучение русского нельзя в начальной школе, и даже в гимназии не следует требовать невозможного. Напротив, необходимо поощрять тех, кто изучает шведский, чтобы уже в конце школьного обучения они бы могли сдать государственный экзамен на знание шведского в объеме, достаточном для использования на рынке труда. Согласно телефонному опросу общественного мнения, проведенного среди более чем тысячи финнов в 2013 г., 53 % думают, что шведский язык можно учить по выбору, а 43 % – против [Kansa 2013]. Порог страха перед знакомством с русским позволяет преодолеть специальная литература, например, книга А. Мустайоки «Легкое прикосновение к русскому языку» [Mustajoki 2012].

Профессор кафедры мировой политики Хельсинкского университета Т. Тейванен в августе 2012 г. начал дискуссию о необходимости изучения кириллического алфавита в школе. Он написал об этом по-английски и по-фински [Teivanen 2012, 2013 a, b]. По мнению автора, Финляндия – образцовая страна в том, что касается прав шведоязычного населения, но не растущей группы русскоязычных. Следует изменить отношение общества к русскому языку, но полезно было бы вначале всех обучить алфавиту. Финны восхищаются русской культурой и боятся за свою безопасность; у многих есть барьеры перед «чужими» русскими и «чужим» языком. Есть много алфавитов, изучение которых не облегчает положение туриста (например, в Бангкоке, Каире или Дели), пишет профессор, но с Россией это по-другому: окружающее сразу становится понятнее, и результат оправдывает приложенное для этого незначительное усилие. Сравнивая положение шведоязычных и русскоязычных, автор отмечает, что до распада Советского Союза первых было в 75 раз больше, чем вторых, а сейчас соотношение 5 к 1. В 14 из 19 регионов Финляндии русскоязычных больше, чем

шведоязычных, и распределены они по территории Финляндии более равномерно. Русскоязычных также в 30 раз больше, чем саамов. Число русскоязычных в ближайшее время значительно возрастет, и нужно поставить вопрос о соответствующих лингвистических последствиях для школьного обучения, о названиях улиц и требованиях к работникам общественного сектора.

Идея Т. Тейванена была подхвачена в выпусках телевизионных новостей по-фински и по-русски. В разных блогах и в списке рассылки Александровского института развязалась полемика о том, насколько правильны изложенные автором соображения. В частности, педагоги высказывались за то, чтобы вместе с алфавитом школьники изучали некоторое количество слов и выражений, т. е., согласно их опыту, само по себе изучение букв занимает от одного до двух дней. Без изучения другого подкрепляющего материала буквы могут забыться. В комментариях отмечалось, что финны считают кириллицу странной, что многие политики и простые граждане жалеют, что не выучили русский, что о двуязычных детях мало заботятся, но то же касается и других иностранных языков. Подчеркивалось, что при современных средствах обучения знакомство с алфавитом не должно составлять труда. Некоторые утверждали, что изучение языка иммигрантов не соответствует мировой практике, другие же подчеркивали, что благодаря совпадению языка иммигрантов с языком страны-соседа можно сравнительно легко продвинуться вперед. Наконец, необходим отказ от идеологического подхода к русскому языку (*ruusd* – пренебрежительное прозвище русских; отыменной глагол «*gyssiä*» употребляется в значении ‘халтурить, совершать некачественную, неудачную работу, не справляться’). Многократно говорилось о необходимости запретить подобные слова к употреблению.

К. Вайнио, член Общества дружбы «Финляндия–Россия», подчеркивает, что знакомство с кириллическими буквами облегчит доступ к дальнейшему изучению русского языка, поскольку русские буквы многим ученикам кажутся слишком сложными, а знать русский язык хочется и надо, потому что от него может быть польза во многих профессиях. В школе обучение может проходить на

основе игровых методов и способствовать культурному и интернациональному воспитанию, в результате чего ученики смогут написать свое имя и выучить приветствия. Знание букв позволит школьникам более открыто относиться к языку соседа и к говорящим на нем людям. Даже если усвоенное забудется, положительная связь останется, так что потом будет легче вернуться к изучению языка. В детстве Вайнио интересовалась алфавитом, ей казалось, что таким способом можно делать тайные записи [Vainio 2013]. Известный специалист по России П. Страниус [Stranius 2013] добавил к этому, что изучение языков стран-соседей должно быть взаимным: желательно, чтобы в России также не отказывались от финского ради обязательного английского.

Все чаще говорят о востребованности русского языка. В ряде публикаций по проекту OVET (www.ovethanke.fi) рассматриваются возможности и необходимость использования русского языка для расширения рынка, более качественного делопроизводства и контактов с Россией. Периодически устраивается специальное обучение в целях распространения русского языка в сфере торговли (например, фирмой Марпент, marpent.fi). Результаты исследований в области межкультурной коммуникации и опыт экономического взаимодействия двух стран отражаются на сайте www.finrusresearch.fi. Специально рассматривается опыт приема российских туристов [Malankin 2012]. В целях привлечения туристов многие города создают сайты на русском языке. В магистерской диссертации Т. Малинена [Malinen 2013] приведены результаты опроса русскоязычного населения России и Финляндии относительно будущего русского языка в Суоми. В книге Э. Сеппянена [2013], бывшего адъютантом у У. К. Кекконена, собраны 88 интервью современных финнов из разных слоев общества о том, какими они представляют себе Россию, русских и отношения между двумя странами.

Справедливости ради следует упомянуть еще и о тех финнах, которые, не зная русского языка, становятся горячими сторонниками русской литературы и культуры, а также о политически ангажированных.

Рис. 2. Реклама курсов для продавцов, владеющих русским языком, опубликованная в газете «Метро».

TEL. +358 3 682 4600

ОТКРЫТО
 1.1.-31.5. пн-вс 11-17
 1.6.-31.8. пн-вс 10-18
 1.9.-31.12. пн-вс 11-17
 Группам также по согласованию

ВХОДНЫЕ ПЛАТЫ
 Взрослые 8 € / Дети (7-17 лет) 3 €
 Семейный билет 16 €
 Групповой билет (15 - 50 чел.) 6 € / чел.

ЗАПРОСЫ
 Тел. +358 3 682 4600

Рис. 3. Объявление о часах работы военного музея в Хямеенлинне; танк перед музеем.

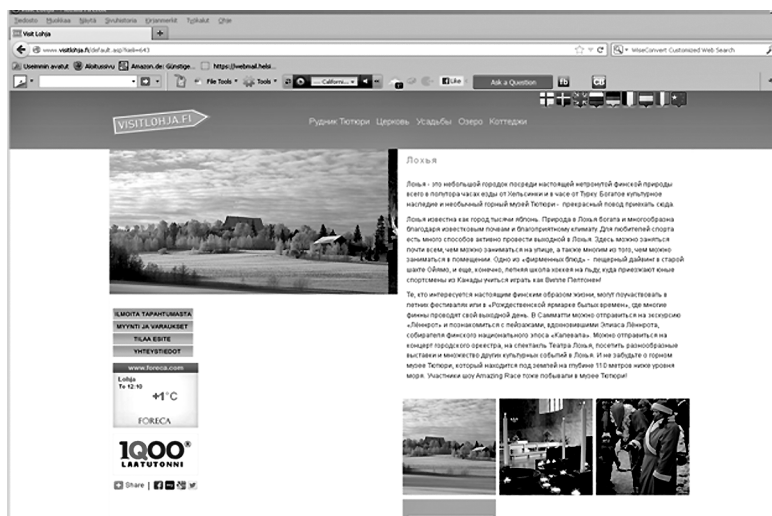

Рис. 4. Сайт города Лохья.

Рис. 5. Реклама города Сало на туристической ярмарке МАТКА-2013.
Фотография К. Ранкса.

Рис. 6. Надпись «Товарищ / Ленин» на передвижном туалете строительной фирмы «Стара».

Русскоязычное меньшинство. По-русски как на родном языке говорят «старые» русские и их потомки (ср. [Кемрі 2013]), ингерманладские репатрианты и члены их семей, финны, выросшие в СССР и России, супруги граждан Финляндии и дети от смешанных браков, приехавшие в связи с работой или учебой [Протасова 2004]. Высокая степень компетентности свойственна носителям других языков (украинского, болгарского, таджикского, чеченского), по разным причинам оказавшимся в Финляндии и примкнувшим к представительному русскоязычному меньшинству. Русскоязычных больше в крупных городах и в приграничных регионах. Так, в Тохмаярви 5 % из 5 000 жителей русскоговорящие, в большинстве магазинов есть русскоязычное обслуживание (см. рис. 7) и половина учеников изучают русский как иностранный.

О двойственной ситуации с русским языком у выросшей в Финляндии молодежи рассуждают М. Ляхтеенмяки и М. Ванхала-Анишевски: с одной стороны, в обществе доминирует неприязненное отношение, с другой – русский язык нужен, а русскоязычным он еще и приятен [Lähteenmäki, Vanhala-Aniszewski 2012]. В этнографическом исследовании показаны речевые практики бабушек в России и после переезда семей в Финляндию [Tiainen 2013]. В социально-политическом аспекте исследуются семейные предпочтения иммигрантов в образовании, в культурной жизни [Lammi, Protassova 2011], в спорте, питании и др. Таким образом, самые разные вопросы положения русскоязычных подвергаются анализу.

Рис. 7. Реклама услуг Русскоязычной библиотеки в «Селло»; реклама на русском языке сети мебельных магазинов, рассылаемая по почте русскоязычным.

Образовательные учреждения, специализирующиеся на преподавании русского языка, появились в Финляндии еще в XIX веке, особенно в Гельсингфорсе и Выборге, причем уже тогда были русскоязычные детские сады, а в школах русский преподавался как родной и как иностранный. В 1920–1930-е гг. учреждения испытывали финансовые трудности и постепенно закрывались; к концу Второй мировой войны остались Табуновская начальная и Русская средняя школа в Хельсинки. В 1955 г. открылась новая частная Русско-финская, ставшая в 1977 г. государственной Финско-русской школой в Хельсинки. В программе школы учитываются разные уровни владения языками. Сейчас в Финляндии около

10 отделений школ, где можно учить русский как язык А, и около 20 двуязычных детских садов. В нескольких университетах преподают русский язык. Есть много русскоязычных кружков, клубов, театральных коллективов и объединений. В 2012 г. в Эспоо в торгово-культурном комплексе «Селло» открылась Русскоязычная библиотека (см. рис. 7). Помимо обычного обслуживания, библиотека организует различные мероприятия для детей и взрослых.

С мая 2013 г. ежедневно выходит пятиминутный выпуск теле новостей на русском языке (<http://yle.fi/uutiset/novosti>). Их смотрят 180 000 зрителей, т. е. в три раза больше, чем русскоязычных в Финляндии, и еще 100 000 заходят на сайт, причем четверть посетителей – из России. Первоначальная идея – адресовать информацию на русском языке тем, кто плохо знает финский, чтобы их единственной версией происходящих событий не были только те, которые предлагают российские СМИ. К тому же многие просто не знают, что происходит в мире, и маргинализируются. Таким образом, телевизионная аудитория объединила тех, кому интересно услышать о Финляндии по-русски: это и знающие русский, и изучающие его. Многим нравится особый взгляд редакции на события, а также предоставляемая возможность услышать информационные программы на русском языке; к тому же передачи снабжаются субтитрами, а значит, те, кто недостаточно хорошо знает русский, могут получить зрительную опору на финском для лучшего понимания. Новости превратились и в источник информации о Финляндии для российских СМИ. В то же время русскоязычные печатные СМИ (двадцатилетний «Финляндский торговый путь», пятнадцатилетний «Спектр», тринадцатилетняя «Остановка в Финляндии», трехлетние «Новости Хельсинки») и радио «Спутник» балансируют на грани выживания. Финансовую поддержку получил журнал «Мозаика», выходящий на двух языках (электронные версии: [Konttinen 2013]). Кроме того, есть литературно-художественные журналы и альманахи («LiteraruS», «Иные берега», «Северная широта»). В целом можно сказать, что в Финляндии создаются условия для творческого применения русского языка как родного.

Остановимся еще на том, какого «качества» этот русский язык. Естественно, вместе с иммигрантами из разных регионов России привносятся региональные разновидности языка. Некоторые поддерживают свой язык, другие стремятся перейти на финский или шведский. Для одних важно следить за социально-политической ситуацией в России; другие ограничиваются жизнью в диаспоре; третьи проявляют больший интерес к событиям в Финляндии; четвертые – в Европе и мире. Род занятий носителей русского языка сказывается на его особенностях (насколько учитываются современные веяния, терминология, содержание общения, что заимствуется) и, соответственно, на том, какой вариант передается детям и внукам. Во втором поколении сохранить язык труднее. Без специального школьного обучения наивный русский язык выглядит, например, так:

Я считаю что самое счастливое воспоминания моего детства это то што я давольно много помню о своего детства. Я жила до шисти лет в России и многие удевяются как я штота могу помнит с тех временах. Но я помню это всё как вчерашней день. Я не могу обезательно сказать каторые были самые счастливые случия, потомушто я как и все помню только хорошие случия. Их так много мне осталось в памяти што я думаю можно спакойна сказать што я провела очен даже счастливое детство, что мне приносить большое удавольства. А то в канце концов я-бы не была тот человек кторый я сейчас есть бесь моих зомечательных радителей и из тех условиях кторые они мне устроеле в детстве. Это было детства... Есть конешно маленькие случия кторые стоит расказать. Мы жили с мамой и с папой в Москве, но каждое лето я провадила в деревне у бабушке с дедушкой с мойм дваюродном братам, Сергеем. Он был мойм самым лутыцем другом, и мы с ним всегда всё вместе делопи. В детстве мы очен много путешествовали. Воснавном по России, но где мы только там не побыли! Санкт-Петербург, Алмата, Казакстан, Сотчи, Сиберия... Всё даже не помню. Болие всего я конешно любила Сотчи. Мы туда ездели каждый год, и я обажала там играть в море на агромных волнах, ловить медузы и собирать ракушки.

Воспоминания конечно все хороши сами по себе, но их слишком много чтобы все написать. За то во время когда я училась в гимназию психологию, нам было задано буквально за два месяца написать биографию своего детства и сделать психологический анализ про всё детства. Это был один из моих любимых проектов в школе и я действительно написала целую книгу куда я включила всё что я только могла вспомнить. И досеппор храню книгу с гордостью.

Образцы наивного письма особенно ценны, потому что показывают, какие правила могут быть перенесены из других языков, а какие должны быть выучены для русского языка отдельно. При общем падении качества правописания и влиянии доминирующих языков на домашний русский все же остаются и компетентные носители русского как родного. Кроме того, овладение нормами письменной речи возможно и в позднем возрасте, хотя и дается сложнее.

В заключение отметим, что авторы стремились, с одной стороны, продемонстрировать, как устроено языковое многоголосие в Финляндии, а с другой – показать, как в эту полифонию вписывается русский язык. Специальное внимание было уделено языковой ситуации в стране, последним публикациям и материалам обсуждения.

Выяснилось, что установки по отношению к языку у коренного и пришлого населения не совпадают, но объективно деятельность и тех, и других определяется прежде всего экономическими условиями и духовными интересами. Неизбежно возникает сотрудничество между теми, кто заинтересован в контактах с Россией и знаниях о ней. Существует зависимость между ростом числа постоянно проживающих в Финляндии русскоязычных и туристов (Alanen 2012).

Проследивая на протяжении четверти века динамику формирования русскоязычного сообщества в Финляндии, можно заметить, что качественные изменения в положении русского языка связаны с количественным ростом русскоязычного населения,

с политикой России и Финляндии, с изменениями в тенденциях изучения языков в мире.

Присутствие русского языка в стране увеличивается. Он стал частью ее лингвистического ландшафта.

Литература

- Мустайоки А., Протасова Е., Копотев М., Никунласси А., Хуттунен Т.* (ред.). Изучение и преподавание русского языка в Финляндии. – СПб. : Златоуст, 2010.
- Протасова Е.* Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб. : Златоуст, 2004.
- Сеппянен Э.* Россия – сосед знакомый и незнакомый. – СПб. : Европейский дом, 2013.
- Юрков Е. Е., Протасова Е. Ю., Попова Т. И., Никунласси А.* (ред.). Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов в процессе двуязычного образования. – СПб. : МИРС, 2012.
- Alanen A.* Venäjänkieliset muuttajat. Venäjänkieliset matkustajat // *Tieto & trendit*, 2012, № 8. – С. 35–37.
- Hakulinen A. et al.* Suomen kielen tulevaisuus. Kielipoliittinen toimintao-hjelma. – Helsinki : Kotimaisten kielten tiutkimuskeskus, 2009.
- Halonen M.* Puhutun kielen variantit resurssina // *Virittäjä*, № 3, 2009. – С. 329–355.
- Hassinen S.* Simultaaniin kaksikielisyyteen kasvaminen // *Virittäjä* № 2, 2004. – С. 241–262.
- Huhtanen A.-M.* V niin kuin vanhentunut // *Yliopisto*, 4, 2013. – С. 18–25.
- Kalliokoski J., Kotilainen L., Pahta P.* (toim.) Kielet kohtaavat. Tietolipas 227. – Helsinki : SKS, 2009.
- Kalliokoski J., Nikko T., Pyhäniemi S., Shore S.* (toim.) Puheen ja kirjoituksen moninaisuus. AFinLA:n vuosikirja 67, Jyväskylä : Jyväskylän yliopisto, 2009.
- Kansa.* Kansaantaa tueneutanasialle // *Helsingin Sanomat*, 7.2.2013. – С. А6–А8.
- Kempi S.* Речевой портрет: коренной русский в Финляндии / *Pro gradu* – työ. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 2013.
- Konttinen J.* Ilta päivää, zdravstvuite! // *Helsingin Sanomat*, 11.8.2013, C6–C7.
- Kumpulainen T.* (toim.) Koulutuksen tilastollinen vuosikirja 2011. – Helsinki : Opetushallitus, 2012.

- Lähteenmäki M., Vanhala-Aniszewski M.* Hard Currency or a Stigma – the Russian-Finnish Bilingualism Among Young Russian-speaking Immigrants in Finland // Blommaert J., Leppänen S., Pahta P., Räisänen T. (eds.) *Dangerous Multilingualism. Northern Perspectives on Order, Purity and Normality.* – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – P. 121–141.
- Lammi A., Protassova E.* Suomen venäjänkieliset kulttuuripalveluiden käyttäjinä ja tuottajina. Helsinki : Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti, 2011.
- Lehtonen H.* Developing Multiethnic Youth Language in Helsinki // Kern F., Selting M. (Eds.) *Ethnic Styles of Speaking in European Metropolitan Areas.* – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2011. – P. 256–290.
- Malankin M.* Venäläiset matkailun asiakkaina. – Mikkeli : Mikkelin ammattikorkeakoulu, 2012.
- Malinen T.* Русский язык как язык будущего в Финляндии / Pro gradu – työ. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 2013.
- Martikainen T., Haikkola L.* (toim.) Maahanmuutto ja sukupolvet. – Helsinki : SKS, 2010.
- Martikainen T., Saukkonen P., Säävälä M.* (toim.) Muuttajat. Kansainvälinen muuttoliike ja suomalainen yhteiskunta. – Helsinki : Gaudeamus, 2013.
- Mauranen A.* Exploring ELF Academic English Shaped by Non-native Speakers. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Mustajoki A.* In the interest of Russian language // 6 degrees, 2013, № 4. – S. 5–6.
- Mustajoki A.* Kevyt kosketus venäjän kieleen. – Helsinki : Gaudeamus, 2012.
- Pulma P.* (toim.) *Suomen romanien historia.* – Helsinki : SKS, 2012.
- Räisänen T.* Processes and practices of enregisterment of business English, participation and power in a multilingual workplace // *Sociolinguistic Studies*, 2012, V. 6, № 2. – P. 309–331.
- Rastas A.* (toim.) Kaikille lapsille. Lastenkirjallisuus liikkuvassa, monikulttuurisessa maailmassa. – Helsinki : SKS, 2013.
- Sajavaara K., Piirainen-Marsh A.* (toim.) Kielenoppimisen kysymyksiä. Soveltavan kielen tutkimuksen teoriaa ja käytäntöä. – Jyväskylä : Jyväskylän yliopisto, 1999.
- Stranius P.* Venäjä-suomi, suomi-venäjä // *Kansan Uutiset, Verkkolehti*, 24.5.2013. – Режим доступа: <http://blogit.kansanuutiset.fi/oisinajatteliija/venaja-suomi-suomi-venaja>
- Suviniitty J.* Lectures in English as a Lingua Franca: Interactional Features. – Helsinki : University of Helsinki, 2012.

- Tainio L., Harju-Luukkanen H.* (toim.) Kaksikielinen koulu – tulevaisuuden monikielinen Suomi. – Helsinki : Suomen Kasvatustieteellinen Seura, 2013.
- Teivainen T.* Cyrillic alphabet for Finnish schools // Helsinki Times, 3. 5.2013a. – Режим доступа: www.helsinkitimes.fi/columns/columns/viewpoint/6159-cyrillic-alphabet-for-finnish-schools.html
- Teivainen T.* Kyrillisiä välähdyksiä tulevaisuudesta // Idäntutkimus, 2012, Vol. 19, № 3. – S. 64–65.
- Teivainen T.* Kyrilliset aakkoset tulisi opettaa peruskoulussa // *Helsingin Sanomat*, 12.6.2013b. – S. C10.
- Tikkanen T.* Peittoaako englantia suomen? // Opettaja, 2013, № 32. – S. 6.
- Tiainen T.* Babushka in Flux: Grandmothers and Family-making between Russian Karelia and Finland. – Tampere : Tampere University Press, 2013.
- Vainio K.* Opetellaan kyrilliset aakkoset jo koulussa? // Общество дружбы «Финляндия–Россия» 16.5.2013. – Режим доступа: www.venajaseura.com/blogi/opetellaan-kyrilliset-aakkoset-jo-koulussa

4.2. Deutsch-russisches Russisch – vom Spiel zu Sprache?²⁹

Holger Kuße, Marina Scharlaj

Аннотация

Речь русских эмигрантов в сегодняшней Германии рассматривается как немецко-русский идиом. Речь русскоговорящих жителей ФРГ базируется на смешении двух языковых систем, немецкого и русского, и возникает, с одной стороны, как игра, с другой стороны, как коммуникативная необходимость. Наблюдается четкая морфологическая основа русского языка и трансференция немецкой лексики. Фокус исследования направлен на выявление

²⁹ Der Beitrag ist eine leicht überarbeitete Fassung unseres russischsprachigen Artikels «Немецко-русско русский – от игры к языку?», der in der Reihe Acta Slavica Estonica erschienen ist. // Славистика в Эстонии и за ее пределами. Tartu. University of Tartu Press, 2013. С. 197–210.

типологических особенностей речи русских эмигрантов, включенных в немецкоязычную культурную среду. Анализируются интервью с русскоговорящими респондентами, а также материалы русскоязычной прессы ФРГ и интернет-форумов. Особое внимание уделяется функциям смешанных речевых явлений и оценкам последних носителями русского языка. В методико-теоретическом плане исследование вписывается в рамки лингвистики смешения языков, т. е. контактной лингвистики. Предполагается, что немецко-русский русский язык может развиваться как особый микроязык. Данная тенденция возможна при допуске и признании того, что язык и речь легитимизируются не только информативной и референциальной, выразительной и аппеллятивной функциями коммуникации, но и поэтической функцией. Выдвигается гипотеза: немецко-русский русский находится на пути к поэтическому микроязыку.

1. «Шпраха Qwelja»

Auf der Internetseite www.strannik.de wird der Weltöffentlichkeit eine neue Sprache vorgestellt: *«На шпрахе Квеля шпрехаюот цирка миллион бевоносящих в Бундесе, Ёстерайхе и Швицерляндии ауслэндеров фон Руссланд (...). На Qwеле создан великий могучий литератур и фольклёр, который занимает вихтижный платиц в шатицкаммере мировой культюр»* [URL: <http://www.strannik.de/quelia/>, letzter Zugriff 3.09.2013]. Schöpfer dieser Sprache ist ein gewisser Saša Puškin, der «von klein an Qwelja studierte», «ethnographische Expeditionen» nach Berlin Neukölln organisierte, die Sprache der Neuköllner aufschrieb und auf dieser Grundlage ein Wörterbuch erstellt hat [vgl. URL: <http://www.strannik.de/quelia/pushkin.htm>, letzter Zugriff: 3.09.2013]. Die deutsch-russische Mischung in dieser Art der Folklore und Laienlinguistik ruft komische Effekte hervor [s. auch Brehmer 2007]. Sie parodiert das Sprechen, das für russischsprachige Migranten in Deutschland typisch ist. In der Situation, in der die private Kommunikationssphäre zumeist russisch- und das öffentliche Leben deutschsprachig ist, dringt deutsche Lexik in das Russische ein, sodass eine neue deutsch-russische Varietät entsteht.

Das Mischen von deutscher Lexik mit russischer Grammatik sowie auch andere Transferenzformen haben einen okkasionellen Charakter. Die Verwendung der Mischsprache als Familiensprache, aber auch als Kommunikationssprache im Internet sowie in der scherzhaften Folklore lässt jedoch vermuten, dass sich mit ihrer Ausbreitung ein bestimmtes System entwickeln kann. Ausgehend von der Frage, ob die Sprachmischung von der individuellen und der daraus folgenden kollektiven Kreativität zu einem neuem (Sub)Standard oder einer neuen (Mikro) Sprache führt, wird im vorliegenden Beitrag der gegenwärtige Zustand der russischen Sprache in Deutschland in seiner Wechselwirkung mit dem Deutschen analysiert. Untersucht und systematisiert werden exemplarische Äußerungen von Migranten, die zum Teil von Studierenden des Instituts für Slavistik der TU Dresden erhoben, aber auch aus anderen Untersuchungen übernommen wurden und zum anderen der russischsprachigen Migrantenpresse in Deutschland und Internetforen zu Themen aus dem Alltag entnommen sind.

2. Mischsprachenlinguistik

Das deutsch-russische Russisch in Deutschland stellt eine Mischung auf der Basis des Russischen dar und unterscheidet sich damit vom Einfluss der russischen Sprache auf das Deutsche, welcher für die deutschstämmige Bevölkerung und deutschsprachige Migranten in Russland charakteristisch ist. Hier handelt es sich um russisch-deutsches Deutsch. Beide Varietäten zählen zu den Sprachphänomenen, deren Status und Klassifikation in der neueren Kontaktlinguistik unter dem Begriff, Mischsprachen‘ diskutiert werden (*mixed language*) [s. Thomason 2001: 157–221].

Phänomene dieser Art lassen sich in den verschiedensten Konstellationen gegenseitiger sprachlicher Beeinflussung beobachten, in denen der kulturelle und sprachliche Kontakt zwischen zwei oder mehr verschiedensprachlichen Ethnien eine gewisse Stabilität aufweist. So werden in dem Sammelband von Matras/Bakker (2003) unterschiedliche Grade der Mischung von Sprachen mit typologischem Abstand beschrieben wie die zwischen europäischen (flektierenden) und indigenen (in der Regel polysynthetischen) Sprachen oder zwischen

europäischen und großen asiatischen Sprachen, aber auch Mischungen innerhalb des Indoeuropäischen [zum Russischen s. Golovko 2003]. Scheinbare Randphänomene können sowohl linguistisch als auch kulturwissenschaftlich von großem Interesse sein, wie das unlängst von dem belgischen Slavisten Dieter Stern in einer umfangreichen Studie beschriebene Tajmyr-Pidgin-Russisch, das sich über die Zeit der sibirischen Landnahme hinaus erhalten und eine größere Stabilität erreicht hat, als sie bei Pidgins üblicher Weise anzutreffen ist [Stern 2012]. Dass Sprachen, die in eine anderssprachige Umgebung gelangen, neue Varietäten herausbilden können, ist in der Kontaktlinguistik nicht unbekannt. Im englischsprachigen Raum, insbesondere in Indien und Afrika, sind Phänomene wie *New Englishes* oder auch *World Englishes* entstanden [s. Platt/Weber/Lian 1984; Kachru 1992; Bolton/Kachru 2006]. Vergleichbare Phänomene sind auch in der Frankophonie bekannt [s. Tétu 1997; Erfurt 2005b; Wolton 2006]. Die regionalen Varietäten in Deutschland sind nicht immer einfach nur Dialekte, sondern weisen eine eindeutige lexikalische und grammatische Mischungen mit den Umgebungssprachen auf und können ebenfalls als Mischvarietäten bezeichnet werden. So wurde der ungarische Einfluss auf die deutsch-ungarischen Deutschen von Földes [2005] untersucht, über die Mischung des Deutschen und Dänischen schreibt Fredstet [2008, 2009], über die deutsche Sprache in Sibirien berichtet Blankenhorn [2003]. In der Forschungsliteratur zum Sprachkontakt findet man darüber hinaus solche Begriffe wie amerikanisches Russisch (*American Russian*), australisches Russisch (*Australian Russian*) oder Finnorussisch usw. [Polinsky 2000; Rethage 2012; Ипотасова 2004].

Der Kontakt zwischen dem Russischen und dem Deutschen wurde zunächst in der deutschen Germanistik als wesentliches Merkmal der deutsch-russischen Spätaussiedler (Deutschlandrussen) untersucht [Berend 1998; Meng 2001; Meng / Protassova 2005; МЕНГ/Ипотасова 2002]. Heute liegt außerdem eine Reihe von Untersuchungen zu deutschen Interferenzen und Transferenzen in der russischen Sprache von Migranten mit der ersten Sprache Russisch vor, wie etwa in der Kommunikation von Kindern, die im zweisprachigen Milieu aufwachsen oder auch in der Sprache von Personen russischsprachiger Herkunft,

die nur eine bestimmte Zeit in Deutschland leben (unter anderen auch Studenten) [Goldbach 2005; Pabst 2007; Anstatt/Dieser 2007; Brehmer 2007; Brehmer/Ždanova 2007; Dieser 2009; Kuße 2011; Karl 2012; Rethage 2012; Levkovych 2012; Протасова 1996; Шиндлер 2001; Жданова 2006].

Bei der genaueren Bestimmung der deutsch-russischen Mischsprachphänomene sind drei Annahmen möglich: (1) Die Sprachäußerungen sind fast ausschließlich mündlich und lediglich aktuelle Erscheinungen (*ad hoc-Erscheinungen*, *Code Switching*). (2) Sie bilden eine spezielle Variante des Russischen. (3) Sie sind ein Zeichen der Entstehung einer neuen, weder russischen, noch deutschen, sondern einer dritten Sprache, die auf Mischung basiert. Aus der Gegenüberstellung der ersten und dritten Hypothese ergibt sich die Frage: Ist das deutsch-russische Russisch nur ein Komplex willkürlicher und vorübergehender Sprachmischungen oder ist es, wenn auch beschränkt, eine homogene Sprachvarietät, die sich in die Richtung einer vollständigen Mischsprache entwickelt? Die Frage lässt sich nicht allein anhand grammatischer und lexikalischer Kriterien beurteilen, sondern bedarf auch der Klärung der kommunikativen Funktionen und des kommunikativen Status des deutsch-russischen Russischen insgesamt, wie überhaupt die Entwicklung von Varietäten und neuen Sprachen auf der Basis von Mischungen und Innovationen funktional differenziert betrachtet werden muss.

An sich ist die Frage nach dem Status von Sprachmischungen nicht neu. Hugo Schuchardt hat sie bereits Ende des 19. Jahrhunderts im Rahmen der von ihm begründeten Kreolistik erörtert. Nach der von Baudouin de Courtenay bekannten These vom «Mischcharakter aller Sprachen» [1963 (1900/1901)] bilden das deutsch-russische Russisch und andere Mischungen auf der Basis des Russischen keine Ausnahmen, sondern sind gewöhnliche, wenn auch auffallende Erscheinungen eines universalen Sprachprozesses. Darauf, dass sich jedoch die Mischtypen voneinander unterscheiden, hat schon Lev VI. Ščerba, ein Schüler Baudouin de Courtenays, hingewiesen. Im Anschluss an den französischen Sprachwissenschaftler Antoine Meillet und im Unterschied zu Baudouin de Courtenay ging er davon aus, dass man den Einfluss einer Sprache auf eine andere, vor allem wenn dieser sich im Wesentlichen in

Entlehnungen äußert, nicht mit Mischung gleichsetzen kann. Um von einer Mischung zweier oder mehrerer Sprachen sprechen zu können, müssen diese sich, so Ščerba, sich wesentlich verändern [Щерба 1974 (1936)]. Dies ist bei den Kreolsprachen der Fall.

Die deutsch-russische Sprachmischung lässt sich weder als kodifiziertes Kreol noch als Pidgin klassifizieren. Sie gehört eher zum Typ der «anderen Mischsprachen» in der Klassifikation von Sarah Thomason (*other mixed languages*) [Thomason 2001:196-221]. Pidgin und Kreol entstehen als Kommunikationssprachen zwischen Gruppen, die die Sprache ihres Gesprächspartners unzureichend oder gar nicht beherrschen (*mixed languages based on imperfect learning*) [Thomason 2003: 22]. Andere Mischsprachen dagegen, darunter z.B. auch das ehemalige Aleutisch der Mednyj-Insel (медный алеут³⁰), definiert Thomason als bilinguale Mischsprachen (*bilingual mixed languages*).

Die spielerischen Phänomene wie «Илпaxа Qwelja» lassen die deutsch-russische Mischung eher diesem Typ zuordnen. Nach Thomason handelt es sich hier um eine Mischung, die sich nicht wie bei den Kreolsprachen infolge einer langfristigen «Verschmelzung» in einer Kontaktsituation entwickelte, sondern «plötzlich» von den bilingualen Sprechern gebildet wird: «abrupt creation by people who are active bilinguals in both languages» [Thomason 2001: 205; s. auch Golvoko 2003: 191].

Bei der Bestimmung des deutsch-russischen Russischen als einer bilingualen Mischsprache darf jedoch nicht vergessen werden, dass es sowohl auf der Ebene des Systems als auch auf der Ebene der kommunikativen Funktionalität ziemlich eingeschränkt ist. Soziolinguistisch gesehen dient die Mischvarietät weder der Kommunikation zwischen mehrsprachigen, d.h. deutsch- und russischsprechenden Gruppen (wie Pidgin oder Kreol) noch bildet sie eine eigene Ethnosprache. Sie wird hauptsächlich innerhalb der russischsprachigen Bevölkerung in Deutschland und anderen deutschsprachigen Länder verwendet. Hinzu kommt noch die Tatsache, dass ein Teil der Mischphänomene in der Alltagskommunikation aufgrund von unzureichenden Kenntnissen

³⁰ Eine Sprache der russisch-aleutischen Bevölkerung im «Russischen Amerika» des 19. Jahrhunderts [Thomason 2001: 202–203].

einer und häufig sogar beider Sprachen entsteht. Dies bestätigt auch der folgende Beleg aus einem Internetforum, in dem die Mischung gerade dem Erlernen der neuen Sprache in einem neuen Lebensumfeld zugeschrieben wird: *«Это называется от одного языка отстал, а к другому не пристал. А мне это кажется вполне нормальным явлением в начальный период овладения языком»* [URL: <http://www.uroki-russkogo.ru/?page=41>, letzter Zugriff: 22.01. 2013].

Somit bleibt die Frage nach dem Status der deutsch-russischen Sprachmischung offen.³¹ Abgebildet werden können lediglich Tendenzen der Sprachentwicklung.

3. Sprachformen des deutsch-russischen Russischen

Jede Sprachmischung, und darunter auch das deutsch-russische Russisch, kann 1. auf das Ökonomieprinzip, 2. auf die Notwendigkeit, lexikalische Lücken zu schließen und 3. auf die poetische (ästhetische) Sprachfunktion zurückgeführt werden.

Im nächsten Beispiel folgt die Mischung dem Ökonomieprinzip: *«С этим анмельдунг рулите в тамошний социальмт (...). Если в социальмте и арбайтсамте спросят а когда Вы переехали ? То отвечайте: „За день до анмельдунг“(...)»*³² [URL: forums.germany.ru/forums/legal/14033254.html, letzter Zugriff: 23.01. 2013].

Auffällig sind direkte Übernahmen aus dem Deutschen, um lexikalische Lücken zu schließen. Diese Funktion betrifft besonders berufliche Bereiche sowie Amts- und Behördenbezeichnungen, die nicht übersetzt, aber im deutsch-russischen Russisch unter der kürzeren Bezeichnung *амты* (Pl. v. dt. *Amt* – *служба, должность*) und *беруфы* (Pl. v. dt. *Beruf* – *профессия*) zusammengefasst werden [vgl. Жданова 2006: 94].

Aus dem Deutschen übernommen werden aber auch Wörter, die leicht übersetzbar sind, jedoch andere Positionen im Begriffsfeld

³¹ An dieser Stelle muss erwähnt werden, dass die negativen Bewertungen, die aus puristischer Sicht diese Erscheinungen als Fehler qualifizieren, hier nicht berücksichtigt wurden.

³² Vgl. *анмельдунг* statt *регистрации*, *социальмт* statt *ведомства по социальным вопросам*, *арбайтсамт* statt *службы занятости*.

einnehmen als die russischen Äquivalente, z.B. *приват* (= *личный / частный / домашний*) [Goldbach 2005, 43] oder *хенхен* (= *цыпленок / курица*; dt. *Hähnchen*, im Unterschied zum Russischen von mask. *Hahn*) [ebd., 3]. Deutsche Bezeichnungen bleiben bei Begriffen erhalten, die kulturelle Markierungen als ‚typisch deutsch‘ enthalten, wie z.B. *вайнахтский рынок* (= *рождественский рынок*; dt. *Weihnachtsmarkt*). Dazu zählt auch die Entlehnung des Lexems *кнайпа/кнайне* (dt. *Kneipe*): «Они пошли в кнайпу и поужинали» [Meng/Protasova 2003: 182].

Eines der bekanntesten Lexeme des deutsch-russischen Russisch ist sicher *термін* als direkte Übernahme des schwer ins Russische übersetzbaren *Termin* (= *назначение встречи, встреча, срок, дата*). Der russische *ежедневник*, in dem Vereinbarungen, Treffen und Veranstaltungen dokumentiert werden, wird durch das deutsche Lexem *терминкалендер* ersetzt: «Может на пасхальную субботу и забьём термин? (...) Надо будет на работе терминкалендер посмотреть» [URL: talks.guns.ru/, letzter Zugriff: 23.01. 2013].

Die poetische Funktion der Sprache spielt in den Texten eine Rolle, in denen die deutsch-russische Mischung ironisch gebrochen wird. Auf der eingangs erwähnten Internetseite «сервер странников»³³ ist folgender Text der Musikband «банда» zu finden: «Блауе вагон бежит и швингает / И дер инельцуг набирает ход / А варум же этот день фершвиндает / Золь он зих хинциен целый год / Тепихом – тепихом дальний вег стелится / И упирается в блауер химелёк / Едому – едому в бессере глаубится / Ролится – ролится блауер цуганёк» [URL: <http://www.strannik.de/quelia/wagen.htm>, letzter Zugriff: 23.01.2013].

Hier ist offensichtlich, dass die Sprachmischung grammatikalisch der russischen Sprache entspricht, die mit deutscher Lexik aufgefüllt wird. Eine solche Mischung entspricht in der Klassifikation von Bakker und Golovko dem Typ *intertwined language*, bei dem die Grammatik der einen Sprache und die Lexik einer anderen entnommen wird

³³ Die Bezeichnung ‚*станник*‘ weist einerseits auf *странность*, also auf den exotischen Charakter der Sprachmischung, und andererseits auf das Spiel mit der lexikalischen Einheit *иностранный* hin.

[vgl. Bakker 2003; vgl. Golovko 2003: 194-195]. So steht das Verb *швингует* im Russischen in der 3. Pers. Sing. und wird von dt. *schwingen* – *качаться* gebildet. Den deutschen Lexemen *Zug* (*поезд*) oder *Himmel* (*небо*) wird ein russischer Diminutivsuffix verliehen. Das russische Reflexivverb *катится* (3. Pers. Sing.) wird im Stamm durch das deutsche (*sich*) *rollen* – *полится* ersetzt usw.

Sprachlich lassen sich die Beispiele der Mischsprache also danach unterscheiden, ob innerhalb einer Äußerung die Mischung in erster Linie die Lexik, die Morphologie oder die Syntax betrifft.

Mit der oben genannten Berufssphäre ist die breite Verwendung des Substantivs *Bewerbung* (Pl. *Bewerbung* 'u, russ. *резюме*) und des davon gebildeten Verbs *беве́рбоваться* (vgl. dt. *sich bewerben*, russ. *подавать документы*) verbunden, die in der deutsch-russischen Mischung in allen Zeitformen und Modi auftreten: «Я беве́рбовался в Ко́ммерцба́нк» [URL: www.it-ru.de/forum/viewtopic.php?t=149010, letzter Zugriff: 23.01.2013], «Их Бе́werbung'у пер́выми выпа́дают из сто́пки» [URL: <http://www.partner-inform.de/index.php/partner/detail/2011/2/195/4728>, letzter Zugriff: 23.01.2013], «бу́ду беве́рбоваться на ве́рбунгмана́гера» [URL: <http://turism-miras.ru/jbjeturism16-miras860849.htm>, letzter Zugriff: 23.01.2013]. Hier kommt das Ökonomieprinzip der Mischsprachen insofern zum Tragen, als für Realien, mit denen die russischen Migranten zum ersten Mal in Deutschland konfrontiert wurden, keine russischen Äquivalente zum Deutschen gebildet werden. Die Übernahme der deutschen Lexeme erleichtert die Realisierung der referentiellen Funktion. Ähnliches lässt sich auch beim Lexem *angebот* (dt. *Angebot* – *специальное предложение, скидка*) beobachten. Vom deutschen Substantiv im deutsch-russischen Russisch kann zum einen das Adjektiv *angebотное* (*angebотное печенье, агнеботный альбум*) und zum anderen die Konstruktion *im Angebot* – в *angebоте* gebildet werden [vgl. Болль-Палиевская 2013].

Mitunter sind lexikalische Entlehnungen auf eine falsche Übersetzung zurückzuführen, infolge derer «falscher Freunde» entstehen: «Но́ты? Не все ли равно́ какие но́ты?» [gemeint sind nicht *музыкальные ноты*, sondern *оценки*] [Beger 2010: 31].

Von Interesse sind auch die sog. „Quasilatinismen«, d.h. Wörter lateinischen Ursprungs im Deutschen, die ins Russische übernommen werden und sich in die grammatische Struktur des Letzteren integrieren. Dabei ist allerdings nicht ganz klar, ob die Träger der Mischsprache der Meinung sind, dass es Latinismen wie *иритировать* (anstelle von *вводить в заблуждение*), *реширишировать* (*собирать информацию*) im Russischen tatsächlich gibt, oder ob sie von ihnen bewusst als Sprachspiel eingesetzt werden. Bei der Äußerung *не эритируй меня* z.B. scheint die zweite Möglichkeit wahrscheinlicher zu sein, da dieser Ausdruck an ein bekanntes russisches Filmzitat erinnert: *Муля, не нервируй меня* (aus Film *Подкидыш*, 1939).

Wie die Beispiele zeigen, folgen die aus dem Deutschen entlehnten Substantive im Gebrauch dem russischen Geschlecht, Numerus und Kasus (*требование Sozialamt'a, Bewerbung'u* usw.). Das Adjektiv wird ebenfalls nach dem russischen Paradigma dekliniert (*вихтижный плати, ангеботное печенье, немало байшпилей берюмнутаго фольклора*). Auch das Adverb trägt die gleichen Formen wie im Russischen (*вармно, моргеном* usw.). Das Verb, das einen deutschen Stamm hat, kommt in russischen Modi, Aspekten und in allen Zeitformen vor. In der gesprochenen Sprache sowie auch in der Internetkommunikation sind Formen wie *реновировать – отреновировать* (vom dt. *renovieren – reparieren*), *шпайшперить, шпайшперовать – зашпайшерить* (vom dt. *speichern – speichern*), *шафовать/шафать – сшафать* (vom dt. *schaffen – umsetzen*) geradezu regulär. Charakteristisch ist die Bildung von Aspektpaaren mit dem Präfix *по-*, das auf die Kürze der Handlung hinweist: *потринькать* (vom dt. *trinken – trinken*), *поесать* (vom dt. *essen – essen*). Typisch ist auch die Bildung der Zeitformen nach folgendem Muster: *бевербуюсь – бевербовался – буду бевербоваться* (vom dt. *sich bewerben*), *анмелюдуюсь – анмельдовалась* (vom dt. *sich anmelden*).

Nicht weniger bemerkenswert als lexikalische sind syntaktische Entlehnungen im deutsch-russischen Russisch. Dazu gehören besonders die nach deutschem Muster gebildeten Konstruktionen mit *делать*, z.B. *делать экзамены / практику / спорт / профессию* [Goldbach 2005: 56; Жданова 2006: 78] bis hin zu unpersönlichen Konstruktionen

mit *machen* + *man*: В России *ман* делает [Жданова 2006: 82]. Nicht wenige dieser Konstruktionen sind im Standarddeutschen gar nicht möglich oder stark restringiert, z.B. **Sport machen* statt *Sport treiben*, **einen Beruf machen* statt *einen Beruf ausüben*, **Kuchen machen* statt *Kuchen backen* usw. Hier handelt es sich also im deutsch-russischen Russisch um spezifische, zwar nach deutschem Vorbild gebildete, aber nur in der deutsch-russischen Varietät des Russischen mögliche Konstruktionen, die als Pseudogermanismen bezeichnet werden können.

Verbreitet sind Konstruktionen mit *получить* (*bekommen*), die verschiedene standardrussische Konstruktionen ersetzen; vgl. *Я получил перед сном стакан теплого молока* (= *Мне дали ...*); *Мы получили два места за столиком* (= *Мы нашли ...*) [Гловинская 2001: 453]. Entlehnungen von Konstruktionen haben häufig phraseologischen Charakter, z.B. *Не будем делать стресс!* nach *Machen wir keinen Stress!* [Жданова 2006: 78]

Starke kommunikative Signale des deutsch-russischen Russischen sind deutsche Partikeln und andere Pragmalexeme, die in die Rede eingebunden werden: *Ну* dann tschüss, *пока* (= *Ах так, ну тогда пока*); *Спроси его, он* bestimmt (= *наверняка*) *знает* [ebd., 83]; *Тебе холодно!* – *Нет, мне не холодно, я же крепкая немка.* – *Дох, тебе холодно* [Goldbach 2005: 61]. Diese Elemente haben idiomatische Funktionen und sind in die Rede von Sprechern eingebunden. Zur Pragmatik des deutsch-russischen Russischen gehört auch das *Code switching* in der Funktion der Zitierung; z.B.: *Это потому, что он* *ин мих ферлибт, говорит* [ebd., 48].

Schon diese wenigen Beispiele zeigen die Fülle der sprachlichen Besonderheiten des deutsch-russischen Russischen, die es sowohl vom Standardrussischen wie natürlich auch vom Standarddeutschen unterscheiden. Linguistisch ist damit das Potenzial für eine aus Sprachmischung entstandene Mikroliteratursprache gegeben. Die Sprachentstehung ist aber nicht zwangsläufig, sondern wesentlich von sprachexternen Faktoren abhängig. Es sind wahrscheinlichere und weniger wahrscheinliche Szenarien vorstellbar. Die gemischte Varietät kann wieder verschwinden, weil die Sprechergemeinschaft entweder zu einer Standardsprache wechselt (nur Russisch oder nur Deutsch)

oder zwei Standardsprachen verwendet (Bilingualismus ohne Sprachmischung). Beide Varianten sind derzeit nicht zu erwarten, da die Mischsprache durchaus praktischen Bedürfnissen der Kommunikation folgt (Ökonomieprinzip) und die Sprechergemeinschaft dynamisch ist. Durch Studien- und Arbeitsmigration wird sie immer wieder erneuert, zugleich findet aber auch ein regelmäßiger Austausch mit dem Herkunftsland statt. Zweitens kann spekuliert werden, dass die Mischsprache zu einem kodifizierten Kreol und damit zu einer Minderheitensprache in Deutschland wird. Auch dieser Prozess ist nicht zu vermuten, und zwar erstens aufgrund der genannten Dynamik der Sprechergemeinschaft, die keine ‚eigene Ethnie‘ bildet, und zweitens aufgrund eines konstitutiven Merkmals der Mischsprache: Sie lässt *Ad hoc*-Bildungen nicht nur zu, sondern erfordert sie sogar. Eine grammatische und lexikalische Kodifikation widerspräche also dem kommunikativen Charakter des deutsch-russischen Russischen, das zwar Regelmäßigkeiten aufweist, aber keine präskriptiv kodifizierten Regeln erlaubt. Grammatikalische und lexikalische Kodifikation in einer ernsthaften, und nicht in der scherzhaften Variante, wie sie im Internet-Wörterbuch «Qwelja» vorliegt, widerspricht dem kommunikativen Charakter der deutsch-russisch russischen Varietät.

4. Trilingualität und Transkulturalität

Ein, wenn nicht das entscheidende Kriterium für die Zukunft der deutsch-russischen Mischsprache wird die Spracheinstellung der Sprecher sein, d.h. ihre eigene Bewertung sprachlich-kultureller Mischungen. Wird das deutsch-russische Russisch von seinen Sprechern und Sprecherinnen als „Schlechtes Russisch« abqualifiziert, wird es sich schwer etablieren, wird es von ihnen dagegen als Varietät neben dem Deutschen und dem Russischen akzeptiert und als Teil ihrer sprachlich-kulturellen Identität erkannt, kann es eine besondere soziale Identität in Deutschland schaffen und zugleich den Kosmos der Sprachen der Welt um eine neue Sprache bereichern. Die Zukunft des deutsch-russischen Russisch liegt deshalb in der Trilingualität (Russisch, Deutsch, Deutsch-russisches Russisch), in der Deutsch, Russisch und deutsch-russisches

Russisch in unterschiedlichen kommunikativen Situationen und mit verschiedenen kommunikativen Zielen gebraucht werden.

Heute fällt die Bewertung der Mischsprache sowohl negativ [z. B. Боль-Палиевская 2013] als auch positiv aus. Die positive Bewertung kommt häufig in Internet-Foren vor. Kennzeichnend dafür sind folgende Beispiele: *«А я в смешивании языков не вижу ничего страшного. Так проще объясняться с соотечественниками, живущими рядом. (...) Если я общаюсь на ,официальном‘ уровне, тогда конечно язык должен быть чистым, а если с друзьями или в семье, то почему нет?»* [URL: <http://www.uroki-russkogo.ru/?page=41>, letzter Zugriff: 22.01. 2013]; *«на форуме люблю писать ближе к разговорному языку... а не литературным... мне лично так больше нрааавится»* [ebd., letzter Zugriff: 22.01. 2013].

Daraus ist ersichtlich, dass die Mischung in erster Linie in der Umgangs- und Alltagssprache (einschließlich der Internetkommunikation) anerkannt und positiv bewertet wird. Die Mischung erleichtert aus der Sicht der Internetnutzer geradezu das Leben. Die Beispiele zeigen außerdem, dass die Mischung eine weitere soziale Funktion erfüllt: mittels der Mischsprache wird eine besondere Nähe zwischen den Kommunikanten hergestellt.

Ekaterina Protasova stellt in ihrer empirischen Studie zum Finnorussischen fest: *«через смешение языков говорящим удается более адекватно выразить и самих себя, и свое отношение к происходящему»* [Протасова 2004: 26]. Ähnlich definiert Evgenij Golovko die Mischsprache der Migranten als *«внутри-групповой маркер»* (*group identity marker*) [Golovko 2003: 191]. Die gemischte Rede kann als das ideale Mittel zum Ausdruck der transkulturellen Persönlichkeit gesehen werden, die nicht nur einer, sondern mehreren Kulturen angehört [Welsch 1995, vgl. Erfurt 2003, 2005b; Hinnenkamp 2005; Hinnenkamp/Meng 2005; Kuße 2012: 258-263].

Mit Roman Jakobson gesprochen wird die Mischsprache in ihrem Wert nicht nur durch die kommunikativ-darstellende Funktion, sondern ganz erheblich durch die phatische (Kontaktfunktion) und poetische Funktion sprachlicher Kommunikation legitimiert. Das deutsch-russische Russisch erreicht das phatische Kommunikationsziel, indem

es der Sprechergruppe eine soziale Stabilität verleiht, d.h. den Erhalt der internen Kommunikation sichert. Die poetische Funktion dagegen gewährleistet die Konzentration auf die Mitteilungsform. Unter den Mitteilungsformen, die die poetische Funktion realisieren, nimmt das Sprachspiel eine besondere Position ein. Im Falle der gemischten Rede bewegt sich das Spiel von der Peripherie zum Zentrum der sprachlichen Kommunikation. Nach Ščerba erzeugen Mischungen von sprachlichen Varietäten innerhalb einer Standardsprache komische Effekte oder dienen zumindest der Ausdrucksverstärkung: «*шутки ради или для того, чтобы сделать более выразительным наш язык*» [Щерба 1974 (1936): 72]. Innerhalb der kommunikativen Funktionen ist die poetische Funktion jedoch mehr als nur Mittel der Expressivität. Sie vermittelt zwischen der Verständigungs- im Sinne einer weitgehend referentiellen Funktion und der phatischen Funktion, die nicht nur der Kontaktherstellung und dem Kontakterhalt in der Kommunikation dient, sondern auch gemeinschaftsbildend ist. Das ist sicher einer der Gründe, warum nichtwissenschaftliche, alltagskommunikative Argumente für oder gegen den Gebrauch einer Sprache oder einer Varietät überwiegend ästhetischer Natur sind, also eine poetische Funktionalität aufweisen: Sprachen oder Dialekte gelten nicht nur als richtig oder falsch, sondern auch als *schön* oder *nicht schön*.

Selbstverständlich kann die deutsch-russisch russische Varietät nicht als eine Standardsprache betrachtet werden. Sie erfüllt nicht alle Kriterien der Standardsprachlichkeit [s. Rehder 1995], kann aber im Sinne Duličenkos einige dieser Merkmale aufweisen, die dann ausreichen, um von einer Mikroliteratursprache zu sprechen, wenn eine Tendenz zur Literarisierung erkennbar ist [Дуличенко 1981, 2000, 2008]. Stellt man die poetische Funktion der sprachlichen Kommunikation in den Mittelpunkt, so kann man annehmen, dass das deutsch-russische Russisch auf dem Weg zu einer poetischen Mikrosprache ist.

Литература

Бодуэн де Куртене И. А. О смешанном характере всех языков (вступительная лекция, Санкт-Петербургский университет, 21-е сентября 1900 г.) // С. Г. Бархударов (отв. ред.). Избранные труды по общему языкознанию. М. : АН СССР, 1963 [1900/1901]. С. 362–372.

- Болль-Палиевская Д.* «Анgebотное печенье», или как мы обращаемся с родным языком. [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.russian-online.net/ru4ki/de_start/blog/texte.php?auswahl=kekse_im_angebot (дата обращения: 22. 01. 2013).
- Гловинская М. Я.* Общие процессы в языке метрополии и эмиграции // Земская, Е. А. (отв. ред.). Язык русского зрubeжья. Общие процессы и речевые портреты. Москва ; Вена : Языки Славянской Культуры/ Wiener Slawistischer Almanach, 2001. С. 341–483.
- Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Дуличенко А. Д.* Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века // Zybatoŵ, L. (Hrsg.), Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Bd. 2. Frankfurt/M. u. a.: Peter Lang, 2000. С. 843–852.
- Дуличенко А. Д.* Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии // Дуличенко, А. Д. (ред.). Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10.–16.09.2008). Тарту : Tartu University Press, 2008. С. 63–95.
- Жданова В.* Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней. // Красных, В. В. (ед.), Русские и «русскость». Лингво-культурологические этюды. М. : Гнозис, 2006. С. 5–178.
- Земская Е. А.* (отв. ред.). Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Москва ; Вена : Языки Славянской Культуры / Wiener Slawistischer Almanach, 2001.
- Менг К. / Протасова Е. Ю.* Языковая интеграция российских немцев в Германии // Известия РАН: серия литературы и языка. Т. 61, № 6, 2002. С. 29–40.
- Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка. М. : Флинта : Наука. 2006.
- Протасова Е. Ю.* Немецко-русское двуязычие. Особенности русского языка у живущих в Германии // Русистика сегодня. Вып. 1, 1996. С. 51–71.
- Протасова Е. Ю.* Финнороссы: жизнь и употребление языка. СПб. : Златоуст, 2004.
- Шиндлер Н. О.* русском языке трех волн эмиграции // Jelitte, H./Horkavtshuk, M. (Hrsg.), Deutsch-russischer Dialog in den Philologien. Frankfurt am Main u. a. : Peter Lang, 2001. С. 343–357.

- Щерба Л. В.* О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974 [1936]. С. 60–74.
- Anstatt T. /Dieser E.* Sprachmischung und Sprachtrennung bei zweisprachigen Kindern. Am Beispiel des russisch-deutschen Spracherwerbs. In: Anstatt, Tanja (Hrsg.): Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb, Formen, Förderung. Tübingen: Attempto Verlag, 2007. S. 139–162.
- Bakker P.* Mixed languages as autonomous systems. In: Yaron Matras/Peter Bakker (eds.), The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin/New York, 2003. S. 107–150.
- Beger M.* Deutsche Einflüsse im deutsch-russischen Russisch. Dresden. (неопубликованная работа на получение степени магистра). 2010.
- Berend N.* Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Rußlanddeutschen. Tübingen : Gunter Narr.1998.
- Blankenhorn R.* Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien: Entlehnung von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching. Frankfurt am Main u. a. 2003.
- Bolton K. / Kachru B. B.* (eds.) World Englishes: Critical concepts in linguistics. London : Routledge. 2006
- Brehmer B.* Sprechen Sie Qwelja? Formen und Folgen russisch-deutscher Zweisprachigkeit in Deutschland. In: Anstatt, Tanja (Hrsg.): Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb, Formen, Förderung. Tübingen : Attempto Verlag, 2007. S. 163–185.
- Brehmer B. / Tidanova V.* Zum Problem der Sprachkompetenz bilingualer Migranten mit Russisch als Erstsprache. In: Brehmer, Bernhard; Ždanova, Vladislava; Zimny, Rafał (Hrsg.): Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik POLYSLAV. München: Sagner, 2007. S.188–198.
- Dieser E.* Genuserwerb im Russischen und Deutschen. Korpusgestützte Studie zu ein- und zweisprachigen Kindern und Erwachsenen. München/Berlin : Otto Sagner, 2009.
- Erfurt J.* (Hrsg.) «Multisprech»: Hybridität, Variation, Identität. Osnabrück : Redaktion OBST. 2003.
- Erfurt J.* (Hrsg.) Transkulturalität und Hybridität: l'espace francophone als Grenzerfahrung des Sprechens und Schreibens. Frankfurt/M. u. a. : Peter Lang. 2005.
- Földes C.* Kontaktdeutsch: Zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit. Tübingen : Gunter Narr, 2005.
- Fredstet E.* «We make such a mishmash» Bilingual language usage in class room peer group talk. In: Pütz, Martin/JoAnne Neff van Aertselaer (eds.),

- Contrastive Pragmatics: Interlanguage and Cross-Cultural Perspectives. Berlin/New York : Mouton de Gruyter, 2008. S. 181–207.
- Fredsted E.* «Sprachen und Kulturen in Kontakt – deutsche und dänische Minderheiten in Sønderjylland/Schleswig». In: Stolz, Christel (Hrsg.), Neben Deutsch. Die autochthonen Minderheiten- und Regionalsprachen Deutschlands. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2009. S. 1–23.
- Goldbach A.* Deutsch-russischer Sprachkontakt: deutsche Transferenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin. Frankfurt am Main u. a. : Peter Lang, 2005.
- Golovko E. V.* Language contact and group identity: The role of „folk» linguistic engineering. In: Matras, Yaron/ Bakker, Peter (eds.), The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin/New York : Mouton de Gruyter, 2003. S. 177–208.
- Hinnenkamp V.* «Zwei zubir miydi?» – Mischsprachliche Varietäten von Migrantenjugendlichen im Hybriditätsdiskurs. In: Hinnenkamp, Volker/ Meng, Katharina (Hrsg.), Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. Tübingen : Gunter Narr, 2005. S. 51–103.
- Hinnenkamp V. / Meng K.* (Hrsg.) Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. Tübingen : Gunter Narr, 2005.
- Kachru B. B.* (ed.) The other tongue. English across cultures. Urbana et al. : University of Illinois Press. 1992.
- Karl K. B.* Bilinguale Lexik. Nicht materieller lexikalischer Transfer als Folge der aktuellen russisch-deutschen Zweisprachigkeit. München/Berlin/ Washington, D. C. : Otto Sagner, 2012.
- Kuße H.* Jan Baudouin de Courtenay und die korrelative Sprachbeschreibung // Абисогомян, Ирина В. (ред.). Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Tartu : Tartu University Press, 2012. S. 86–102.
- Kuße H.* Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2012.
- Levkovich N.* Po-russki in Deutschland. Russisch und Deutsch als Konkurrenten in der Kommunikation mehrsprachiger Gruppen von Personen mit postsowjetischem Hintergrund in Deutschland. 2012. Bochum : Universitätsverlag Brockmeyer.

- Matras Y. / Bakker P.* (eds.) *The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances.* Berlin/New York : Mouton de Gruyter. 2003.
- Meng K.* *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien.* Tübingen : Gunter Narr. 2001.
- Meng K. / Protasova, E.* *Aussiedlerisch: Deutsch-russische Sprachmischungen im Verständnis ihrer Sprecher.* In: Hinnenkamp, Volker; Meng, Katharina (Hgg.), *Sprachgrenzen überspringen: Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis.* Tübingen : Gunter Narr, 2005. 229–267.
- Müller B.* *Das Französische der Gegenwart. Varietäten – Strukturen – Tendenzen.* Heidelberg: Winter. 1975.
- Pabst B.* *Russisch-deutsche Zweisprachigkeit als Phänomen der multikulturellen Gesellschaft in Deutschland.* Frankfurt am Main u. a. : Peter Lang. 2007.
- Platt J. / Weber H. /Lian, Ho Mian* *The New Englishes.* London u. a. : Routledge/Kegan Paul. 1984.
- Polinsky M.* *The Russian Language in the USA.* In: Zybatow, Lew (Hrsg.), *Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch.* Bd. 2. Frankfurt/M. u. a. : Peter Lang, 2000. S. 787–803.
- Rehder P.* *Standardsprache: Versuche eines dreistufigen Modells.* In: *Die Welt der Slaven.* Nr. 40, 1995. S. 352–366.
- Rethage W.* *Strukturelle Besonderheiten des russischen in Deutschland. Kontaktlinguistische und soziolinguistische Aspekte.* München/Berlin/Washington, D. C. : Otto Sagner. 2012.
- Stern D.* *Tajmyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien.* München/ Berlin/Washington, D. C. : Otto Sagner. 2012.
- Thomason S. G.* *Language Contact. An Introduction.* Washington, D. C. : Georgetown University Press. 2001.
- Thomason S. G.* *Social factors and linguistic processes in the emergence of stable mixed languages.* In: Y. Matras/P. Bakker (eds.), *The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances.* Berlin/New York : Mouton de Gruyter, 2003, S. 21–40.
- Tétu M.* *Qu'est-ce que la Francophonie?* Vanves : Hachette-Edicef. 1997.
- Welsch W.* *Transkulturalität. Zur veränderten Verfaßtheit heutiger Kulturen.* In: *Zeitschrift für Kulturaustausch.* 45/1, 1995. S. 39–44.
- Wolton D.* *Demain la francophonie.* Paris : Flammarion. 2006.

4.3. Языковая ситуация в современном Казахстане

Р. О. Туксаитова

Казахстан является уникальным государством, на территории которого проживают представители более 130 этносов. В полиэтническом обществе языковая политика должна отвечать потребностям данного лингвокультурного сообщества. Приоритеты языковой политики современного Казахстана определяются стремлением учитывать полиэтнический состав населения страны, особенности текущей языковой, демографической и политической ситуации в целях сохранения стабильности межнациональных отношений. Возникает необходимость правовой базы и правовой защиты языков, функционирующих на территории государства. Государственная поддержка функционирования и развития языков осуществляется государственными институтами страны, соответствующими законодательными актами. Это направление языкового планирования было объявлено одним из стратегических направлений языковой политики.

В 1997 году в Казахстане был принят Закон о языках [Указ Президента Республики Казахстан: электрон. ресурс]. В статье 4 определен статус казахского языка: «Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык. Государственный язык — язык государственного управления, законодательства, судопроизводства и делопроизводства, действующий во всех сферах общественных отношений на всей территории государства». В статье 5 определен статус русского языка: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Таким образом, за русским языком законодательно закреплён статус официального.

Свободный выбор языка общения, обучения, воспитания закреплён в статье 6 Закона о языках: «Каждый гражданин Республики Казахстан имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков Казахстана».

Знание государственного казахского языка должно стать важнейшим фактором роста личной конкурентоспособности граждан, их карьерного роста и активного участия в общественно-политической жизни. Закреплённый в основных законодательных документах официальный статус русского языка отражает его высокую востребованность в Казахстане как носителя значительного объема научной и культурной информации. Русскому языку, представляющему собой наиболее распространенный язык в социокультурном пространстве поликультурного государства, отводится роль консолидирующего фактора, способного объединить все этносы. Историко-культурная ситуация контактирования казахского и русского языков естественным образом порождает явление казахско-русского билингвизма, который проявляется в различных сферах коммуникации.

Языковое существование современного Казахстана характеризуется естественным двуязычием (билингвизмом). Билингвизм является предметом пристального внимания многих исследователей. Последнее объясняется не только многоаспектностью проблемы билингвизма, но и его реальной судьбой, зависящей во многом от государственной языковой политики, которая, к сожалению, не всегда учитывает характер взаимодействия культур и языков народов, проживающих на одной территории.

В научной литературе рассматриваются общие вопросы билингвизма с позиций лингвистики, психологии, психолингвистики, социологии. Интерес представляет лингвистическая типология билингвизма, предложенная Е. М. Верещагиным, выделившим три типа билингвизма: субординативный, координативный, медиальный. «Субординативным» автор называет продуктивный билингвизм, при котором речевые произведения оказываются неправильными. Продуктивный билингвизм, обеспечивающий порождение правильной речи, автор называет «координативным». Третий тип продуктивного билингвизма («медиальный») связан

с этнографической и культуроведческой тематикой, включающей страноведческий аспект [Верещагин 1969: 49].

Если говорить о билингвистической ситуации в Казахстане, можно заметить, что для нее характерны два типа продуктивного билингвизма, выделенные Е. М. Верещагиным. «Субординативный» билингвизм можно охарактеризовать как стихийный, используемый обычно в различных сферах повседневного общения: на рынке, в магазине, общественном транспорте, в разных сферах обслуживания населения. При этом успех коммуникации зависит от степени владения языками – казахским и русским. Если общение ведется на русском языке, казахи, в недостаточной степени им владеющие, включают в речь элементы неродного языка, стремясь к положительному коммуникативному результату.

Второй тип билингвизма, порождающий правильную речь, характерен для билингвов, в совершенстве владеющих двумя языками. В этой связи можно говорить об авторитетных носителях языков (как русского, так и казахского), речь которых является образцом лингвистической грамотности. Среди политиков авторитетным носителем кодифицированных норм является Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев, владеющий литературным казахским и литературным русским языками в равной степени. В сфере науки таким примером долгие годы служил известный филолог М. М. Копыленко, блестяще владевший и русским, и казахским языками. Непревзойденным примером для подражания являются письменные и устные тексты культуролога, ученого М. М. Ауэзова.

Можно говорить о разной коммуникативной компетенции билингва. Г. С. Суюнова рассматривает факторы, обуславливающие выбор казахского или русского языка в различных условиях коммуникации и сознательное переключение билингвов с одного языка на другой. По степени владения языками казахи-билингвы могут быть разделены на группы. Первая группа включает казахов, одинаково хорошо владеющих обоими языками. Это переводчики, научные работники, языковеды, писатели. Традиционно при рассмотрении феномена билингвизма и вопроса об уровнях

владения казахским языком считалось само собой разумеющимся, что билингвы лучше владеют родным казахским языком (вторая группа). В то же время языковая действительность в республике показывает, что для казахского этноса можно считать фактом существование третьей группы – казахов, владеющих лучше русским языком. К этой группе относится значительная часть городской молодежи [Суюнова 1995: 9].

Автор данного исследования работает в университете со студентами, для которых характерны различные уровни владения языками. Преподаватель-русист регулярно наблюдает проявления «субординативного» типа билингвизма. Так, студенты, окончившие казахскую школу, обладают хорошим знанием родного языка. Русский язык они используют в сфере обыденного общения. За период обучения в университете студенты на уроках русского языка приобретают навыки чтения, говорения, письма. Особо следует сказать о студентах, приехавших из Монголии, Китая. Для них, этнических казахов, казахский язык является родным; русский язык – иностранным, и проблемы, связанные с изучением языка, лежат в иной плоскости. Методика преподавания русского языка для данной категории студентов характеризуется следующими особенностями: 1) все известные учебники русского языка для иностранных учащихся не учитывают специфики данной аудитории; 2) необходим особый этап обучения русскому языку на основе казахского языка, которым студенты владеют практически; 3) методика преподавания русского языка имеет особую лингвокультурологическую составляющую: необходимо в процессе изучения русского языка осмысливать специфические лингвострановедческие реалии.

Преподаватели, работающие со студентами, стремятся уравнивать степени владения обоими языками, сформировать навыки хорошей литературной русской речи. В данной ситуации речь преподавателя – носителя кодифицированного русского языка – является образцом для подражания.

Важным показателем жизнеспособности языка является фактор его использования в различных сферах коммуникации.

Свободный выбор языка обучения, официально закрепленный в законодательных документах, позволяет родителям самостоятельно сделать выбор и определить дальнейшую судьбу детей.

Языковое строительство, проводимое в Казахстане с момента принятия Государственной программы развития и функционирования языков и создания Ассамблеи народов Казахстана как консолидирующего института гражданского общества, предопределило некоторые изменения в сфере функционирования языков и дало новые показатели, связанные с функционированием казахского государственного языка и языков этнических групп. За последние годы государственными структурами, вузами и языковыми центрами проделана огромная работа по развитию не только казахского, но и русского языка, а также языков диаспор. Наблюдаются два противоречивых процесса, характеризующих поликультурное общество: с одной стороны, межъязыковая коммуникация как феномен консолидации, единения народа в полиэтническом образовательном и культурном пространстве; с другой стороны, казахи, проживающие в аулах и не владеющие русским языком, испытывают коммуникативные затруднения, возникающие в социально-бытовой сфере.

Если говорить о двуязычии в сфере дошкольного образования, следует обратить внимание на то, что родители стремятся определить детей в детский сад с казахским языком обучения, что продиктовано их желанием приобщить ребенка к родному языку. Интересно отметить современную тенденцию: родители, для которых казахский язык не является родным, отдают детей в детский сад с казахским языком обучения, понимая необходимость приобщения ребенка ко второму языку. В последние годы наблюдается значительное увеличение дошкольников, изучающих казахский язык.

Билингвизм в школьном образовании находится под влиянием, социального и регионального факторов. В регионах компактного проживания коренного населения (в Южном и Западном Казахстане) процент школьников, обучающихся на казахском языке, составляет 90–95 %. Иная ситуация в Северном и Центральном

Казахстане, где процент обучающихся на русском языке составляет 65–70 %. В вузах центрального, восточного и северных регионов Казахстана отмечается та же закономерность, что и в школах: высокий процент молодежи в качестве языка обучения выбирает русский. Последнее объясняется национальным составом этих районов [Алтынбекова 2010].

В школах с русским языком обучения программой предусмотрены уроки казахского языка во всех классах. Выпускники средней общеобразовательной школы сдают экзамен по государственному языку, предполагающему выявление определенных умений чтения, говорения, письма на казахском языке. Отметим, что учебники для общеобразовательной школы с русским языком обучения составляет коллектив авторов, учитывающих национальную специфику быта, культуры, обычаев народов, проживающих на территории государства. Например, учебник по литературе для 4-го класса составлен В. К. Павленко, Т. К. Абеновой, Г. А. Фрумкиной, Г. З. Шашкиной; учебник по русскому языку для 4-го класса составили Р. Т. Мендекинова, С. А. Никитина, К. У. Кунакова, Т. А. Кугульдинова.

В школах с казахским языком обучения также предусмотрены программой уроки русского языка, направленные на формирование комплекса знаний и умений по чтению, говорению и письму. Однако объем знаний, которые получают школьники и студенты в системе среднего и высшего образования, оказывается недостаточным, чтобы говорить о высоком уровне языковой компетенции.

Двуязычие в сфере СМИ позволяет заметить, что здесь обеспечен свободный доступ к получению информации на обоих языках. Для телезрителя, желающего быть в курсе российских событий, действуют российские каналы, передающие новости, различные информационно-аналитические, познавательные, развлекательные передачи из России. Есть каналы, рассчитанные на казахского зрителя-монолингва, транслирующие передачи на казахском языке. Нужно отметить, что в телекоммуникационном пространстве стараются придерживаться узаконенной формы «50/50», позволяющей вести вещание на двух языках в равной степени,

не ущемляя чьих-либо интересов. Выбор канала, программы, передачи обусловлен как языковыми компетенциями зрителя, так и его эстетическими, интеллектуальными, культурными предпочтениями. Радиопередачи также рассчитаны как на казахскую, так и на русскоязычную аудиторию. В данной ситуации теле- и радиоведущие воспринимаются зрителями и слушателями как авторитетные носители литературного языка.

Следует особо охарактеризовать функционирование билингвизма в области литературы. Лингвокультурная ситуация в Казахстане, существовавшая с давних пор, породила такое уникальное явление в литературе, как художественный билингвизм, характерный для бывших национальных республик Советского Союза. Литературное творчество, основанное на плодотворном взаимодействии двух культур и языков, подтверждено произведениями писателей-билингвов, в числе которых Ч. Айтматов, О. Сулейменов, Ю. Рытхэу, обогатившие как свою национальную литературу и культуру, так и литературу и культуру русскую. Напомним, что Ю. Н. Караулов и В. П. Нерозник выделяют в качестве самостоятельной проблему соотношения билингвизма и бикультуризма и предлагают «дихотомическое разделение билингвизма по критерию полноты / неполноты». Выделяются «интенсивный (непрерывный) и экстенсивный (дискретный)» типы билингвизма. Первый предполагает постоянное использование обоих языков с полной коммуникативной нагрузкой. Второй связан с факультативным билингвистическим тезаурусом. Именно билингвизм интенсивный порождает билингвизм литературный. Особенностью литературного билингвизма является ярко выраженная связь с бикультуризмом [см.: Караулов 1988: 250].

Казахские писатели-билингвы А. Алимжанов, О. Сулейменов, С. Санбаев, Б. Момыш-улы, Б. Кенжеев и другие пишут на русском языке о культуре, быте, традициях, истории казахского народа. В их творчестве представлен жизненный материал, отражающий особенности двух культур – казахской и русской. Благодаря русскому языку как форме литературного творчества произведения писателей-билингвов были известны широкому кругу

читателей. В последние десятилетия постсоветское пространство охватил общий духовный кризис, связанный с различными политическими, экономическими, социальными причинами. Писатель-билингв фактически потерял российского читателя, для которого была интересна культура другого народа. Художественный билингвизм, служивший мостом, соединяющим разные культуры и языки, оказался невостребованным в пределах пространства бывшего СССР. Нет сомнения в том, что наряду с эстетическим, нравственным, культурным значением художественный билингвизм имеет колоссальное воспитательное значение, которое выражается в формировании толерантного отношения к «другому», установлении диалога культур, «овладении новой культурой как собственной, второй на уровне первой» [Прохоров 1999: 22].

Наблюдения показывают, что практически во всех сферах деятельности в Казахстане для качественного овладения профессией и обретения статуса успешного конкурентоспособного гражданина важно знание казахского и русского языков. При этом русскому языку отводится роль официального в сфере делового общения. Знание русского языка способствует устранению коммуникативных затруднений в межнациональном общении.

Экономические стратегии государства, вызванные глобализацией и интеграцией в мировое сообщество, определили ряд задач, связанных с необходимостью реализации культурного проекта «Триединство языков», в котором сделан акцент на знание казахского, русского и английского языков. В связи с этим в Казахстане с недавних пор реализуется образовательная программа полиязычного высшего образования, дающая возможность студентам в достаточном объеме реализовать академическую мобильность, включиться в мировое образовательное пространство. Реализация принципа академической мобильности позволяет расширить образовательные возможности: студент получает дополнительное образование, овладевает практическими навыками в избранной специальности, осуществляет планы, связанные с продолжением обучения. И в этой ситуации особую актуальность имеет изучение русского и иностранных языков. В Казахском аграрно-техническом

университете разрабатываются различные образовательные программы, направленные на реализацию принципа академической мобильности: международные связи с вузами России, Республики Беларусь, прохождение практики в вузах Германии, США, Канады, участие в программах «Эразмус-Мунсус» и др. Студенты получают уникальную возможность расширить познавательные границы, приобщиться к культуре, традициям и национальным особенностям других народов, углубить свои познания в общечеловеческом и интеллектуальном плане. Все это возможно при условии определения приоритетов, заинтересованного изучения русского и английского языков. При успешной реализации данного проекта можно говорить о формировании полиязычной и поликультурной личности, нацеленной на успешное овладение языками и специальными навыками, необходимыми в профессиональной деятельности.

Таким образом, в условиях разноязычия значительно расширяются языковые горизонты личности: знание казахского, русского и иностранных языков делает молодого человека конкурентоспособным, обеспечивает высокие профессиональные качества, востребованные на современном рынке труда.

Думается, что разумная языковая политика, направленная на защиту интересов носителей языка, проживающих в полиэтническом государстве, может снять острые углы лингвистических противоречий. Время показало, что в Казахстане найден целесообразный лингвистический баланс, созданы условия для развития казахско-русского и русско-казахского билингвизма. Взвешенная национальная языковая политика позволила погасить межэтнические конфликты, сохранить стабильность в обществе, установить толерантный межкультурный диалог.

Литература

Алтынбекова О. Б. Единое национальное тестирование в Казахстане: языковые новации // Русский язык как язык межкультурного делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии. Материалы 2 международного конгресса. Астана : Изд-во ИД «Сарыарка», 2009. – С. 123–128.

- Верецагин Е. М.* Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Караулов Ю. Н., Нерознак В. П.* Атлас двуязычия как инструмент социолингвистического анализа // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 3. – С. 249–254.
- Прохоров Ю. Е.* Национально-культурные стереотипы речевого общения в диалоге культур // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 52–61.
- Суюнова Г. С.* Речевое поведение казахов-билингвов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1995.
- Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 г. № 110 «О государственной программе развития и функционирования языков в РК на 2011–2020 годы // Электрон. ресурс: Prokuror.gov.kz (дата обращения: 01.09.2013).

4.4. Билингвизм и многообразие в Республике Беларусь

Б. Ю. Норман

Социолингвистическая ситуация в сегодняшней Республике Беларусь определяется динамическим взаимодействием тех двух языков, которые, согласно Конституции и «Закону о языках», являются в стране государственными: это белорусский и русский языки. Реальное положение каждого из них зависит не только от таких факторов, как психологический престиж, статус на мировой арене, функционально-стилевой диапазон, богатство и разработанность лексики (в том числе терминологии) и т. п., но и от того места, которое занимает в жизни республики второй язык. Иными словами, перед нами – взаимозависимость: употребительность и коммуникативный ранг русского языка в стране зависит от актуальной языковой ситуации, контактов с белорусским языком, и наоборот.

В значительной степени такая взаимозависимость отражает исторически сложившуюся реальность. Имеется в виду долгий

и сложный путь белорусов в борьбе за национальную самостоятельность и государственность, длительное воздействие интеграционных процессов в СССР, переплавлявших своеобразие отдельных этносов в единую общность под названием «советский народ», изначальную этническую и культурную близость белорусов и русских, миграцию сельского населения в города и т. д. Но признание обоих языков, белорусского и русского, государственными – это еще и политический компромисс. Дело в том, что нынешний президент А. Г. Лукашенко пришел к власти в 1994 году на смену правительству, деятельность которого была ориентирована на национальное возрождение и предусматривала естественные преференции для белорусского языка. Вскоре после этого был проведен референдум, в результате которого белорусский и русский языки в Беларуси были юридически уравнены в своих правах.

Однако при том, что сегодня белорусский и русский языки в республике формально равноправны, реально они находятся в неодинаковом положении. Такую неравновесность в социолингвистике называют асимметричным билингвизмом или несбалансированным двуязычием. Непростая социолингвистическая ситуация в республике за последние десятилетия уже не раз становилась объектом внимания языковедов, ср.: [Коряков 2002; Мечковская 1994; Мячкоўская 2004 а; б; Норман 2008; Норман 2010 и др.].

Как отмечают белорусские исследователи, «в настоящее время русский язык реально доминирует в таких сферах общения, как государственное управление, делопроизводство, наука, высшая и средняя школа, СМИ и т. д. <...> Декларативно родной язык (белорусский) приобретает в основном функцию символа национальной идентификации и самоидентификации, а реальным средством общения в повседневной и профессиональной деятельности становится другой (русский) язык» [Лукашанец 2007: 8].

Попробуем конкретизировать этот тезис. По данным последних переписей населения (1979, 1989, 1999, 2009 гг.), примерно 80 % населения Беларуси (сегодня это около 9 млн человек) считают себя белорусами. И большинство из них стабильно указывают в анкетах: «родной язык – белорусский». Однако на практике

использование белорусского языка в республике характеризуется иным образом, особенно если учитывать деление населения на городское и сельское.

Так, по данным переписи 2009 года, среди белорусов-горожан на языке своей национальности дома разговаривают неполные 13 %, на русском языке – в шесть с лишним раз больше, более 80 % [Перепись населения 2009: 363]. Применительно же к белорусам, проживающим в сельской местности, картина другая: здесь на языке своей национальности разговаривают более 60 %, на русском языке – примерно 33 % [Там же: 370]. Таким образом, водораздел употребительности белорусского и русского языков среди жителей республики проходит не столько по признаку национальной идентификации, сколько по признаку «город / деревня». Это важнейший реальный фактор, обуславливающий сегодняшнюю социолингвистическую ситуацию в республике. Добавим, что использование в стране украинского, польского и других языков занимает совершенно незначительное место, и все «этические коллизии» (Н. Б. Мечковская) сводятся здесь к русско-белорусскому двуязычию.

Очевидно то различное место, которое занимают данные два языка в культурной и общественной жизни страны.

В сфере образования доминирует русский язык. Согласно опубликованным статистическим данным, в 2012–2013 учебном году в учреждениях среднего образования все предметы на белорусском языке проходят 151 тыс. человек, т. е. 16,4 % от всех учащихся. Однако в течение последнего десятилетия доля школ с преподаванием на белорусском языке неуклонно сокращается. Уменьшение числа белорусских школ и классов имеет и практические основания: так как в стране нет ни одного среднего специального или высшего учебного заведения с преподаванием по-белорусски, то готовить детей к поступлению в русскоязычные вузы лучше в русскоязычной же школе.

Среди студентов высших учебных заведений по всей республике на белорусском языке обучаются только 700 человек, т. е. 0,2 % от их общей численности. Одновременно на двух государст-

венных языках обучаются свыше 160 тыс. человек, что составляет 37,4 % [Корф 2013, электронный ресурс].

За тот же 2012 год в республике было издано 11 084 единицы печатных наименований, с общим тиражом 34,3 млн экз., в том числе на белорусском языке – всего 2,9 млн экз. Аналогичная диспропорция наблюдается в издании русско- и белорусскоязычных газет и журналов. Так, число газет в республике – 693 единицы, в том числе на белорусском языке – 183; общий годовой тираж – 464,9 млн экз., на белорусском языке – 134,4 млн экз. [Статистический ежегодник Республики Беларусь 2012: 271].

Телевещание в республике в подавляющей своей массе – русскоязычное. Из двух с лишним десятков телеканалов, принимаемых в Минске, только один – «Беларусь 3» – белорусскоязычный.

Приведенные цифры отражают реальную картину функционирования двух языков в республике. Это значит, что, в сравнении с белорусским, русский язык обладает в Беларуси значительными привилегиями. Но разве не должна эта «фора» компенсироваться ощущением национальной идентичности, гордостью за историческое прошлое и надеждой на развитие самобытных культурных традиций?

Вот ответ лингвиста: «Парадокс существования белорусского языка в начале XXI века заключается в том, что при практически полном удовлетворении условий собственно лингвистического плана существуют серьезные проблемы точного выполнения языкового законодательства в сфере обеспечения языковых прав граждан и практически отсутствует общественная воля к преодолению преград психолингвистического характера» [Лукашанец 2012: 54]. Проще говоря, белорусы не стремятся говорить по-белорусски!

Из этого можно заключить, что носитель языка весьма прагматичен в своем выборе. Идеологические послы, патриотические воззвания имеют для него меньшую силу, чем материальные бонусы. А среднестатистический житель Беларуси хорошо понимает, что использование русского языка для него в целом выгодно. Это касается приобщения к мировой культуре, перспектив карьерного роста, выезда за границу (с самой разной целью)

и т. п. Процессы глобализации отражаются и на жизни языков, на их взаимоотношениях.

Вспоминается один из недавних Международных съездов славистов. На таких форумах большим спросом пользуются отдельные оттиски докладов – на русском ли языке, на английском или немецком... Но после одного белорусскоязычного доклада на столах остались белеть распечатки – даже филологи-слависты сочли белорусский язык излишним препятствием к постижению научной мысли...

Разумеется, регулирование языковых процессов в многоязычном обществе требует, с одной стороны, определенных капиталовложений, а с другой – чрезвычайного терпения и такта. Однако нельзя сказать, что при сегодняшнем – довольно вялом – участии государственных структур в социолингвистических процессах ситуация остается неизменной.

Главное, с нашей точки зрения, новшество, наблюдаемое в последнее десятилетие – это постепенное повышение статуса белорусского языка в реальном употреблении, хотя бы пассивном. Имеется в виду, во-первых, активизация письменных и устных белорусских текстов в городских условиях (это объявления в транспорте, вывески, таблички с названиями улиц, бланки документов, печатная реклама, теле- и радиопередачи и т. п.). Во всяком случае, они уже не вызывают такого психологического отторжения и насмешек, как 25–30 лет назад. Возможно, свою роль в этом играет и расстановка политических сил в стране: оппозиция, при всей ее слабости, имеет преимущественно белорусскоязычную «окраску» или, во всяком случае, ориентирована на национальные ценности. Молодое поколение жителей республики, выросшее в условиях суверенитета, впитало в себя весь многообразный фон (культурный, политический и т. п.) взаимоотношений двух языков.

Естественно, при сосуществовании и взаимодействии на одной территории двух близкородственных языков между ними происходит активный обмен лексикой. И вот вторая важнейшая особенность, бросающаяся в глаза, – это систематическое проникновение белорусских слов в русскоязычные тексты. Есть по меньшей мере

несколько десятков белорусских лексем, которые довольно регулярно встречаются в русской речи жителей Беларуси. Это *бульба* ‘картошка’, *бурак* ‘свекла’, *цыбуля* ‘лук’, *дзеўка* ‘девушка’, *жонка* ‘жена’, *хлопчык* ‘мальчик, парень’, *грошы* ‘деньги’, *мова* ‘язык’, *шувфляда* ‘выдвижной ящик стола или шкафа’, *шыльда* ‘табличка, вывеска’, *хустка* ‘головной платок’, *бусел* ‘аист’, *крыніца* ‘родник, источник’, *вёска* ‘деревня’, *рабіць* ‘делать’, *працаваць* ‘работать’, *чакаць* ‘ждать’, *здэкавацца* ‘издеваться’, *сціплы* ‘скромный’, *гаротны* ‘несчастный, горемычный’, *памяркоўны* ‘умеренный, уступчивый’, *трэба* ‘нужно’, *абы як* ‘кое-как’, *занадта* ‘слишком’, *навошта* ‘зачем’, *дзякуй* ‘спасибо’, *няма* ‘нет’ и др. (приводим их здесь в белорусском написании). Некоторые из них имеют, очевидно, концептуальный характер, другие используются для создания локального колорита, основанием для третьих, возможно, служит безэквивалентный характер белорусского слова. Стоит упомянуть здесь вышедший два десятилетия назад словарь И. Шкрабы, содержащий около 900 белорусских лексем, не имеющих однословных соответствий в русском языке, типа *бляшанка*, *дзяды*, *капа*, *копанка*, *пастарунак* и т. п. [Шкраба 1994].

Все эти слова попадают в качестве вкраплений и в письменные тексты на русском языке. Приведем несколько цитат из газетной публицистики:

У пуцанских женихов характер хороший, «памяркоўны», трудолюбивый, мужественный. Я думаю, если вы приедете, все будет в порядке (Комсомольская правда в Белоруссии, 31.12.2009).

*Пока кремлевская камарилья чуть ли не в открытую **здэкваецца** над белорусским чудом, отказывая не только в дружественной цене на углероды, но и в куске хлеба с дальней дороги, большинство простых россиян [...] давно готовы кинуться в ноги белорусскому батьке с криком: «Заступись, отец, не дай сгинуть!»* (БелГазета, 21.06.2010).

В общем, москалик не осознал ответственности положения, быковать не перестал, посему был «показательно» выпорот ГАИ – его шейку немножко поцарапали, сломали наманикюренный

ногтик и посадили в «пастарунак», где воняло... (БелГазета, 28.04.2010).

В агрогородках творчества писатель будет работать, получать стипендию, любоваться белорусскими **краявидами** – следовательно, и тематика романов будет белорусская... (БелГазета, 16.08.2010).

В нашей **вёске** у одного человека заболела свинья, но признаков чумы у нее не было, – рассказывает Термышева. – Температуры, посинений, пятен никаких не было. Мы признаки знаем. И только на этом основании уничтожили свиней во всей **вёске** (Аргументы и факты в Белоруссии, 2013, № 29).

Некоторые белорусизмы в приведенных контекстах – такие, как *памяркоўны* ‘умеренный’ или *вёска* ‘деревня’ – мотивированы цитатно-отсылочной функцией. В других случаях на первый план выступает откровенно ироническое отношение журналиста к описываемым событиям: *здэкавацца* ‘издеваться’, *пастарунак* ‘участок, отделение милиции’, *краявиды* ‘пейзажи’. Но в любом случае эти вкрапления наделены дополнительной контактоустанавливающей функцией – они предназначены для «своего», белорусского, читателя. Нельзя не заметить, что лексическое вкрапление при этом нередко берется в кавычки, чтобы выделить элемент другого языкового кода.

Следует особо сказать также о специфической системе имен собственных, используемых на территории Беларуси. Возьмем известные в республике топонимы: *Новинки*, *Дрозды*, *Боровляны*, *Комаровка*, *Солигорск*, *Нарочь*, *Полесье*... Дело ведь не в том, что эти слова называют географические объекты именно на территории Беларуси (подобные названия вполне могли бы встретиться и в России), а в том, что с каждым из них связывается своя сеть ассоциаций, которых нет у соответствующих слов в русском языке. В частности, *Новинки* – район Минска, в котором находится психиатрическая лечебница; в быту это название стало синонимом сумасшедшего дома. *Дрозды* – местность в черте Минска, в которой расположена резиденция главы государства, со всеми вытекающими

отсюда ассоциациями, и т. д. Иными словами, у данных топонимов – существенный национально-культурный фон.

Не менее показательны в этом смысле антропонимы. Личные имена типа *Алесь* или *Михась*, *Язэп* или *Змицер* встречаются и в русскоязычных текстах – но только на территории Беларуси. Белорусского писателя Змитрока Бядулю никто не называет Дмитрием, а Янку Брыля – Иваном! Своеобразна, как известно, также номенклатура фамилий в белорусском ареале. Добавим, что белорусский вариант русского языка имеет и свою систему прецедентных названий (ключевых имен культуры): за пределами этой страны ни, допустим, *Лев Сапега* или *Ефросинья Полоцкая*, ни *Петр Машеров* или *Марат Казей* таковыми не являются. А жителю Беларуси они хорошо знакомы.

С другой стороны, слова вроде *копейка*, *полицейский*, *префектура*, *омбудсмен*, *Дума* и т. п. представляют здесь собой историзмы или экзотизмы: соответствующие реалии в сегодняшней Беларуси отсутствуют.

Всё сказанное, а также ряд других особенностей фонетического, словообразовательного и стилистического толка (см., в частности: [Мечковская 2004: 37–38]) позволяют говорить о формировании на территории республики регионального варианта русского языка. Таким образом, несмотря на то, что язык титульной нации характеризуется в современной Беларуси относительно ограниченным коммуникативным диапазоном и, как следствие, пользуется более низким реальным статусом, влияние его на русскую речь жителей страны несомненно. Конечно, это влияние не столь заметно в области морфологии и синтаксиса (это, как известно, уровни языка, более «устойчивые» к внешнему воздействию), однако в целом терминологическое сочетание «белорусский вариант русского языка» приобретает все большие основания. В качестве региолекта данный феномен подобен уральскому, поволжскому и другим местным вариантам русского языка: везде имеются свои особенности в фонетике, лексическом и грамматическом строе. Но в силу того, что этот вариант существует на территории отдельного государства, опирается на особую этническую базу

и обладает статусом государственного, появляются основания считать его **нациолектом**.

Ученые уже давно обратили внимание на асимметричный характер русско-белорусского и белорусско-русского взаимовлияния в лексике. Русские слова входят в белорусскую речь стихийно, массово и неосознаваемо. Белорусские же лексемы в русскоязычных текстах имеют характер маркированных точечных вкраплений. Считается, что это – сознательное (намеренное) экспрессивное средство, причем средство не менее сильное, чем, скажем, словообразовательные окказионализмы или сниженная / возвышенная лексика. Очень часто за употреблением белорусских слов стоит снижение, ирония, эмпатия или какие-то иные прагматические посылы. «Большинство белорусскоязычных вкраплений – это прямые апелляции к затекстовой информации» [Волинец, Ратникова 1997: 222]. Наряду со своеобразной системой топонимов и антропонимов, белорусские вкрапления говорят в пользу особого «белорусского варианта» русского языка.

Однако вкрапления как средства языкового креатива предполагают наличие у носителя языка ощущения некоторой внутренней свободы, возможности выбора. И речь идет не только об уровне компетенции языковой личности, но и о соответствующих этому выбору общественных условиях. Поэтому заметны различия в отношении к лексическим белорусизмам в средствах массовой информации. В официозной прессе – скажем, в газете «Беларусь сегодня» (бывшая «Советская Беларусь») – белорусскоязычных вкраплений почти нет. А, допустим, либеральная и менее зависимая от власти «БелГазета» использует их весьма охотно. Рассмотрим подробнее механизм и детали освоения этих вкраплений на примере одного номера «БелГазеты». Это русскоязычный еженедельник, 24-полосный таблоид либеральной направленности. Выходит с 1995 г. (до сентября 2005 выходил под названием «Белорусская газета»).

Для номера от 18 февраля 2013 г., № 7 (883), ключевым сюжетом, проходящим лейтмотивом через многие материалы, оказалось довольно частное, можно сказать, малозначимое, событие

общественной жизни республики. Главный редактор портала Onliner.by Денис Блищ отказал в приеме на работу блогеру Дмитрию Галко («Будимиру») из-за его «околополитической» деятельности. Он так мотивировал свою позицию (цитируем): «Змагарам не место у власти». *Змагар* – белорусское слово, в прямом значении – ‘борец’, а ныне актуализировавшееся в значении ‘оппозиционер, стихийно и огульно не принимающий все, что связано с властью’. И далее в ряде опубликованных материалов активно используется и толкуется эта лексема, употребляется и множество слов, производных от нее. Если суммировать все употребления существительного *змагар* в данном номере газеты (во всех падежах и обоих числах), то мы получим число 68. Кроме того, встречаются слова *змагарски*, *змагаризм*, *змагарства*, *незмагар*, *антизмагар*, *антизмагарства*, *антизмагарский* (в сумме еще 16 словоупотреблений). В каком-то смысле такая активность вкрапления может показаться чрезмерной и даже вызывать раздражение у читателя.

Кроме *змагар* и его производных, в данном номере газеты встречаются еще такие белорусизмы, как *мова*, *ссыкло* (с вариантом *сцыкло*), *свядомы* (с вариантом *свьядомы*), *лукашист*, *наш бэйбик*, *з паперкай*, *ввалить*, *новы фармат* «Дня волі», *пазьняковско-КХПшный толк*, *крывавая гэбня*, *крывавы рэжым*, *тутэйшыя*, *спрэчка*, *батька*, *батькины дзеткі*, *Радзё Свабода*, «*Салідарнасць*», *неўзаемна*, «*Мова ці кава*», «*Добра*», *Зянон Пазьняк*, «*Мае сэнс*», *мужна трымаўся*. Это дает еще 31 словоупотребление. Параллельно отметим, что орфография этих вкраплений непоследовательная: некоторые слова приводятся в оригинальном белорусском варианте, другие – в «русифицированном». Бывает даже, что одна и та же лексема на протяжении газетного текста встречается в том и в другом вариантах. Наконец, в том же номере еженедельника приводятся еще три сравнительно больших целостных фрагмента белорусской речи (каждый величиной более чем в одно предложение), представляющих собой цитаты (прямую речь).

В большинстве случаев употребление белорусизмов в русском тексте газеты обусловлено стремлением напомнить, конкретизировать или охарактеризовать известные читателю реалии,

подчеркнуть местный колорит. Нередко также в этих номинациях можно почувствовать иронию или некоторое дистанцирование по отношению к официальной точке зрения.

Однако такое отношение к белорусизмам характеризует далеко не все рубрики анализируемого издания, а только общественно-политические. Есть целые страницы номера, на которых не зафиксировано ни одного вкрапления. Скажем, практически нет белорусизмов на «экономических» страницах (сс. 11–14). Не встретилось ни одного белорусского вкрапления и в разделе «Modus vivendi» (материалы на темы здоровья и медицины), охватывающем сс. 15–18. Это говорит о том, что языковая политика издания определенным образом регламентируется редакцией, да, по-видимому, и сами авторы изначально выбирают себе тот или иной стиль общения с читателем.

Вместе с тем некоторые употребления белорусизмов в рассмотренных текстах «БелГазеты» представляются немотивированными. Так, один из материалов посвящен судебному процессу над минским модельером Сашей Варламовым (обвиняемым в финансовых злоупотреблениях). Подсудимый – русскоязычный, и материалы следствия представлены на русском языке, и процесс ведется по-русски (к национальному возрождению все это отношения не имеет). Как вдруг об одном из свидетелей в русскоязычном репортаже говорится: «Однако Николай *мужна трымаўся* (т. е. ‘мужественно держался’) и упорно повторял, что на самом деле обманутым себя не считает...». По-видимому, *мужна трымацца* уже вошло в лексикон белорусского варианта русского языка и стало своего рода штампом, региональным фразеологизмом. Возможно, журналист даже не собирался этим вкраплением придавать тексту какую-либо политическую коннотацию.

Аналогичный пример встречаем в материале про историю политической оппозиции. Прочитируем: «Когда началась *спрэчка* Блиц vs Будимир, один из юзеров поделился в ЖЖ своими опасениями насчет «змагаров»: Если они и правда придут к власти, то нам мало не покажется». *Спрэчка* по-белорусски – ‘спор, разборка, выяснение отношений’. Но выяснение отношений между

работодателем и претендентом на рабочее место происходило порусски, и никаких особых причин для употребления белорусизма в тексте газеты, кажется, не было.

Подобные факты не позволяют согласиться с мнением Т. Н. Волынец, многие годы занимающейся проблемой белорусско-русского двуязычия. Она пишет: «Что касается письменной речи, то переключение с одного языкового кода на другой, встречающееся в языке художественной литературы, в публицистике, в интернет-коммуникации, – это всегда процесс сознательный и прагматически ориентированный. <...> Осознанное использование белорусских элементов при порождении текста на русском языке – это скорее семантико-стилистический прием, позволяющий использовать ресурсы обоих языков и актуализировать в сознании адресата речи социально значимые и актуальные для него явления и понятия» [Волынец 2009: 18–19]. Сказано хорошо, да только проблема в том, что разграничить осознанное и неосознанное (в том числе в письменном тексте) употребление белорусизмов далеко не всегда возможно. Приходится констатировать, что некоторые белорусские лексемы стихийным, неконтролируемым образом входят в сознание русскоязычного говорящего, закрепляются там и нередко в конкурентной борьбе с исконным русским названием одерживают победу. Процесс белорусско-русской лексической интерференции, с одной стороны, служит обогащению словарного состава носителя языка, а с другой – нередко приводит к созданию пар дублетов, в которых белорусский вариант выделяется исключительно своей привычной «региональностью». Узус перекраивает систему!

Совокупность подобных отличий позволяет утверждать, что в этом регионе складывается своя сеть лексических ассоциаций, по сути – **своя организация лексической системы** (в сравнении с русским языком метрополии).

Имеется в виду то, что для белорусского варианта русского языка весьма характерны не только буквальные лексические вкрапления, но и **семантические белорусизмы** – случаи, когда русское слово произвольно меняет свое значение под влиянием

белорусского омонима или паронима. Это касается слов типа *интернат* (в белорусском *інтэрнат* – вообще ‘общежитие’), *наставник* (в белорусском *настаўнік* – ‘учитель’), *межа* (в белорусском *мяжа* – ‘граница’), *гулять* (в белорусском *гуляць* имеет еще значение ‘играть’), *поводырь* (в белорусском *правадыр* – ‘вождь’), *боты* (в белорусском *боты* – ‘сапоги’), *смак* (в белорусском *смак* – ‘вкус’), *девка* (в белорусском *дзеўка* – ‘девушка’) и др., см. также: [Русский язык в Белоруссии 1985: 66–67].

Практика показывает, что в русской речи жителей республики меняется и система отношений между некоторыми «собственно русскими» элементами (по таким линиям, как «нейтральность – коннотированность», «центральность – периферийность», «узость – широта лексического значения» и т. д.). Примерами могут послужить корреляции между такими лексемами, как *мыть* и *стирать*, *граница* и *межа*, *государство* и *держава*, *флаг* и *стяг*, *болеть* и *хворать*, *плохой* и *дрянной*, *загодя* и *заранее* и т. д., – в «собственно русском» и в «белорусском» вариантах русского языка эти отношения неодинаковы, см.: [Норман 2010: 181–183]. Подобные различия носят неявный, скрытый характер, однако в конечном счете находят свое выражение в речи. Говоря по-другому, в условиях Беларуси процессы порождения и восприятия русскоязычного текста протекают на особом психологическом фоне: в сознании индивида в той или иной мере взаимодействуют, независимо от его желания, две – при этом очень близкие – языковые системы.

Таким образом, билингвизм в Беларуси – это узаконенное использование обоих языков, русского и белорусского, в общественной жизни страны. Соответственно, билингвы, даже неполные, стараются переключать используемый языковой код в зависимости от ситуации (см.: [Потапова 2009]). Что же касается многозначности, т. е. функционально-стилевого диапазона используемых идиомов, то в первую очередь обращает на себя внимание смешение двух языков, принимающее специфическую форму **трасянки**.

Трасянка в прямом своем значении – «некачественный корм для скота, смесь сена с соломой». Как лингвистический термин

трасянка – это «языковой продукт, возникший путем механического смешения в разных пропорциях элементов материи и формы <...> двух языков – русского и белорусского» [Цыхун 2012: 141]. В самом простом понимании *трасянка* – это «русифицированный вариант белорусского языка» (Г. А. Цыхун), сводящийся преимущественно к соединению русской лексики с белорусской фонетикой. Есть авторы, которые тот же термин используют и для специфического белорусского варианта русского языка (Н. Б. Мечковская). Нередко под *трасянкой* понимают все формы смешения двух языковых систем – белорусской и русской (Ю. Б. Коряков). Наконец, иногда это смешение, наоборот, пытаются максимально подробно дифференцировать (И. В. Лисковец). Практически все языковеды относятся к *трасянке* отрицательно, рассматривая ее на фоне креолизированных языков. Однако в Интернете встречаются провокационные призывы типа «Надо написать учебник *трасянки!*» или «Возьму уроки *трасянки*» (М. Куновская).

Первый признак *трасянки* – это «ползучая» и всепроникающая интерференция, основанием для которой служит уже упомянутая генетическая и структурная общность двух языков.

В частности, на фонетическом уровне наблюдаем следующие отклонения от нормы: замену [г] взрывного на [γ] фрикативное (*γусь* вместо *гусь*); замену [р'] мягкого на [р] твердое (*трапка*, *прама* вместо *тряпка*, *прямо*), замену [ч'] мягкого на [ч] твердое (*чэстный* вместо *честный*), а также «дзеканье» и «цеканье» (*идзея* вместо *идея*, *госци* вместо *гости*). Нередки и случаи перестановки (сдвига) ударения – в словах типа *некоторые*, *верба*, *одиннадцать* и др.; есть свои особенности и в просодике.

Процессы интерференции обнаруживают себя также в области грамматики. В русской речи жителей Беларуси регулярно встречаются такие факты, как *смеяться с кого* (вместо *смеяться над кем*), *прийти со школы* (вместо *прийти из школы*), *лучше за кого* (вместо *лучше кого*), с дядем *Митем* (вместо с дядей *Митей*), по *субботам* и *воскресеньях* (вместо по *субботам* и *воскресеньям*), по *два раза* (вместо по *два раза*), *пойти в малины* (вместо *пойти за малиной*), *злой собака* (вместо *злая собака*) и т. п. Иными словами, влияние

белорусского языка сказывается и на выборе русскоговорящим членом социума синтаксических конструкций и морфологических форм.

Но заметим: фактически всё своеобразие того идиома, который именуют белорусским вариантом русского языка, сводится к лексике. Что же касается фонетических и грамматических особенностей, то они обычно проходят «по ведомству» трасянки. Это объяснимо: лексический строй языка более мобилен, и изменения здесь заметнее; грамматика же более консервативна и «нормативна».

В целом проблему русско-белорусского двуязычия нередко рассматривают в общем контексте «пиджинизации» контактирующих языков. Однако исключительность ситуации заключается, во-первых, в том, что перед нами – два близкородственных языка, а во-вторых, в том, что им обоим придан в стране статус государственных. Конечно, одно дело – русско-белорусский билингвизм, а другое – русско-татарский или русско-латышский: тут многое зависит от степени близости – исторической, культурной и структурной – контактирующих языков. Русско-белорусское двуязычие воплощает в себе модель взаимодействия двух типологически максимально близких языков, поддерживаемого культурной и психологической общностью. Сходство концептосфер способствует стихийному смешению русского и белорусского языков и образованию «самопального» продукта под названием *трасянка*.

Многие из единиц, определяемых нами как белорусские вкрапления, известны и русскому языку в его просторечном или диалектном вариантах (имеются в виду такие лексемы, как *хата*, *бурак*, *хлопчик*, *батька* и т. п.). Понятно, это, со своей стороны, облегчает их вхождение в ткань русского текста, производимого жителем Беларуси. Большое количество межъязыковых омонимов и паронимов (см.: [Грабчиков 1980]) становится основанием для многочисленных коммуникативных казусов – случаев ошибочного словоупотребления, лексико-семантической интерференции. Вот характерный пример из газетной публицистики:

*Сегодня наш проект можно смело расцветить золотом. И блеснет будет не только многочисленный медальный **скарб***

Александра Васильевича, а солнцем взойдет на небе его победы главная награда, его звезда – Татьяна («СБ – Беларусь сегодня», 29.04.2010). *Скарб* по-русски может быть *убогий, нищенский* и т. п., в отличие от белорусского омонима *скарб*, имеющего значение ‘сокровище, имущество, клад’. Перед нами явный журналистский ляпсус.

Еще пример реальной ситуации. Участковый терапевт в поликлинике говорит пациенту:

– *Задерите, пожалуйста, калошину.*

Тот секунду мнется, но по указующему взгляду понимает, что от него требуется задрать штанину. *Калоша, калошына* в белорусском – ‘штанина’ (это слово есть и в некоторых русских говорах).

Примеры интерференционных сбоев можно обнаружить и в сфере городских топонимов. В Минске на проспекте Победителей есть магазин «Ромашка», а в нескольких остановках от него – торговый центр «Рамонок» (по-белорусски – ‘ромашка’). В том же районе города есть улица *Радужная*, но на табличке с названием улицы написано: *Вясёлкавая* (*вясёлка* по-белорусски – ‘радуга’). В Гомеле есть улица *Сялянская*, а по-русски – *Крестьянская*. Не удивительно, что отсюда проистекают коммуникативные недоразумения. Скажем, человек стоит на улице *Шпалерной* (так написано на табличке) и спрашивает: «Не знаете, где тут улица *Обойная*? Где-то в этом районе должна быть...». *Шпалеры* – по-белорусски ‘обои’...

И вот тут вернемся к уже пройденной теме и спросим себя: что перед нами: проявление своеобразия белорусского варианта русского языка или же факты неконтролируемой трясанки? По-видимому, до тех пор, пока какая-либо кодификация белорусского варианта русского языка в принципе отсутствует (а в республике нет институции, которая взяла бы на себя такую ответственность), провести здесь четкую границу невозможно. Хотя, конечно, можно воспользоваться внешними признаками – уровнем образованности носителя языка, степенью осознанности выбранной формы, особенностями речевой ситуации и т. п., но все это – не очень надежные критерии.

Сегодня никто не оспаривает тот факт, что изучение и преподавание русского языка в постсоветских государствах характеризуется в каждом случае своей спецификой. Это обязаны учитывать преподаватели-словесники. В частности, в белорусском ареале само понятие «ошибка», отклонение от правил русского языка, имеет особый оттенок, ср.: [Dieser 2013: 125].

Однако дело не только в речевых ошибках, составляющих проблему культуры речи. Белорусский вариант русского языка – в конечном счете, особая система языковых ценностей и связей, отражающих не общерусскую, а «свою», региональную картину мира. Это подтверждается данными ассоциативных экспериментов. Если попытаться на их основе выстроить лингвopsихологический образ действительности русскоязычных и белорусскоязычных жителей республики, то между первыми и вторыми обнаружатся некоторые расхождения. В первом случае четче просматриваются антонимические и синонимические связи; для второго характерна бóльшая конкретность, «приземленность» ассоциаций, опора на практический опыт. Сопоставление лексических реакций русскоязычных и белорусскоязычных испытуемых в ассоциативном эксперименте выявило также склонность первых к «техногенным» или «индустриальным» ассоциациям, а вторых – к «природным» (см.: [Папейка 2000]). Возможно, на деятельность испытуемых накладывала отпечаток та совокупность текстов на соответствующем языке, которая составляла их фольклорно-литературный багаж.

Приведем также любопытное свидетельство известного белорусского телепродюсера Егора Хрусталева, несколько лет назад перешедшего на работу в Россию: «Не могу сказать, что уже чувствую себя в Москве как рыба в воде. Мне Муругов сразу сказал, что понадобится не меньше года, чтобы выдавить из себя по капле белоруса. Не в смысле национальности, а в смысле менталитета. Там в тебя закладывается другая программа: будь решительнее, не бойся принимать решения...» (Комсомольская правда в Белоруссии, 12.08. 2010).

Конечно, нельзя сводить все коллизии двуязычия к ведению лингвистической контактологии. Свою роль здесь играют и психологическая инерция, и идеологические пристрастия, и политический расчет. «Двуязычие, которое могло бы превратиться в инструмент взаимного обогащения языков (что происходило с большими языками), отравляло бытование малых языков как медленно действующий яд. Утверждение, что нужно решить, на чьей ты стороне; наивное представление о вреде билингвизма; идеологический страх перед людьми, знающими много языков; боязнь заговоров и неконтролируемой автономии, зависть к многоязычным; истерика по поводу возможного отделения территорий – все это не способствовало взвешенному отношению к многоязычию» [Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010: 13]. Это в значительной степени определяет и социолингвистическую ситуацию в современной Белоруссии.

В то же время строить прогнозы в данной сфере – дело неблагодарное. Вопрос о перспективах взаимодействия белорусского и русского языков в республике есть производное от социальных факторов. Иначе говоря, развитие социолингвистической ситуации в Республике Беларусь – это вопрос не столько лингвистический, сколько политико-экономический.

Литература

- Вахтин Н. Б., Мустайоки А., Протасова Е. Русские языки // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian* / eds.: A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. (Slavica Helsingiensia 40) Helsinki : Helsinki University Press, 2010. С. 5–16.
- Волынец Т. Н. Национальный вариант русского языка в Беларуси – миф или реальность? // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства»*. Ч. 1. Віцебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Малышева, 2009. – С. 16–21.
- Волынец Т. Н., Ратникова И. Э. Социокультурные процессы в Беларуси и двуязычие // *Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Доклады Международной конференции. 11–14 октября 1996 г. Пловдив, 1997.* – С. 219–223.

- Грабчиков С. М.* Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1980.
- Корф В.* Новые красные даты Беларуси: День памяти родного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liberalclub.biz/?p=13423>. – Дата доступа: 31.05.2013.
- Коряков Ю. Б.* Языковая ситуация в Белоруссии // *Вопр. языкознания*. 2002. № 2. – С. 109–127.
- Лукашанец А. А.* Современное состояние и перспективы функционирования русского языка в Беларуси // *Актуальные проблемы преподавания русского языка в средней и высшей школе Республики Беларусь. Республиканская научно-практическая конференция (6–7 декабря 2006 г.). Материалы докладов*. Могилев, 2007. – С. 7–15.
- Лукашанец А. А.* Беларуская мова ў кантэксце дзяржаўнага беларускага двухмоўя // *Язык – когниция – социум. Тезисы докладов Международной научной конференции*. Минск, Беларусь, 12–13 ноября 2012 г. Минск, 2012. – С. 53–54.
- Мечковская Н. Б.* Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия // *Russian Linguistics*. Vol. 18. 1994, № 3. – С. 299–322.
- Мечковская Н. Б.* Постсоветский русский язык: новые черты в социолингвистическом статусе // *Русский язык: система и функционирование. Материалы Международной научной конференции 18–19 мая 2004 г., Минск : в 2 ч. Ч. 1. Минск, 2004. – С. 36–38.*
- Мячкоўская Н.* Беларуская мова ў масавай камунікацыі Беларусі: сродак зносін ці ідэалогія? // *Terra Alba*. Том III. Мова і соцыум / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў : ГА МТ «Брама», 2004. – С. 145–170.
- Норман Б. Ю.* Русский язык в Беларуси сегодня // *Die Welt der Slaven*. LIII. 2008. – С. 289–300.
- Норман Б. Ю.* Русский язык в Беларуси: особенности социолингвистической ситуации // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. I. Тарту, 2010. – С. 175–192.
- Папейка А. А.* Лексічныя асацыятыўныя палі ў беларускай і рускай мовах. Аўтарэферат дысертацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук. Мінск, 2000.
- Перепись населения 2009 = Population Census 2009 [статистический сборник] / редколлегия: В. И. Зиновский (председатель) и др. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010–2011.

- Потанова О. В.* Языковая личность в условиях русско-белорусского билингвизма. Славянские языки: аспекты исследования. Сборник научных статей / под ред. Е. Н. Руденко. Минск : Издательский центр БГУ, 2009. – С. 183–187.
- Русский язык в Белоруссии / под ред. А. Е. Михневича. Минск : Наука и техника, 1985.
- Статистический ежегодник Республики Беларусь = Statistical yearbook of the Republic of Belarus [статистический сборник]. Минск : Министерство статистики Республики Беларусь, 2012.
- Цыхун Г.* Выбраныя працы: беларусістыка, славістыка, арэальная лінгвістыка. Мінск : Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, 2012.
- Шкраба І.* Самабытнае слова. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні). Мінск : Беларуская энцыклапедыя ім. Петруся Броўкі, 1994.
- Dieser E.* Конкуренция форм падежного управления в русском языке // Die deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner, 2013. – S. 117–127.

4.5. Русский язык в Грузии

Т. Мегрелишвили

Современная Грузия – одно из древнейших³⁴ государств Кавказа – мультиэтническая страна. Государственным языком является грузинский язык (в Абхазии – абхазский), однако лингвистическая карта Грузии выглядит весьма ярко³⁵. На первый взгляд, столь значимое лингвистическое разнообразие могло бы стать

³⁴ Иберское (с III в. н. э.) и Эгрисское (IV-II вв. до н. э.) государства (здесь и далее прим. автора. — Т. М.).

³⁵ В определенных регионах население говорит по-мегрельски, по-свански и по-лазски. Кроме того, национальные меньшинства, проживающие на территории страны, сохранили свои этнолингвистические приоритеты, и в Грузии функционируют осетинский, азербайджанский, армянский, русский, украинский, польский, немецкий, литовский, эстонский, курманджи (курдский; сегодня в силу активной эмиграции курдского населения в 1990-е годы в европейские страны этот язык встречается уже намного реже), османский турецкий, понтийский греческий, сирийский, аварский и другие языки.

причиной разногласий внутри грузинского общества, однако этого не происходит. Более того, большинство населения полагает, что разноязычие является источником культурного богатства страны.

В чем же надлежит искать источник такой позиции? Ответ на этот сложнейший вопрос не может быть однозначным. При обобщенном трансисторическом анализе социокультурной ситуации обнаруживается показательный факт: в разное время в среде грузинского этноса одним из главных признаков хорошего образования считалось владение несколькими языками. Образованная часть общества – придворная аристократия и духовенство – в различные периоды истории страны свободно изъяснялась на арабском, персидском, турецком языках. Кроме того, в сфере образования видное место занимали древнегреческий, латинский, арамейский языки. Таким образом, многоязычие издревле присуще грузинскому образованию.

С определенного момента исторического развития в Грузии наблюдается активизация грузино-русских культурных связей. В начале XIX столетия в Грузии – периферии Российской империи – начинаются непосредственные контакты широких слоев населения с представителями метрополии. Одновременно в русском культурном сознании зарождается интерес к Грузии. Русские романтики отображают этот процесс: Кавказу, его природе, реалиям, быту и нравам народов, его населявших, в том числе народов, населявших Грузию, исторически суждено было сыграть роль «Востока» в истории русского романтизма [Модебадзе, Мегрелишвили 2007: 51–73]. Именно романтики «открыли» Грузию для русской литературы, ввели ее в актив национального культурного кода.

Одновременно в Грузии фиксируется интерес к достижениям русской культуры, наблюдается первичный процесс проникновения русского языка в культурный быт национальной элиты. В середине XIX века начинается «массовое паломничество» грузинской молодежи в учебные заведения России, прежде всего в Петербургский университет. Затем движение грузинских «шестидесятников»

приводит к тому, что «усиливается влияние русской передовой культуры на грузинскую общественность» [Летопись дружбы... 1967: 371]. В грузинском обществе заметно возрастает роль русской литературы и русского языка, свободное владение которым становится обязательным для каждого образованного грузина³⁶. В текстах оригинальной грузинской прозы фиксируются отдельные русскоязычные вставки на языке оригинала без перевода [Модебадзе 2007: 508–516]; в Тифлисе на русском языке начинают издаваться газеты³⁷, литературно-художественные журналы и альманахи, распространявшиеся по всей Российской империи. В них активно сотрудничали видные деятели грузинской культуры и многие грузинские писатели-классики, публиковавшие свои русскоязычные сочинения как под собственной фамилией, так и под различными псевдонимами.

К началу XX века Тбилиси – значительный центр культуры Закавказья, а в 1919–1921 гг. – один из первых центров русского рассеяния³⁸. В Тбилиси выходило восемь литературно-художественных журналов и две литературно-художественные газеты [Никольская 2000] на русском языке. В этот процесс были

³⁶ Во второй половине XIX века система просвещения Грузии претерпела значительные изменения. <...> В 1867 году <...> было допущено и обучение грузинскому языку. Но с 1873 года грузинский язык оставили только лишь в прогимназических классах средних учебных заведений и то как необязательный предмет. С 80-х годов XIX века началось изгнание грузинского языка и из начальных школ.

Выдающиеся грузинские общественные деятели и педагоги: Якоб Гогебашвили, Илья Цинамдзгвришвили, Луарсаб Боцвадзе, Иванэ Ростомашвили и другие оказывали упорное противодействие полной русификации начальных школ, но тем не менее к началу 90-х годов XIX века грузинский язык почти полностью был изъят из начальных школ» [Вачнадзе, Гурули, Бахтадзе: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/29.php].

³⁷ К примеру, газета «Кавказ».

³⁸ «Это было в 1919 году: Тифлис жил большой литературной жизнью (...). На Тифлис шла волна беженцев. В их числе было много русских деятелей – писателей, художников, людей политики, искусства... В Тифлисе гостили тогда художники С. Судейкин, С. Сорин, Н. Евреинов, С. Городецкий, Н. Ходотов, С. Рафалович, Р. Ивнев» [Мицишвили 2001: 42]. О Тифлисе как одном из первичных центров русского рассеяния [см.: Мегрелишвили 2005].

вовлечены местные деятели литературы³⁹. Эмиграция в Тбилиси видных представителей литературного мира Петербурга и Москвы, а также представителей театрального [Мегрелишвили 2010: 349–370] мира способствовала еще большему усилению значимости русского языка в социокультурной жизни страны.

В советскую эпоху русский язык стал ведущим коммуникативным инструментом межнационального общения и в пределах всей огромной страны, и внутри самой Грузии. Образование велось как на грузинском, так и на русском языках⁴⁰. В школах с грузинским языком обучения русский язык изучался со второго класса. Кроме того, большое количество русскоязычных средств массовой информации, кино- и видеопродукции обеспечивало высокий уровень владения русским языком. В Грузии активно развивалось художественное и научное творчество на русском языке.

Русский литературный Тбилиси середины XX столетия представлен в сборнике *«Русские писатели в Грузии»* [Русские писатели... 1983]. Литературный процесс на русском языке в ту пору стимулировался многосторонними контактами с русской наукой и культурой. На русском языке выходили «толстые» литературные журналы (*«Дом под чинарами»*, научно-художественный журнал *«Литературная Грузия»*). При Союзе писателей Грузии существовала русская секция. При этом пишущая на русском языке творческая интеллигенция Грузии реализовывала себя на стыке двух культур – русской и грузинской, – активно используя весь объем накопленного культурного опыта.

В советский период сложилась школа грузинской русистики, видные представители которой сконцентрировались в двух

³⁹ Так, журнал «Ars» издавался *Анной Антоновской*, будущим автором известного романа «Великий Моурави», и редактировался *С. Городецким*. «АКМЕ 51», сборник Тифлисского «Цеха поэтов», организованного *С. Городецким*, содержит имена поэтов-тбилисцев.

⁴⁰ По данным статистики, к 2000 г. в Грузии насчитывалось 214 общеобразовательных школ (из них 2 гимназии) с русским языком обучения (87 школ и 127 самостоятельных секторов), в которых обучалось свыше 45000 учащихся; на русском языке в государственных вузах Грузии обучалось около 3000 студентов помимо бакалавров, аспирантов, докторантов, соискателей [Богомолов 2000].

ведущих учебных заведениях страны – Тбилисском государственном университете им. Иванэ Джавахишвили и в Тбилисском политехническом институте (сегодня это Грузинский технический университет)⁴¹. Эти центры внесли весомый вклад в изучение русского языка и русской литературы.

Реалии рубежа XX–XXI веков многое изменили: вследствие распада СССР изменились географические параметры существовавшего на протяжении почти двух веков культурного пространства. В конце XX столетия в Грузии обозначилось движение в сторону реформ, которые коснулись и сферы образования. Как член Совета Европы Грузия вошла в разноязычное культурное пространство.

Демократизация системы образования в Грузии, поиск новых подходов к организации изучения иностранных языков, в том числе русского языка, начались в «нулевые» годы XXI века. Время внесло коррективы в парадигму функционирования русского языка: была отменена обязательность его изучения в грузинских школах, изменились языковая среда и сферы использования русского языка. Русский язык стал одним из четырех иностранных языков (наряду с английским, немецким, французским), изучение которых в школе финансируется государством и предполагает выбор иностранного языка учеником. Статус указанных языков, русского в том числе, был зафиксирован в документе «Национальный учебный план». С этого момента в школах Грузии фактически появился новый предмет – РКИ.

Статистическая картина количественного соотношения школ, различающихся по принципу изучения иностранных языков, на сентябрь 2009 года отражена в табл. 1:

⁴¹ Среди ярких представителей этой школы особо выделяются имена академика И. С. Богомолова, д. фил. наук Г. Мгеладзе, В. Шадури, Л. Хихадзе, Г. М. Гиголова, Т. Г. Буачидзе, А. И. Чхеидзе, С. Жгенти, Г. С. Ахвледиани, Т. А. Белинской, Т. Н. Мревлишвили, Д. С. Чантуришвили, Г. И. Цибахашвили, Н. П. Колесникова, Г. Г. Голетиани, А. А. Хидашели, В. В. Чедиа, В. Натадзе, В. Ш. Геташвили, канд. фил. наук К. С. Герасимова, М. Г. Байсаголовой, Э. Л. Кремер, Л. И. Слитинской, Л. Н. Каухчишвили.

Таблица 1

Количество школ

С преподаванием иностранного языка	По обычной программе	По усиленной программе
английский язык	1689	296
русский язык	2283	95
немецкий язык	1258	89

Как видно из таблицы, преобладает количество школ с преподаванием русского языка по обычной программе, однако количество школ с усиленной программой изучения английского языка заметно превышает количество школ с усиленной программой изучения других иностранных языков.

С 2006 г. в рамках реформы образования началась разработка Государственных Стандартов (ГС) изучения иностранных языков, которые, наряду со Стандартами всех изучаемых в публичной⁴² школе предметов, вошли в Национальный учебный план, впервые изданный Центром национальных учебных программ и оценки при Министерстве образования и науки Грузии в 2006 году⁴³. Языковые стандарты были приведены в соответствие с требованиями СЕ для облегчения учащимся сдачи экзаменов на получение иностранного диплома или сертификата, подтверждающего компетенцию в сфере того или иного иностранного языка. Стандартом обучения иностранным языкам предусмотрено изучение в публичной школе минимум двух языков: в основание системы обучения положена мультилингвальная стратегия.

Как известно, Комитетом СЕ по образованию и иностранным языкам была издана рекомендательная сетка оценки степени

⁴² В рамках реформы образования в Грузии общеобразовательные школы стали именоваться публичными и обрели соответствующие этому понятию правовые полномочия.

⁴³ Центр национальных учебных программ и оценки был создан Министерством образования и науки Грузии в апреле 2006 года. До этого функции центра с 2003 года осуществлялись группой, ответственной за разработку учебных программ в рамках проекта «Илья Чавчавадзе».

овладения иностранным языком. Этот документ был положен в основу создания Стандарта по РКИ. Документом определяются 3 уровня языковой компетенции⁴⁴. Поскольку достижение порогового уровня знания иностранного языка становится целью школьного обучения, именно уровни А1, А2, В1 оказались в центре внимания группы экспертов-русистов, разрабатывавших ГС преподавания РКИ для публичной школы. Каждый из указанных уровней был отражен в определенной ступени ГС иностранных языков⁴⁵. В итоге Стандарт РКИ предполагает деление на уровни D (груз. *დაჭედილი* — *dackhebiti*; русск. *Начальный*) – для начальной школы (1–6 классы) и S (груз. *საბაზო-საშუალო* – *sabazo-sashualo*; русск. – *базовый-средний*) – для базовой (7–9 классы) и средней (10–12 классы) ступеней, что наглядно представлено в табл. 2, 3:

Таблица 2

Начальная школа ⁴⁶				
Уровни Стандарта РКИ для публичной школы	D 3	D 4	D 5	D 6
Соответствующий уровень Стандарта CE	A 1.1	A 1.2	A 2.1	A 2.2

Таблица 3

Базовая и средняя школа							
Уровни Стандарта РКИ для публичной школы	S 1	S 2	S 3	S 4	S 5	S 6	S 7
Соответствующий уровень Стандарта CE	A1	A2	B 1.1	B 1.2	B 1.3	B 1.4	B1+/ B2

⁴⁴ Эти уровни представлены следующим образом: А – уровень основного пользователя – элементарный, который подразделяется на А1 – элементарный и А2 – основной; В – уровень независимого пользователя, который подразделяется на В1 – пороговый и В2 – пороговый продвинутый; С – уровень специалиста (свободное владение языком), который также подразделяется на 2 подуровня.

⁴⁵ С Государственным Стандартом обучения иностранным языкам можно ознакомиться на сайте Центра национальных учебных программ и оценки: www.ganatileba.org (www.ganatileba.org/index.php?m=102 – его перевод на русский язык).

⁴⁶ Уровни D, кроме D5 и D6, не предполагают активного изучения языка, а лишь подготавливают учащегося к активному овладению языком, что обусловлено учетом соответствующих особенностей психологического развития учащихся на начальной ступени школьного обучения.

Если на начальной ступени обучения главной задачей преподавания русского языка является стимулирование интереса учащегося к изучаемому языку и культуре народа-носителя, то на последующих этапах обучения происходит формирование навыков и умений, необходимых для ведения устной и письменной коммуникации, самосовершенствования в выбранном для изучения языке, ведения интеракции в различающихся социокультурных контекстах.

Переход на поуровневое обучение иностранным языкам в школах был осуществлен в 2011 г. При этом частотность изучения русского языка в грузинских школах изменилась в сторону убывания. Этому во многом способствовал тот факт, что с первого класса Национальным учебным планом предусмотрено было изучение английского языка; второй иностранный язык можно было вводить с третьего / седьмого класса, а третий иностранный язык (по желанию школы и при наличии специалистов) – с девятого класса. Кроме того, осознание все большей частью общества, особенно представителями национальных меньшинств, необходимости использования школы как базы для создания благоприятных факторов интеграции молодежи в современное общество Грузии и шире – Европы – привело к сокращению школ с русским языком обучения, а также русских секторов в школах с грузинским языком обучения. При этом выработалось осознание важности навыков коммуникации на английском языке.

Одновременно с выработкой ГС по иностранным языкам была намечена программа по созданию новых учебников, подразумевающая обязательный процесс присуждения государственного грифа⁴⁷. Создание учебников по РКИ для школ Грузии было связано с определенными сложностями. РКИ, в принципе, новый

⁴⁷ Процедура присуждения грифа подразумевает экспертизу учебника с лингвистической и методической точек зрения по заранее выработанным 48-ми критериям, с которыми также можно ознакомиться на сайте Центра. Только прошедший данную процедуру и получивший гриф учебник может быть использован для обучения в публичных школах Грузии.

для Грузии предмет⁴⁸, и опыта в создании подобных учебников в стране не было. Центром национальных учебных программ и оценки в 2006 году был проведен цикл тренингов для потенциальных авторов учебников по иностранному языку, в том числе и по РКИ. Кроме того, авторам было предложено принять участие в пилотировании⁴⁹ создаваемых учебников, осуществлявшемся в несколько этапов в течение одного учебного года.

В результате пяти лет работы в стране сложился рынок учебников по РКИ, составленных в соответствии с новыми стандартами. Лучше всего обстоит дело с учебниками для начальной ступени образования (для 3-го, 4-го, 5-го и 6-го классов). Что касается пособий для базовой и средней ступеней образования, то, если учебники для уровней S1, S2 и S6 заслуживают одобрения, то учебники для остальных уровней нуждаются в дальнейшем совершенствовании и переработке, что, хочется надеяться, и будет осуществлено.

Специальные тренинг-программы для учителей предусматривают знакомство с новым Стандартом по РКИ, методические тренинги – работу непосредственно с запущенными в производство учебниками. Все преподаватели РКИ обязаны получить сертификат, удостоверяющий уровень их профессиональной компетенции. Для этого ежегодно проводятся специальные сертификационные экзамены, предусматривающие, наряду с иными навыками, проверку профессионального уровня учителя.

⁴⁸ В советский период преподавание русского языка в школах с грузинским языком обучения ничем не отличалось от преподавания русского языка как родного.

⁴⁹ Пилотирование не исключало снятия неудачного учебника на одном из этапов. Учебник, с успехом прошедший все стадии пилотирования, передавался на конкурс (2006–2011). Пилотирование учебника не гарантировало присуждения грифа, но в процессе пилотирования с авторами работали приглашенные эксперты – профессора ведущих вузов страны, отмечая несоответствия, помогая исправлять методические ошибки и т. д. Те, кто предпочитал работать самостоятельно, также могли подать учебники на конкурс на равных основаниях с авторами пилотируемых учебников.

Несмотря на меры по улучшению качества знаний по иностранным языкам, принимаемые в рамках государственных программ, в Грузии с середины 2000-х годов неуклонно падает уровень знания русского языка⁵⁰. Подобная ситуация вызывает беспокойство: степень востребованности русского языка в Грузии достаточно высока. В первую очередь, знание русского языка необходимо в бизнес-структурах (в туристическом бизнесе, активно развивающемся в Грузии, в банковском деле, в сфере энергетики), имеющих деловые контакты со странами СНГ. Поэтому работодатели самого широкого профиля в своих объявлениях о вакансиях предупреждают о необходимости знания русского языка соискателями рабочих мест. В стране на рынке профессиональных услуг образовалась ниша: не хватает профессиональных переводчиков со знанием русского языка.

Создавшаяся ситуация привлекла внимание Министерства образования и науки Грузии, и с сентября 2013 г. в школах увеличивается количество часов, выделяемых на русский язык. Интересная картина наблюдается в вузах страны: среди студентов фиксируется повышенный интерес к практическому овладению навыками РКИ и падение интереса к русской филологии.

Специализация в сфере русистики сегодня предлагается гуманитарным факультетом Кутаисского государственного университета им. А. Церетели⁵¹. В Батумском государственном университете действует программа подготовки магистрантов-русистов, одним из модулей которой является переводоведение⁵². В Тбилисском государственном университете им. И. Джавахишвили действуют две программы бакалавриата: «Русская филология»

⁵⁰ При этом компетенция в английском языке так и не стала массовой в стране, несмотря на обязательное изучение этого языка с первого класса. Поэтому представители молодежи, которые стремятся получить высшее образование в Европе, изучают английский с помощью частных репетиторов. Та же ситуация наблюдается в изучении немецкого, французского языков и русского языка.

⁵¹ Программа (на грузинском языке): <http://www.atsu.edu.ge/faculties/Humanitaruli/geo/bak/bakalavriatI%20RUSULI.pdf>.

⁵² Программа (на грузинском языке): http://bsu.edu.ge/programs/program_2011-2015_229.pdf.

(язык обучения — русский)⁵³ и «Русская филология» (язык обучения — грузинский)⁵⁴.

Специализация в сфере русской филологии не принадлежит к приоритетным в глазах абитуриентов. Объяснение этому следует искать в большом количестве филологов-русистов на рынке профессиональных услуг в Грузии, подготовленных еще в советскую эпоху. Однако отмечается возрастающая популярность программы подготовки бакалавров «Русская филология» (ТГУ им. И. Джавахишвили; язык обучения — грузинский), которая предлагает не столько филологическую подготовку, сколько выработку навыков практического использования русского языка в различных сферах, в том числе в бизнес-коммуникации. В указанных университетах существуют и магистерские программы, но количество магистрантов очень мало. Частично такая ситуация объясняется высокой платой⁵⁵ за обучение, частично — общим упадком интереса к филологии в наше нефилологическое время.

Одновременно в указанных университетах в числе прочих иностранных языков преподается РКИ (продвинутый этап обучения). Однако группы немногочисленны. Язык изучается в течение двух семестров по учебному плану бакалавриата.

Несколько иная картина наблюдается в Грузинском техническом университете. Здесь РКИ (продвинутый этап обучения) преподается будущим бакалаврам и магистрам всех специальностей. Являясь «обязательно-выборным» предметом в ряду других иностранных языков, РКИ пользуется высоким спросом у студентов. По количеству студентов группы по изучению русского языка держат четкое второе место после групп по изучению английского языка, далеко опережая количество студентов, желающих изучать немецкий и французский языки. На факультете

⁵³ Программа подготовки бакалавров (на русском языке): http://www.tsu.edu.ge/data/file_db/faculty_humanities/BARus.Phil.ucxoenovani.pdf.

⁵⁴ Программа подготовки бакалавров (на грузинском языке): http://www.tsu.edu.ge/data/file_db/faculty_humanities/BARus.Phil.Description.pdf.

⁵⁵ В соотношении с доходами населения, плата за обучение в магистратуре в вузах Грузии достаточно высока.

бизнес-инженеринга русский язык изучается в течение трех лет обучения в бакалавриате (уровни B1 + B2), а затем его изучение продолжается и в магистратуре в течение двух семестров (уровень C1). Количество часов, выделяемых в неделю на изучение русского языка, составляет: 1) в бакалавриате – на технических специальностях 3 часа в неделю, на факультете бизнес-инженеринга 5 часов в неделю; 2) в магистратуре, независимо от факультетов – 4 часа в неделю. Все это позволяет утверждать, что Грузинский технический университет сегодня является ведущим среди вузов Грузии в преподавании РКИ для студентов нефилологического профиля.

Что же стимулирует интерес студентов к изучению РКИ? Как это ни странно, в первую очередь – возможность общения со своими русскоязычными сверстниками, в основном в пространстве Интернета (коммуникативная функция языка), стремление получать информацию на русском языке (информативная функция языка), а уж потом – повышение собственной конкурентоспособности на рынке профессиональных услуг. С 2012 года наблюдается тенденция к усилению интереса к изучению русского языка среди абитуриентов, сдающих Единый национальный экзамен⁵⁶, и существует прогноз о росте этого интереса и в краткосрочной, и в среднесрочной перспективе.

Таким образом, в образовательной системе Грузии русский язык представлен как иностранный язык, интерес к которому менялся с тенденцией к усилению в последние два года. Основные стимулы изучения РКИ на разных этапах образования: привлекательность в глазах работодателей кандидатов, владеющих русским языком; возможность общения со сверстниками в русскоязычном пространстве Интернета, а также при личных контактах

⁵⁶ ЕНЭ – Единый Национальный Экзамен, по результатам которого абитуриенты зачисляются в вузы. Русский язык сдается в рамках обязательного экзамена по иностранным языкам в числе других языков (английский, немецкий, французский) по выбору абитуриента. К примеру, в рамках ЕНЭ за 2013 год из общего количества зарегистрированных для сдачи ЕНЭ абитуриентов (41 935 человек) 7500 выбрали в качестве иностранного языка русский. Для сравнения – в 2012 году таких абитуриентов было всего 5600 человек.

за рубежом; расширение личного информационного поля, в том числе в профессиональной сфере.

В числе факторов, влияющих на выбор изучаемого языка, немаловажную роль играет определенная трудность постижения РКИ грузинскими школьниками и студентами. Это объясняется структурно-типологическим различием русского и грузинского языков, а также отсутствием широкого языкового поля внешних контактов.

В Грузии на протяжении последних двадцати лет фиксируется новый этап развития русскоязычной литературы, требующий описания и изучения [Мегрелишвили 2012: 366–375; Мегрелишвили 2011: 128–137; Мегрелишвили 2010: 43–49]. Все авторы, представители русскоязычной литературы Грузии, – уроженцы Тбилиси. Среди них процент этнических русских сравнительно невелик: в большинстве своем это этнические грузины, армяне или потомки смешанных браков. У многих в прошлом русскоязычное образование, но это не постоянный показатель. Среди авторов много таких, кто получил образование на грузинском языке, а пишет на двух языках – русском и грузинском, владея обоими языками одинаково. Как правило, все представители этой культурной общности вне зависимости от этнической принадлежности владеют грузинским языком в повседневной жизни. Для понимания феномена культурной общности русскоязычных литераторов современного Тбилиси очень важен выбор русского языка в качестве языка творчества⁵⁷.

Можно предположить, что наблюдаемое явление можно отнести к художественному билингвизму, приобретающему в последние двадцать лет в Грузии специфические черты. В частности, билингвизм в среде представителей русскоязычного литературного

⁵⁷ Родной язык для индивида, как известно, является формой концептуализации мира, характерной для конкретной культуры. Еще А. Гумбольдт указывал на тот факт, что каждый язык отражает определенное мировоззрение, а в соответствии с гипотезой Сепира – Уорфа, структура языка определяет *мышление* и способ *познания реальности*. Предполагается, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир и по-разному мыслят. В частности, отношение к таким фундаментальным категориям, как пространство и время, зависит в первую очередь от родного языка индивида.

Тбилиси характерен в основном для поэтов и связан с такими проблемами, как художественное осмысление и отображение новых реалий жизни, и, как думается, с попыткой расширения индивидуального духовного пространства за счет включения в него составляющих иной культуры. В принципе, билингвальный тип поэтического творчества есть отражение полиэтнической лингвокультурной атмосферы Тбилиси, тех специфических условий, в которых складывались личные судьбы поэтов. Это воспитание в семье, где, наряду с родным грузинским языком, был и русский, как, например, в смешанных браках, что более характерно для авторов, которые принадлежат к поколению 1970-х годов. Для молодых авторов творческое двуязычие часто становится естественным отражением их мировосприятия, в котором русский язык ассоциируется с интертекстом русской литературы и используется при создании поэтических произведений, имеющих прецедентные тексты в русской литературе, в то время как грузинский язык используется при создании произведений, описывающих городские реалии, жизнь и быт города. В философско-эстетическом плане к данному явлению вполне применимо объяснение Г. Гачева: «Двуязычие — это диалог двух мировоззрений, систем мира, обуславливающий стереоскопичность зрения, объемность мышления» [Гачев 1988: 445].

Сегодня в литературном мире Тбилиси сложилась интересная ситуация: существует литературное творчество на русском языке; в русскоязычной периодике, наряду с известными именами авторов, довольно часто возникают новые имена – литературный процесс движется и обретает все более многожанровый характер. Выходят два периодических издания: художественный альманах «На холмах Грузии» (гл. редактор М. Айдинов) и гламурный журнал «Русский клуб» (гл. редактор А. Сватиков). В интернет-версии существует литературно-художественный журнал «АБГ» (ред. А. Шахназарова, М. Ляшенко).

Таким образом, в современной Грузии русский язык, обладая статусом иностранного языка, является как одним из необходимых коммуникативных инструментов, так и языком художественного

творчества. Хочется надеяться, что наметившийся в начале XXI века спад интереса к русскому языку уступит место новой волне массового интереса. Молодое поколение Грузии все яснее осознает этот факт, стремится расширить практические знания в сфере русского языка.

Литература

- Богомолов И.* Русскому языку в Грузии вольготно? // «Независимая газета». 25.02.2000.
- Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии [режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/29.php].
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира – М. : Сов. писатель, 1988.
- Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней.* Сост. Вано Шадури. Т. 1. Тбилиси : Изд-во «Литература да хэловнева», 1967.
- Мегрелишвили Т. Г.* Модели самоидентификации и саморефлексии в прозе представителей современной русскоязычной литературы Грузии – «Вернуться в Россию стихами и прозой...» Литература русского зарубежья/ Powróćcie do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji – Akademia Pomorska w Słupsku (Поморская академия в Слупске), Słupsk (Слупск), 2012. С. 366–375.
- Мегрелишвили Т. Г.* Русскоязычная литература Грузии на рубеже XX–XXI веков – «Долг и любовь» : сб. науч. тр. Филология. М. : Кругъ, 2011. С. 128–137.
- Мегрелишвили Т. Г.* Русскоязычный литературный Тбилиси как явление современного межкультурного дискурса – Stereotypes in Literatures and Cultures. International Reception Studies. Peter Land internationaler Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Oxford — Wien (Стереотипы в литературе и культуре. Международные рецептивные исследования. Международное научное издательство Петера Ланда. Франкфурт-на-Майне – Берлин – Берн – Брюссель – Нью-Йорк – Оксфорд – Вена) : PETER LANG, 2010.
- Мегрелишвили Т.* Своеобразие языка моделирования мемуарного пространства: «Мой ларец» М. Н. Германовой. – «Погасло дневное светило...» (Руската литературна емиграция в България 1919–1944) : сб. науч. тр. – Институт българской литературы Академии наук Болгарии. София. Проф. Марин Дринов, 2010.

- Мегрелишвили Т.* Проблемы поэтики мемуаров русского Зарубежья (1920–1960). – Тбилиси : Мерани, 2005.
- Мицишвили Н.* «Эпопея» // «АБГ. Ани-Бани-Гани Эй-Би-Джи. Аз-Буки-Веди», 2001. № 2.
- Модебадзе И. И.* Русскоязычные включения в текстах грузинской прозы: история и современность // «Русский язык в странах СНГ и Балтии». Международная научная конференция. Москва, 22–23 октября, 2007 г. : сб. материалов конф. М. : Наука, 2007. С. 508–516.
- Модебадзе И., Мегрелишвили Т.* Кавказ – восток русской романтической поэзии? — «Номо Esperans». Дополнение к «Вестнику Санкт-Петербургского государственного университета». СПб., 2007. № 3. С. 51–73.
- Никольская Т.* Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). – М. : Пятая страна, 2000.
- Русские писатели в Грузии. – Тбилиси : Мерани, 1983.

4.6. Разноязычие в уральской прессе

О. В. Ильина

В советское время газеты, которые издавались на титульных языках народов СССР, по своему содержанию оставались советскими, а не собственно национальными. Народы СССР представляли собой единый советский народ – особое лингвокультурное сообщество, «основа которого заложена не в национально-культурной, а в государственно-политической сфере» [Купина 1995: 3]. В постсоветской России рост национального самосознания обусловил активизацию национальных СМИ: газеты, издающиеся на национальных языках, транслируют национально ориентированные ценности. Сегодня в России периодические издания выходят на 39 языках, передачи по радио ведутся более чем на 50 языках народов, проживающих в стране [Исхаков 2008: 93]. Цель таких СМИ – сохранение, развитие языка и культуры этноса, его интеграция, формирование национальной идентичности.

Урал характеризуется богатым этническим составом. Многие народы имеют собственную периодическую печать: «Менора» (газета Екатеринбургского еврейского культурного центра, издается на русском языке), «Тарик» (газета Духовного управления мусульман Пермского края, издается на русском и татарском языках) и др. На «Областном телевидении» (Свердловская область) при поддержке национально-культурных автономий выходят такие программы, как «Наследники Урарту», «Дорога в Азербайджан» и др. Развиваются электронные СМИ – информационные порталы национально-культурных объединений: www.kurultai74.ru («Башкирский курултай», Челябинская область), www.ozan.ru (Азербайджанский культурный центр «Озан», Челябинская область), www.urartu74.ru (Армянский культурный центр, Челябинская область) и др. Особенностью некоторых печатных изданий, телевизионных программ и интернет-порталов является разноязычие.

Основным источником материала исследования послужила ежемесячная газета «Саф Чишмә» («Чистый источник») – печатный орган Свердловского отделения Всемирного конгресса татар. Газета основана в 2002 г. на волне подъема национального самосознания и общественно-политической активности татар Свердловской области. Тираж – 1500 экземпляров. Газета «Саф Чишмә» представлена и в Интернете (<http://www.tatary-urala.ru/onlayn-saf-chishma>). Целевая читательская аудитория – этнические татары-билингвы, для которых русский язык является вторым или первым родным языком. Содержание и оформление газеты определяется основной установкой редакции и учредителей: «У того, кто имеет язык, есть и родина» («Теле барның иле бар»). Поэтому газетные материалы публикуются на двух языках – на татарском и на русском (см. сканированную полосу газеты). По данным самой газеты, публикации на татарском языке составляют в разных номерах газетного пространства от 36 до 96 %; русскоязычные публикации – от 4 % до 64 % (Саф Чишмә. 2010. Ноябрь. № 11. С. 2–3).

Ште барның иле бар

Саф Чишмә

Чистый источник. № 11 (100) Ноябрь 2010
УРТА УРАЛ ТАТАРЛАРЫНЫҢ АЙЛЫК ГАЗЕТАСЫ

100-Й ВЫПУСК ГАЗЕТЫ «САФ ЧИШМӘ» • «САФ ЧИШМӘ» ГАЗЕТАСЫНЫҢ ЙӨЗЕНЧЕ ЧЫГАРЫЛЫШЫ

Хорметае "Сафчишмә" газетасы кезмәткарлары!

Сез нәшер итә торган "Саф чишмә" газетасы Свердловск өлкәсендә яшәүче татарлар яратып карый торган, милли тарихыбызны, җанлыбыз җаныбызны, бүгенгесен чагылдырып баручы басма. Мәна сезнең 100 иңе салыгыз дәннә кура. Газета милли рухыбызны, мәданиятебезне, туган телбесне яшәүгә һәм үстергә хезмәт итә. Киләчәккә дә милләтпешәрәбез өчен ышанычы рухы таяныч, татар мо-хитенә күнәлеш бирүче, ата-бабаларыбыздан килгән горфө-гадәтләрен, йолаларны саклап, мәгърифәт таратучылар булып калыбыз дәл ышаныч. Сүзгез үтмәк, кәләмгез үткән, тоткан кый-баламз туры булсын.

Бармыгызга да юкәт уңышлары, саламәтлек, гаилә бәхәте теләм.

Итирам белән,
Бәтәндия татар конгрессы
Башкарына комитеты рәисе *Р.З. Закиров*

РИНАТ САДРИЕВ:

Сегодня выходит 100-й номер газеты «Саф чишмә». За несколько лет проделано много работы. В настоящее время, имея обратную связь с читателями и получая множество писем, мы можем сказать, что да, газета нужна. Она имеет своего читателя, нас знают не только в Свердловской области, но и в соседних областях и в Татарстане. Газета 2 раза стала лауреатом на всероссийских конкурсах среди национальных печатных СМИ.

Наша газета для читателей, без читателей она жить не может. Мы выпускаем ежемесячно 1500 экземпляров газеты «Саф чишмә», она вся распространяется. Но, к сожалению, на подписку у нас всего 30-40 экземпляров, остальное мы раздаем бесплатно.

Газета давно уже перестала быть частной, она стала официальным изданием Свердловского областного отделения Всемирного конгресса татар. И мы с вами все ответственны за существование газеты. Улучшение качества газеты приведет к повышению самооценки та-

Неизбежным следствием билингвизма является интерференция – взаимодействие языковых систем при языковых контактах либо при индивидуальном освоении неродного языка, выражающееся во «вторжении <...> норм одной системы в пределы другой» [Вайнрайх 1972: 26–27]. Активной интерференции татарского и русского языков способствует общность кириллической основы алфавита. Сегодня исследователи много пишут о влиянии русского языка на татарский и некоторые другие тюркские языки: на уровне лексики это проявляется в большом количестве заимствований на фонетическом уровне – в искажении дифференциальных признаков фонем и их аллофонов. При этом в татарскую речь проникают русские слова и словосочетания, имеющие соответствия в татарском языке [см.: Сагдеева 2001, Эмирова 2008 и др.]. В татарских текстах газеты «Саф Чишмә» в большом количестве используются слова, заимствованные из русского или посредством русского: *доктор, врач, газета, губернатор, конкурс* и др. Например: *Федераль Закон буенча җанисәптә катнашырга теләмәгән кешеләр «башларын санаудан» баш тарта алалар* (Саф Чишмә. 2012. Окт. № 10). При этом русские слова входят в татарские тексты естественно, без специальных пояснений, отсылок на

«чужое». Использование татарских слов в русскоязычных текстах, как правило, носит маркированный характер и нацелено на придание тексту экзотической выразительности, создание национального колорита (об аналогичном асимметричном характере русско-белорусского и белорусско-русского влияния см.: [Норман 2013: 16–17]).

Рассмотрим подробнее влияние татарского языка на русскоязычные тексты газеты «Саф Чишмә». Основное внимание уделим лексической интерференции. Часто в исследуемых газетных текстах используются иноязычные вкрапления, не освоенные русским языком (некоторые единицы представлены с соблюдением графико-орфографических норм татарского языка). Но переводить их в редакции газеты не считают нужным, так как такая лексика понятна целевой аудитории. К тому же некоторые из этих слов относятся к так называемой безэквивалентной лексике [Верещагин, Костомаров 2005: 67]. Например: *Теперь испробовать настоящий татарский бәләш можно в Екатеринбурге* (Саф Чишмә. 2012. Окт. Электронная версия. URL: <http://www.tatary-urala.ru/gazeta-saf-chishma>). Согласно данным Татарской энциклопедии, *бәләш* (бэлиш) – это татарское национальное блюдо, «большой круглый закрытый пирог из пресного либо дрожжевого теста» [2002: 513]. Слово *бәләш* по своему значению не эквивалентно русскому *беляш* и обозначает не «маленький круглый пирожок» [Ожегов, Шведова 2001], а «пирог» (здесь и далее перевод татарской лексики осуществляется с опорой на Татарско-русский словарь [2007] и приводится в кавычках).

Мы выделили несколько парадигматических рядов татарской лексики, наиболее часто встречающейся в русскоязычных текстах газеты «Саф Чишмә».

1. Парадигма номинаций традиционных блюд татарской кухни: *бәләш*, *итле бәләш* («мясной пирог»), *кыстыбый* («род пирога, обычно с начинкой из картофеля»), *өчпочмак* («традиционное национальное кушанье – пирожок в форме треугольника»), *токмачлы аш* («суп с лапшой»), *чәк-чәк* («праздничное мучное изделие в виде шариков величиной с лесной орех или лапши, жаренное

в масле и политое кипяченым медом»). Например: *Ветеранов пригласили к чаю, отведают национальные блюда – итле бәлеш, очпочмак, кыстыбый, чәк-чәк, – приготовленные мастерами кафе «Сабантуй»* (Саф Чишмә. 2012. Окт. № 10); *Яркие, незабываемые Сабантуи, пестрящие красками народных костюмов и пахнущие горячим кыстыбыем и токмачлы ашом* (Саф Чишмә. 2010. Нояб. № 11). В первом высказывании имеется номинация родового понятия (*национальное блюдо*); во втором назван дифференциальный признак приготовленного блюда (*пахнущие горячим*).

2. Парадигма номинаций, обозначающих в татарском языке родственные отношения или социальный статус лица (лиц), используемых также как вежливые обращения: *абый* («старший брат, братец; дядя, дяденька, дядька»), *ага* («дядя, почтенный человек»), *агай* («мужик, мужичок (прост.); дядя»), *апа* («старшая сестра; тетка, тетя, тетушка, тетенька»), *бабай* («дед, дедушка»), *эби / эби* («бабушка (не своя родная, а любая пожилая женщина либо родственница старше матери говорящего)»), *әфәнде* («господин»), *ханым / ханум* («женщина (замужняя), дама; госпожа»), *хәзрәт / хазрат* («мулла; величество, высочество, сиятельство, светлость, преподобие, преосвященство (титул, прибавляемый к имени пророков, святых монархов, высокопоставленных лиц)»). Например: *Для Тагир-абыя и его семьи строительство мечети стало делом жизни. У него три дочери, три внучки и внук. Каждый раз, когда они приезжают в Буланаиш из Екатеринбурга, они говорят: «Бабай, пошли на стройку, посмотреть, что ты там построил!»* (Саф Чишмә. 2010. Окт. № 10); *Гүмер-ага – заместитель председателя Главной научно-редакционной коллегии, ответственный редактор «Татарской энциклопедии»* (Саф Чишмә. 2010. Нояб. № 11); *Спросите об этом у философа Рифгат-агая и программиста Дамир-агая* (Саф Чишмә. 2010. Июль. № 7); *Фарида апа – соловей татарской и башкирской эстрады* (Саф Чишмә. 2010. Июль. № 7); *Ямига-эби поинтересовалась семейным положением гостя и узнала, что он женат и что у него четверо детей* (Саф Чишмә. 2010. Авг. № 8); *Гульсина ханум пожелала всем крепкой веры* (Саф Чишмә. 2013. Май. № 5); *Наджибулла хазрат, который*

не первый год работает с детьми, провел конкурс кроссвордов на знание основ ислама (Саф Чишмэ. 2013. Май. № 5). Для монолингва отсутствие специальных регулятивов (средств, «регулирующих познавательную деятельность адресата в целях повышения эффективности общения» [Болотнова 2008: 164]) в отдельных случаях может осложнить понимание смысла специфической единицы.

3. Парадигма татарских (шире – тюркских) антропонимов и топонимов. Татарские имена: *Фэвия, Назия, Назий, Ринат, Ильдар, Рафаэль, Суфхат, Сахиб-Гарей, Гөлнур, Салават, Асфан, Рафхат* и др. Татарские фамилии: *Сафиуллина, Бахтияров, Садриев, Халиков, Исхаков, Надыров, Саидгалеев, Киеков, Әхмәдуллина, Фатхетдинов, Хисматулин* и др. Некоторые имена могут использоваться как прецедентные знаки татарской культуры, объединяющие автора и читателей в круг «своих». Например: *Серезки, кольца и колье необычной формы и дизайна переливались, словно драгоценности из сундука самой принцессы Сююмбике* (Саф Чишмэ. 2012. Окт. № 10). Сююмбике – легендарная правительница Казанского ханства XVI в.

Среди топонимов можно выделить общероссийские, связанные с Татарстаном и известные всем россиянам (*Татарстан, Казань, Булгар*), и уральские – тюркские названия рек, сел, городов, расположенных на Урале: *Ачит, Буланаиш, Тат-Еманзельга, Рахмангулово, Усть-Баяк, Уфа-Шигири* и др. Так, топоним *Еманзельга (Еманзельга)* – это название нескольких рек в южной части Среднего Урала и нескольких населенных пунктов (деревня Еманзельга Ачитского района Свердловской области, деревня Татарская Еманзельга Красноуфимского района Свердловской области); «первая часть слова (*еман*) – русская переделка татарского или башкирского *яман* – “плохой”, “дурной”, вторая (*зелга, желга*) – отражает диалектный вариант татарского *елга* или башкирского *йылга* – “река”, в целом “Плохая река”» [Матвеев 2008: 86]. Рассмотрим пример употребления топонимов в газете: *Буланаиш был основан 15 мая 1938 года в связи с открытием угольных шахт. <...> О происхождении названия существует две версии, русская и тюркская. <...> Согласно второй, тюркской, булан – это олень,*

а слово ош – место кормления, получается место кормления оленей (Саф Чишмә. 2010. Июль. № 7). Культурно-фоновая информация расширяет эрудиционный диапазон читателя; лингвистический комментарий создает образные представления, соответствующие особенностям национального мировосприятия.

4. Парадигматический ряд не требующих специальных разъяснений татарских этикетных формул приветствия, благодарности и др.: *салам алейкум, салам* («здравствуйте, привет»), *рәхмәт / рахмат* («спасибо, благодарю») и др. Например: *Салам алейкум! Как родилась идея открытия халяльного магазина?* (Саф Чишмә. 2010. Окт. № 10); *Хочется сказать большое человеческое **Рахмат** учредителям национального медиа-холдинга* (Саф Чишмә. 2010. Ноябрь. № 11).

5. Парадигма мусульманской религиозной лексики: *ахун* («старшее духовное лицо (соотв. архиерею)»), *ифтар* («разговение, прекращение поста у мусульман; вечерняя трапеза в дни Рамазана»), *мәхәллә / махалля* («приход, квартал»), *мөнәжжәт / мунаджжат* («молитва, мольба к Аллаху или прославление имени Аллаха; религиозный гимн, псалом»), *тәрәвих-намазы / таравих-намаз* («особый намаз, совершаемый коллективно по вечерам»), *хәдис / хадис* («предания о словах, деяниях и поступках пророка Мухаммеда»), *хәләл / халяль* («дозволенный, разрешенный, допустимый, незапрещенный (шариатом)»), *харам* («грешный, греховный»), *шәкерт / шакирд* («учащийся медресе»). Например: *Юноша Мажит, **шакирд** мусульманского медресе, воспел транс-сибирскую магистраль* (Саф Чишмә. 2012. Окт. № 10); *Никогда не забуду душевные, теплые приемы в татарских деревнях, концерты талантливой татарской молодежи, хлебосольные **ифтары*** (Саф Чишмә. 2010. Ноябрь. № 11); *В праздничные дни Курбан-байрам в мечетях и **махаллях** Екатеринбурга и Свердловской области проводились праздничные молебны* (Саф Чишмә. 2010. Ноябрь. № 11); *Хасанкаев родился в семье пермского **ахуна*** (Саф Чишмә. 2010. Июль. № 7); *Участники мероприятия разгадывали **хадисы*** (Саф Чишмә. 2013. Май. № 5). Выделенные лексические единицы являются абсолютно специфическими, они не фиксируются как

заимствованные в толковых словарях русского языка. Их употребление в газетных текстах может способствовать формированию межконфессиональной толерантности. В то же время отсутствие специального комментария может затруднить понимание смысла отмеченных единиц лицами, далекими от культуры ислама.

Частотно включение в русскоязычные тексты и других татарских слов, словосочетаний или даже целых выражений: В его душе *татарлык* служит как камертон для энциклопедистов, ученых, краеведов (Саф Чишмә. Нояб. 2010. № 11). Слово *татарлык*, обозначающее татарскую идентичность, может быть буквально переведено как «татарство, татарскость», узнаваемость корня не оставляет сомнений. Приведем еще пример: *Весело напевая: «Сандугач-Сандугач, кит ме кит ме, Сандугач!»*, неслась я по коридорам Дома культуры после концерта, твердо решив учить татарский язык (Саф Чишмә. Нояб. 2010. № 11). В данном тексте при поддержке глагола *напевать* воспроизводятся слова известной татарской песни: «Соловей-соловей, не улетай, не улетай, соловей». Вербальные культурные, в том числе прецедентные, знаки чаще всего сопровождаются переводами, регулирующими понимание. Например: *Писатели татаро-башкирской секции Уральской Ассоциации пролетарских писателей (УралАПП) активно издавали в Свердловске произведения художественной литературы. Среди них была и пьеса Ягаля «Наданга суд» («Суд над безграмотными»)* (Саф Чишмә. 2010. Июль. № 7); *Фатих Карими на деньги золотопромышленников Рамиевых издавал младотатарскую (джадидскую) газету «Вақыт» («Время»)* (Саф Чишмә. 2012. Окт. № 10).

Активное использование татарской лексики, в частности безэквивалентных единиц, в русскоязычных текстах позволяет подчеркнуть самобытность народа, создать национальный колорит, а также объединить редакцию и читателей в круг «своих», близких по духу, понимающих друг друга людей.

Двуязычные СМИ заслуживают изучения не только с формальной, но и с содержательной, ценностной точки зрения: они формируют диалог культур, пропагандируют этнокультурные

ценности и тем самым способствуют укреплению коллективной идентичности, формированию межнациональной толерантности.

В анализируемой нами газете можно выделить тематические блоки, содержащие значимую этнокультурную информацию, необходимую для понимания национального мировидения. Важно отметить, что газета «Саф Чишмэ» татароцентрична: все публикации так или иначе связаны с жизнью татарского народа, его культурой. В центре внимания портретных очерков, зарисовок и интервью – татарские поэты, писатели, певцы, ремесленники. Героями публикаций становятся этнические татары – герои Великой Отечественной войны, учителя, ученые, предприниматели и др. Возможна также локусная привязка: для газеты актуальны события, происходящие в Татарстане и, в частности, в столице Татарстана – Казани. Повестка дня в газете «Саф Чишмэ» абсолютно специфична. Здесь нет обычных новостей, актуальных для страны в целом или для Свердловской области. Внимание газеты привлекают только события из жизни татарского народа, важные для татарского народа. Например: Всемирный конгресс татар, Курбан-байрам, Ураза-байрам, Сабантуй, местные праздники в татарских селах Свердловской области, Региональный турнир по спортивной борьбе «Көрэш» (*көрэш / корэш* – «борьба»), выставка картин татарских художников, семинар «Вопросы сохранения традиционной культуры в условиях сельских культурно-досуговых учреждений», открытие мечети, открытие памятника Герою Советского Союза Хасану Заманову, юбилей татарской печатной книги и др. Однако иногда повестка дня в газете «Саф Чишмэ» совпадает с общероссийской. Например, общероссийской значимостью и одновременно актуальностью для татарского народа обладают такие события, как Универсиада в Казани (6–17 июля 2013 г.).

В газете создается многогранный позитивный образ татарского народа. Одобрительно характеризуются такие черты национального характера, как уважение к старшим, щедрость, отзывчивость, коммуникативная открытость, высокие моральные качества, упорство, боевой дух и др. Например: *Я ощущаю себя татарин-ом, воспитывался в настоящей татарской семье и своим детям*

с детства прививал лучшие **татарские традиции**, к примеру, **уважение старших**. Уральский ювелир с казанскими корнями отмечает еще и такие черты татарского народа, как: **упорядоченность, упрямство, неординарность и стремительность** (Саф Чишмә. 2012. Окт. № 10); *Мы татары и должны прийти, если зовут* (Саф Чишмә. 2012. Окт. № 10); *Наши буланаишские татары отличаются тем, что если дали обещание, то держат его, они славятся своей порядочностью и ответственностью* (Саф Чишмә. 2010. Окт. № 10); *Национальная борьба «Корэши» широко известна издревле и горячо любима народом. Захватывающие поединки батыров всегда отличались своей привлекательностью и бойцовским духом* (Саф Чишмә. 2012. Нояб. № 11).

Формирование национальной идентичности предполагает знание своего происхождения: *Широкую известность получили его (художника Р. Ф. Хузина. – О. И.) полотна «Принятие булгарами Ислама в 922 году», «Ага-базар X века», в которых он воплотил величественный и одновременно лирический образ далеких предков татарского народа – волжских болгар* (Саф Чишмә. 2013. Май. № 5). Национальная идентичность татар предполагает и тесную связь с близким тюркским народом – башкирами, которые оказываются на втором месте по частоте упоминания в газете. Например: *Тайна исчезнувшего народа (куда подевались башкиры?)* (Саф Чишмә. 2010. Окт. № 10). При этом нередко национальная принадлежность отождествляется с религиозной: *Меня радует то, что этой благотворительностью занимаются не только мусульмане, но и православные. Это говорит о большой дружности наших народов* (Саф Чишмә. 2010. Авг. № 8). Газета, которая носит светский характер, исходит из того, что татарская культура тесно связана с исламом. В текстах подчеркивается, что в основе национальных традиций и верований заложены морально-нравственные категории, которые трактуются как собственно религиозные: *Ислам стоит на страже традиционных духовных ценностей, а это, в первую очередь, забота о здоровье взрослых и подрастающего поколения* (Саф Чишмә. 2010. Окт. № 10); *Курбан-байрам учит людей почитать старших, помогать*

нуждающимся, заботиться о близких, воспитывать детей в духе добра и благочестия (Саф Чишмэ. 2010. Нояб. № 11).

Рассказывая о национальных традициях, ритуалах, религиозных канонах, газета реализует просветительскую функцию. Так, перед началом месяца Рамадан публикуется подробное описание действий, которые предписано совершать в течение этого месяца, приводится таблица, в которой для каждого дня месяца указано время начала воздержания и время разговения (*имсак* и *ифтар*). Просветительская функция часто реализуется с помощью уточнения понятийного и коннотативного содержания опорного культурного знака: *Название фестиваля не случайно. «Тугәрәк уен» – молодежная игра, характерная для всех этнических групп татар. В основу данной игры заложен древний ритуал, связанный с солярным кругом* (Саф Чишмэ. 2010. Авг. № 8); *8 августа мусульмане будут отмечать праздник разговения Идаль-Фитр – Ураза-байрам. Этот день знаменует окончание месяца Рамадан – месяца милости и прощения. Месяц Рамадан – это месяц олицетворения милосердия, терпимости и самых гуманных человеческих чувств* (Саф Чишмэ. 2013. Июль. № 7). Журналисты заботятся не только о просвещении читателей, но и о пропаганде духовно-нравственных, культурных, семейных ценностей: *Татарам, проживающим вдали от исторической родины, очень важно помнить свои корни, сохранять свой язык, веру и традиции, чему будет очень помогать мечеть* (Саф Чишмэ. 2010. Окт. № 10); *Представленная нами программа нацелена на удовлетворение духовных запросов людей, не безразличных к истории и культуре своего народа. <...> ...главная цель нашего путешествия – зажечь в его участниках искру живого интереса к историческим и духовным ценностям своего народа* (Саф Чишмэ. 2013. Июль. № 7).

Не менее важной категорией является интеграция, причем важна не только интеграция татарского народа внутри «своего круга», но и интеграция татар с другими народами, с русским народом, а также объединение представителей разных религий: мусульман и православных. Концепт «дружба народов» является одним из ключевых для газеты «Саф Чишмэ»: *Это вуз, в котором*

уважают религию, культуру и традиции всех национальностей. Горный университет по праву можно назвать островком толерантности и дружбы народов (Саф Чишмэ. 2010. Нояб. № 11); *Я смотрел сейчас на выступление и подумал, насколько эти танцы гармонизируют друг с другом. Это говорит о большой и давней дружбе наших народов* (Саф Чишмэ. 2010. Окт. № 10); *Мечеть строится методом «народной стройки». <...> Значительную благотворительную помощь оказали... местные предприниматели, причем не только мусульмане, но и православные. «Это говорит о большой дружбе наших народов, о взаимопроникновении культур и взаимоуважении в Артемовском городском округе», – говорит Фавия Сафиуллина. Даже настоятель местного православного храма, стоящего рядом с мечетью, отец Сергей старается как может содействовать строительству* (Саф Чишмэ. 2010. Окт. № 10). Происходит развитие принятых в языке формул совместности: помимо общепринятого сочетания *дружба народов* появляются и новые сочетания, такие как *мусульмане и православные, храм рядом с мечетью* и др.

Таким образом, формальная и содержательная специфика национальной периодической печати обусловлена необходимостью сохранять культурные традиции, язык, историческую память народа, формировать групповую идентичность, а также создавать привлекательный образ этноса и выполнять просветительскую и интеграционную функции. При этом, как отметил Б. М. Гаспаров [2012], «разноязычие не является центробежной силой, а, напротив, является важным условием интеграции» народов многонациональной страны. Отражение в СМИ традиций, обычаев, верований, самобытности народа может позитивно воздействовать на массовое сознание, способствуя преодолению стереотипности мышления, разрушению негативных этнических стереотипов.

Литература

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2008.

- Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике: пер. с англ., фр., нем. итал. Вып. 6. Языковые контакты / сост., ред., вступ. ст. и коммент. В. Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25–60.
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М.: Индрик, 2005.
- Гаспаров Б. М.* Проблемы разноречия и разноречия: Ч. 2 [Электронный ресурс]. – 2012. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/4596> (дата обращения: 01.09.2013).
- Исхаков Р. Л.* Феномен этнической журналистики (к определению понятия) // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2008. – № 60. – С. 93–98.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008.
- Норман Б. Ю.* О функционировании русского языка в современной Республике Беларусь // Многообразие: проблемы изучения: тез. докл. и сообщ. Межвуз. научн. семинара с междунар. участием [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 14 мая. Екатеринбург: Изд. дом «ЛИТУР», 2013. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 15–17.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2001.
- Сагдеева Ф. К.* Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. – Казань: [б. и.], 2001.
- Татарская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Х. Хасанов, отв. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В.
- Татарско-русский словарь: в 2 т. – Казань: Магариф, 2007.
- Эмирова А. М.* Крымскотатарско-русская языковая интерференция: диахрония и синхрония // Megaling 2008. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий: докл. междунар. конф., 22–28 сентября 2008, Украина, Крым, Партенит. – Симферополь: ДиАйПи, 2008. – С. 319–322.

4.7. Языковая и культурная адаптация мигрантов в России: взгляд преподавателя

Н. А. Боровикова

Национальный состав населения российских городов и поселков за последние десятилетия заметно изменился. Все чаще на улице мы слышим не только русскую, но и таджикскую, узбекскую, азербайджанскую, армянскую речь. По-видимому, в настоящий момент можно констатировать наличие в российском коммуникативном пространстве ярко выраженного разноязычия.

Число мигрантов в России, в частности в Свердловской области, в последние годы неуклонно растет, поскольку существует и спрос на рабочую силу, и предложение со стороны стран Средней Азии и Закавказья, а также Украины и Молдовы. В сферах строительства, жилищно-коммунального хозяйства, общественного транспорта немалая часть работников — выходцы из бывших республик Советского Союза.

Неизбежным результатом массовых миграций является взаимодействие мигрантов как представителей определенного этноса с принимающим лингвокультурным сообществом. К сожалению, такое взаимодействие происходит для обеих сторон далеко не всегда безболезненно, в связи с чем проблема адаптации мигрантов в русской среде является крайне актуальной.

Понимая под адаптацией процесс и результат активного приспособления этнических групп к условиям другой социокультурной среды, мы разграничиваем адаптацию социально-экономическую и культурно-речевую, хотя они, естественно, тесно связаны между собой.

Успешная адаптация мигрантов зависит от множества факторов, среди которых отметим как основополагающие характер миграционной и национальной государственной политики, скоординированные действия различных властных структур, защищенный правовой статус мигрантов, помощь общественных организаций соотечественников и т. п. Для успешной адаптации

мигрантов немаловажными оказываются и такие факторы, как индивидуально-личностные характеристики мигранта (возраст, пол, уровень образования и профессиональной подготовки, общительность, личная мотивация, ценностные ориентиры, личностная самооценка и др.), а также дистанция между взаимодействующими культурами, проявляющаяся прежде всего в степени сходства и различий в образе жизни и языках.

Основным направлением культурно-речевой адаптации мигрантов является овладение ими русским языком и приобщение благодаря этому к русской культурной среде. Овладение русским языком позволяет мигрантам удовлетворять коммуникативные потребности, устанавливать необходимые контакты как с представителями власти и госслужб, так и с отдельными российскими гражданами.

Существует, как известно [Дмитриев 2011; Кашпур 2012; Попков 2004 и др.], несколько различных стратегий адаптации мигрантов к чужой среде:

1. «Геттоизация», когда проявляется стремление со стороны мигрантов избегать прямых контактов с коренным населением, стремление сохранить свой образ жизни, который был у них до миграции. «Геттоизация» чаще наблюдается в больших промышленных городах, мегаполисах, где мигранты селятся в одном районе большими этническими группами.

2. «Культурная колонизация», для которой характерны этноцентризм и интолерантность к новой, чуждой культуре, достаточно агрессивное стремление перенести атрибуты своей культуры в новую среду.

3. Ассимиляция – стратегия отказа от родной культуры, вхождение в новое культурное сообщество.

4. Стратегия интеграции, которая характеризуется высокой степенью приспособляемости к иной культурно-речевой среде. Мигранты, сохраняя свою культуру, язык и многие традиции, тем самым сохраняя собственную национальную идентичность, принимают атрибуты культуры другого (русского) народа, проявляют толерантность по отношению к иному образу жизни.

Процесс интеграции, или вхождения мигрантов в русскую рече-культурную среду, длителен и сложен. Роль школы и средств массовой информации в решении этой проблемы трудно переоценить. Назрела острая необходимость в создании курсов и школ для мигрантов, где они получили бы возможность изучать русский язык и русскую культуру, получать специальные знания по истории России, российскому праву.

В Уральском федеральном университете на базе кафедры русского языка для иностранных учащихся в 2012 году был организован Центр культурно-речевой адаптации мигрантов. Определены основные направления работы Центра: обучение мигрантов русскому языку, проведение тестирования мигрантов по русскому языку как иностранному для получения разрешения на работу, а также подготовка учителей начальных и средних школ для работы с детьми мигрантов в классах с полиэтническим составом.

При кафедре русского языка для иностранных учащихся уже 13 лет действует Центр тестирования по русскому языку иностранных граждан и лиц без гражданства, получающих гражданство РФ. Речь идет о двух разных категориях мигрантов: трудящиеся мигранты, приезжающие на сезонную работу, и мигранты, решившие связать свою судьбу с Россией и потому получающие гражданство РФ. Требования к владению русским языком для каждой из этих двух категорий разные.

Трудящиеся мигранты должны владеть русским языком на уровне, достаточном для удовлетворения элементарных коммуникативных потребностей, однако при этом им необходимо владеть не только устной, но и письменной формой русской речи, а также всеми видами речевой деятельности. Уровень рече-культурной адаптации этой категории мигрантов в большинстве случаев остается низким.

Другую категорию мигрантов составляют соискатели российского гражданства. Эта группа неоднородна по этнической принадлежности, возрасту, уровню образования и профессиональной подготовки, степени социально-экономической адаптации.

Уровень культурно-речевой адаптации этой категории мигрантов различен.

Особо выделяется группа лиц, не нуждающихся в культурно-речевой адаптации, — это русские, вернувшиеся на свою историческую родину из бывших республик СССР, и украинцы, интегрированные в русскую среду благодаря близости культур и языков а также исторически сложившимся контактам между двумя народами.

Иначе обстоит дело с выходцами из республик Средней Азии и Закавказья, живущими на территории России 5-10 лет. Для них характерны активная жизненная позиция, достаточно стабильная трудовая деятельность, наличие тесных контактов с представителями титульной нации, нередко — сложившиеся семейные отношения. Это чаще всего мужчины среднего возраста и старше. Их социально-экономическая адаптация в основном успешно завершена, но культурно-речевая компетенция остается невысокой в силу отсутствия общего и специального образования. Как правило, возникают трудности с чтением и письмом не только на русском, но и на родном языке.

Активно формируется группа мигрантов-женщин, занимающихся домашним хозяйством и воспитанием детей, проживающих достаточно изолированно от русской среды. Их рече-культурная адаптация осложняется социальной неадаптированностью. Часто овладение русским языком происходит с помощью их детей, посещающих детсады и школы.

Наибольшие трудности с рече-культурной адаптацией испытывают молодые люди из среднеазиатских и закавказских республик, не изучавшие на родине русского языка, не имеющие контактов с русскими и не проявляющие личной мотивации к органичному вхождению в русскую культурную среду.

Следует отметить, что выходцы из бывших республик Советского Союза в большинстве своем неплохо понимают русскую речь и говорят по-русски. Сложнее обстоит дело с чтением, письменной речью и грамматикой русского языка. Попытки преподавателей-русистов организовать курсы изучения русского языка как

иностранный для мигрантов разных категорий, к большому сожалению, оказываются безрезультатными: не проявляется массовая заинтересованность в изучении русского языка со стороны самих мигрантов. Осложняет такое положение, по нашему мнению, отсутствие целевого государственного финансирования.

Со стороны государства был сделан шаг навстречу языковой миграционной политике – приняты законы об обязательном знании русского языка иностранцами, получающими гражданство РФ (Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации № 62 — ФЗ от 31 мая 2002 года, ст. 13), и трудящимися мигрантами (Федеральный закон № 185 — ФЗ от 12 ноября 2012 года). Сдача тестов по русскому языку как иностранному с выдачей сертификата, подтверждающего владение языком, — это лишь контроль степени овладения языком. А сам процесс обучения языку остается заботой самих мигрантов. Государство не оказывает действенной помощи, не берет на себя ответственности за обучение языку и осуществление культурно-речевой адаптации мигрантов и лиц, получающих гражданство РФ. Контролировать и наказывать — основные функции нашего государства в области миграционной политики.

Однако государство, как и все граждане России, должно быть заинтересовано в том, чтобы существовал паритетный межкультурный диалог, чтобы не возникали болезненные для обеих сторон конфликтные ситуации в процессе коммуникации.

Опыт проведения тестирования по русскому языку как иностранному лиц, претендующих на получение гражданства РФ, не позволяет говорить о высокой степени адаптированности мигрантов из республик бывшего СССР. Обобщая результаты тестов (более тысячи человек, проходивших тестирование в нашем Центре и оформлявших гражданство РФ в последние годы в Свердловской, Тюменской, Курганской областях, в ХМАО, ЯНАО), можно отметить типичные трудности, препятствующие адекватной коммуникации мигрантов на русском языке.

Прежде всего вызывают трудность русские фамилии, имена и отчества, причем многие мигранты не различают фамилию

и отчество. В заявлении пишут, например, *З. И. Петровичу* вместо *Замятину И. П.* Естественно, склонение русских фамилий, имен и отчеств традиционно является труднопреодолимой проблемой.

Формы обращения к собеседнику, принятые в русской лингвокультуре, также не осваиваются в полной мере многими мигрантами. В деловой сфере общения используются обращения: *Уважаемый! Уважаемая Мария! Моя хорошая! Аркадьевна! Золотая!* С другой стороны, в письме дружеского характера можно встретить обращения типа *Привет, уважаемый Николай Иванович! Здравствуй, уважаемый Бахтиер!*

Написание адреса на конверте письма для многих мигрантов оказывается сложным (область, населенный пункт, улица, дом, квартира), причем аргументом может служить, со слов обучаемого, то, что «он никогда не писал почтовых писем». Географические названия, воспринимаемые на слух, в письменной речи искажаются. Например, *Маскыва, Тумен* (вместо Тюмень), *Катеринбрук* (вместо Екатеринбург).

Названия профессий иногда требуют расшифровки: *малярка* — женщина-маляр, *мойка* — мойщица, *ахараник* — охранник, *гуршек* — грузчик и т. п.

Надо заметить, что если с устной разговорной речью сдающие тесты, как правило, знакомы и допускают в основном коммуникативно незначимые ошибки, то о книжно-письменной форме русской речи, в особенности о стилистической ее дифференциации, о стандартах обиходно-делового стиля русской речи мало кто имеет представление. Не случайно в заявлении о приеме на работу можно встретить формулировки: *Хочу работать здесь. Возьмите мене работать* и т. п. Иногда женщины отказываются выполнить задание, нацеливающее на составление текста заявления о приеме на работу, и мотивируют свой отказ: «*Я не работаю и не хочу работать*». Освоение жанровых стандартов деловой речи вызывает затруднения у представителей стран Средней Азии и Закавказья. Между тем включение мигранта в деловую коммуникацию требует от него знания принятых норм.

Таким образом, проблема адаптации мигрантов в русской лингвокультурной среде является живой, чрезвычайно актуальной и, к сожалению, далеко не решенной, что обуславливает необходимость обновления методик преподавания русского языка как неродного для целевой аудитории и в соответствии с современными требованиями.

Литература

- Дмитриев А. В.* Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия / А. В. Дмитриев, Г. А. Пядухов // Социологические исследования. – 2011. — № 12. – С. 50–60.
- Кашпур В. В.* Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) / В. В. Кашпур, И. Г. Поправко // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2012. — № 354. – С. 88–93.
- Попков В. Д.* Сценарии развития диаспорных общин и проблемы адаптации этнических мигрантов // Межкультурный диалог: исследования и практика. – М. : Центр СМИ МГУ, 2004. – С. 191–203.
- Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации : монография / науч. ред. проф. В. И. Дятлов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 396 с.

Сведения об авторах

Асташова Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, ассистент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Боровикова Наталья Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Вепрева Ирина Трофимовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Гаспаров Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и славистики Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Данилов Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Дунев Алексей Иванович – кандидат филологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Ильина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Ицкович Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия).

Купина Наталия Александровна – доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Кусе Хольгер – доктор филологии, профессор Института славистики технического университета (Дрезден, Германия).

Литовская Мария Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Мегрелишвили Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, профессор Тбилисского технического университета (Тбилиси, Грузия).

Михайлова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Мустайоки Арто – доктор философии, профессор русского языка и литературы, заведующий отделением современных языков, проректор Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия).

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Пикулева Юлия Борисовна – кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Протасова Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия).

ТуксAITова Райхан Омерзаковна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского и казахского языков Казахского аграрно-технического университета имени С. Сейфуллина (Астана, Казахстан).

Шалина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Шарлай Марина – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славистики технического университета (Дрезден, Германия).

Шулындина Екатерина Владимировна – магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

R 95 The Russian language in the multi-language social and cultural environment : [monographs] / chief editor B. Gazparov, N. Kupina. — Yekaterinburg : Ural Federal University press, 2014. — 324 p.

ISBN 978-5-7996-1083-8

The present collective monograph is dedicated to the study of heteroglossia in contemporary Russian language, i. e., of the plurality of speech genres, social and generational variations, and different means of transmission (written, oral, electronic) that underlies speech practices of speakers of Russian today. The studies of the plurality of speech behavior are based on a working hypothesis according to which the principal effect for the society at large of the multiplicity of its speaking voices is not division but on the contrary, integration and mutual adaptation. To be understood by a social, professional, generational «other» and, by the same token, to be able to function in the variety of everyday situations, a speaker has to adapt, to a larger or lesser extent, his or her speech habits, in order to meet all the variety of the communicative challenges involved in his / her everyday existence. Paradoxically, it is the plurality of speech genres and modes rather than an imagined uniformity that serves, by promoting multiple speech identities of every speaker, as a catalyst of flexibility and tolerance.

The monograph contains studies of various social and media dimensions of heteroglossia based on primary speech sources; together, they offer a picture of Russian as spoken today, whose principal characteristics could be described as «kaleidoscopic unity». A particular section in the book is dedicated to the analysis of the status of Russian language in the near and far abroad.

UDC 811.161.1'276

РУССКИЙ ЯЗЫК В МНОГОРЕЧНОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Корректор *Ю. М. Кокошко*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*
Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Подписано в печать 30.01.2014.
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 17,9. Усл. печ. л. 18,8. Тираж 300 экз. Заказ № 187.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13.
Факс: +7 (343) 358-93-06.
E-mail: press-urfu@mail.ru